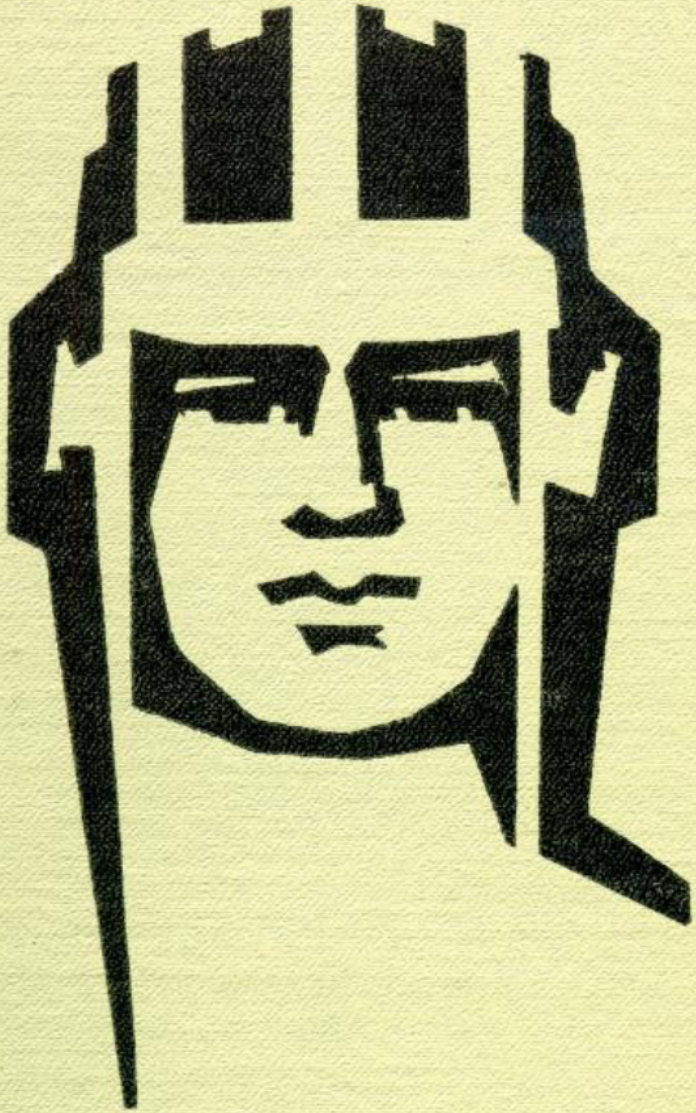


SHOUT
SHARE
IT

- Огненные версты
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - ВСТРЕЧА С ДОБРОВОЛЬЦАМИ
    - ЧЕЛЯБИНЦЫ
    - ПУТЬ ДЕРЖИМ НА ФРОНТ
    - В РОДНЫХ КРАЯХ
    - ПЕРВАЯ СХВАТКА С ВРАГОМ
    - РЫВОК ВПЕРЕД
    - НИ ШАГУ НАЗАД!
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - МЫ — ГВАРДЕЙЦЫ!
    - ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!
    - АТАКА НА РАССВЕТЕ
    - В ОГНЕВОМ КОЛЬЦЕ
    - РЕЙД ПО ТЫЛАМ
    - УДАР НА БУЧАЧ
    - СМЕЛЫЙ МАНЕВР
    - АЛЕКСАНДР МАРЧЕНКО И ЕГО ТОВАРИЩИ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    -
    - ГРАНИЦА ОСТАЕТСЯ ПОЗАДИ
    - ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА
    - НА ПОСЛЕДНИХ РУБЕЖАХ
    - ПРАГА ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ
    - ДРУЗЬЯ МОИ, ОДНОПОЛЧАНЕ
- notes
  - 1

Огненные версты

ВРЕМЯ ЛИСТАЕТ КАЛЕНДАРЬ ИСТОРИИ. ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ УХОДЯТ СУРОВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ВРЕМЯ БЕРЕТ СВОЕ. НО ОНО БЕССИЛЬНО СТЕРЕТЬ В ПАМЯТИ ИМЕНА ТЕХ, С КЕМ МНЕ ПРИШЛОСЬ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ОТСТАИВАТЬ

РОДНУЮ ЗЕМЛЮ, БЕСПОЩАДНО ГРОМИТЬ НЕНАВИСТНОГО ВРАГА. И ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ НАШИ ДЕТИ И ВНУКИ ЗНАЛИ, КАКОЮ ЦЕНОЮ НАМ ДАЛАСЬ ПОБЕДА. НЕ СМЕЮ ОТСТУПАТЬ ОТ ПРАВДЫ ДАЖЕ В МЕЛОЧАХ. ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ, О ПРОЙДЕННЫХ ПУТЯХ-ДОРОГАХ ОТ ОРЛОВЩИНЫ ДО ПРАГИ, О ТЕХ, КТО ОТДАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА С ДОБРОВОЛЬЦАМИ

С трудом добрался до окраины Москвы, вышел на автостраду. Поднял руку. У обочины водитель резко притормозил машину, высунулся из кабины:

— Слушаю вас.

— Мне до Н-ска, подвези-ка, товарищ.

Шофер что-то соображает, окидывая взглядом меня с головы до ног. Потом, как бы делая одолжение, говорит:

— По пути нам, садитесь.

Захлопываю дверцу. Видавший виды «ГАЗ-АА» сердито фыркнул, рванулся вперед. Но автострада запружена обозами, машинами, танками. Объезжаем небольшую колонну мотоциклистов. Неожиданно на пути вырос регулировщик, показывает объезд вправо. Нашу полуторку лихорадочно трясет на ухабах. По глубокой колее движемся черепашьей скоростью. Водитель мне кивает: «Доберемся, не в таких перепалках доводилось быть».

Видно, бывалый фронтовик, много суток не выходил из машины, на нем замасленный комбинезон, руки — в кровяных волдырях, под глазами отеки, лицо обросло густой щетиной.

Разговорились. Спрашиваю:

— Давно на фронте?

Водитель не спешит с ответом, думает о чем-то своем. Спустя некоторое время отвечает:

— Почти с первого дня войны. Подвожу на передовую боеприпасы, продовольствие, медикаменты. И все на ней. Правда, оба были в капремонте. Я в госпитале, она — в ПАРМе[1]. — Солдат вытер вспотевшее лицо и умолк.

В кабине душно: июльский день стоял на редкость жарким. Я вплотную придвинулся к дверце кабины, глотаю свежий воздух. По сторонам дороги часто встречались огневые позиции зенитчиков. На орудия, с поднятыми вверх стволами, накинуты маскировочные сети. Рядом — солдаты, готовые в любую секунду занять свои места у боевых систем.

Километров через пять выезжаем на шоссе. Шофер увеличивает скорость. На своей полуторке ухитряется обогнать несколько легковых машин. Мне тоже хочется скорее попасть в войска. Шесть месяцев прошло с тех пор, как я был отозван с фронта в одно из управлений Генерального штаба. Писал несколько рапортов. Но каждый раз мой начальник сухо отчитывал меня.

— За что же так? — однажды не выдержал я.

Генерал вскинул брови.

— Идите, — коротко сказал он. — Завтра утром зайдете ко мне.

На следующий день в кабинете начальника разговор был коротким:

— В районе Н-ска сосредоточился Уральский добровольческий танковый корпус. Скоро он выедет на фронт. — И официальным тоном добавил:

— Приказываю вам для офицеров добровольческого корпуса прочитать лекцию о танковых войсках гитлеровцев.

…Откидываюсь на спинку сидения. Думаю о Родине. Прошло два года тяжелой и изнурительной войны. В 1941 году у стен столицы гитлеровцам дали по заслугам. В 1942 году в Сталинграде они испытали силу русского оружия. Но враг не унимается. В районе Курской дуги немцы сосредоточили мощные ударные группы.

Шофер притормозил машину:

— Вам выходить, товарищ подполковник.

Иду напрямик по мелкому ельнику. Под ногами шелестит сухая трава, где-то стрекочет кузнечик. Небо чистое, безоблачное. Даже не верится, что недалеко идут тяжелые, жаркие бои.

Взбегаю на бугорок. Легкий ветерок колышет жухлую траву. Солдаты тащат станковый пулемет «Максим», за ним вплотную, налегая на колеса, артиллеристы перекатывают 45-миллиметровое орудие. Догадываюсь, идет учебное занятие. Подзываю стоящего невдалеке лейтенанта. Придерживая полевую сумку, он бегом направляется ко мне. Спрашиваю, как попасть в штаб добровольческого корпуса.

Молоденький лейтенант переминается с ноги на ногу:

— Кто вы будете?

Достаю удостоверение. Лейтенант объясняет долго и невнятно, сопровождая свои слова взмахами обеих рук.

— Нельзя ли короче, товарищ лейтенант?

Офицер сконфуженно смотрит на меня:

— Хотел как лучше.

В трехстах шагах виднеются пятнистые, цвета летней травы палатки.

— Там, что ли?

— Это наша бригада, за ней — штаб.

Минут через пять-шесть оказался у деревянного домика среди вековых сосен. Дежурный офицер спрашивает:

— Вам к кому?

Объясняю.

— Одну минуточку, — произнес майор. — Сейчас выясним.

Вскоре он снова появился в дверях:

— Вас просит замкомандира.

Вхожу в кабинет. Полковник устало поднялся из-за стола, протянул руку:

— Вовремя прибыли, офицерский состав собран.

Направляемся в клуб. На свежеобтесанных скамейках сидят офицеры, дымя самокрутками. Записей у меня никаких не было, и я без лишних слов начал говорить о танковых войсках гитлеровцев. Беседа затянулась надолго. Вопросов было много. И совершенно неожиданно для меня кто-то спросил:

— Открытие второго фронта можно ожидать?

Что ответить? И я, и многие другие верили в заверение премьер-министра Англии Уинстона Черчилля, что вот-вот союзники нам помогут. Я ответил просто:

— Поживем, увидим!

— Сами управимся, — заметил лейтенант, сидевший в первом ряду.

— Совершенно верно, — поддержал я. — Фашистов бить можно.

— Так вы и расскажите, товарищ подполковник, как их били, — глядя на мой орден Красной Звезды, сказал он. — Интересно ведь, в боях мы не все бывали.

Я смотрю на рослого, сухощавого лейтенанта. В глазах — необыкновенное любопытство. Офицер поднялся, поправил ремень и смущенно произнес:

— Из училища мы, большинство, поэтому и допытываемся. Акиншин моя фамилия, командир танка.

О себе говорить не так-то легко. Десятки глаз смотрят на меня. В памяти всплыли первые дни войны. Наш полк стоял невдалеке от границы. Безжалостно бомбила фашистская авиация. Немецкие танки рвались вперед. Командир дивизии приказал нашему батальону: умрите, но сдержите хотя бы на два-три часа фашистов. Рядом по пыльным дорогам Советской Украины бесконечной лентой тянулись на восток груженые обозы, пешие колонны войск, беженцы. Ходуном ходила земля: на бреющем полете гитлеровские разбойники сбрасывали одну за другой бомбы.

— Ридни мои, сынки, спасите, — обливаясь кровью, старушка прижала к груди годовалого ребенка. — Внучек мой…

Танки батальона рассредоточились на опушке леса. Подхожу к экипажу старшины Григория Можейко. Красноармейцы роют окопы. На вылинявших гимнастерках выступил пот. Люди трудятся молча.

— Видели, товарищи, что творится на шоссе? Так знайте: они

на нас надеются.

После бомбежки медленно оседает пыль. Я иду по опушке рощи, подбадриваю людей.

— Товарищ старший лейтенант, танки!

Танки движутся в колонне. У перекидного моста через небольшую речушку остановились. Насчитываю пока восемь машин. Из головной машины вышел офицер, небрежно вскинул бинокль. Взмахнул рукой: вперед.

Лязгая гусеницами, фашистские танки медленно продвигаются вперед по мосту. Комбат меня торопит:

— Начнем!

— Минуточку, пусть гады ползут. Бить будем по последнему. Сделаем пробку, а потом расправимся с остальными.

Погодя минуту-другую резко ударили наши орудия. Побольше бы огонька, помощней бы пушки. Запылал замыкающий танк, за ним — второй… Немцы всполошились и открыли по нам ураганный огонь. У моста запылало четыре танка, но фашисты продолжали наседать. — В том бою погиб мой комбат, а мы еще долго удерживали рубеж.

Офицеры корпуса оживились:

— Так то было в начале войны. А теперь у нас «тридцатьчетверки». Не чета «Т-26»…

Ужинать привели в солдатскую столовую. В алюминиевой миске подали гречневую кашу. Но есть не хочется. Думаю о людях, с которыми только что беседовал. Сумел ли хоть немного передать то, что хотелось? Поняли ли добровольцы, что впереди очень тяжелые бои, дальние солдатские пути-дороги.

Меня кто-то толкает в бок:

— Есть надо, товарищ подполковник.

— Хохлов, Виктор Иванович. — Вскакиваю со скамейки. Не верится, что рядом стоит мой фронтовой товарищ, бывший заместитель командира бригады по тылу. Вместе воевали за Украину, Северный Донец, Сталинград. Неожиданная встреча. Хлопаем друг друга по плечу, крепко жмем руки. Присели, разговорились. Вспомнили дни, совместно проведенные на фронте, друзей. Виктор Иванович мне говорит:

— После госпиталя я пока не у дел. Разыскиваю нашего бывшего комбрига Василия Михайловича Баданова. Сейчас он назначен командармом 4-й танковой. Говорят, он где-то здесь, знакомится с уральцами-добровольцами, корпус которых вошел в состав армии. Буду проситься у него, должен же он уважить мою просьбу.

— Так и я с тобой пойду.

В штабе корпуса выяснили, что Баданов еще в обед уехал в Москву. Пытаемся узнать его адрес, но толком никто не может сказать. Решили ехать в Москву. Подвернулся, кстати, и грузовик. Забираемся в кузов. Пыль толстым слоем покрыла доски, и наше новенькое обмундирование враз потеряло цвет. Нас бросает из стороны в сторону, ящики, наполненные консервными банками, больно ударяют в бока, накатываются на ноги. Но мы не обращаем на это внимания. Нас волнует другое: удастся ли уговорить генерала Баданова, чтобы он о нас похлопотал в Главном управлении кадров.

Впервые с Василием Михайловичем Бадановым мне довелось встретиться в сентябре 1941 года в городе Змиеве, что под Харьковом. Он был назначен командиром нашей бригады, в которой я исполнял обязанности начальника штаба. Полковник был собранным, волевым человеком и вскоре его полюбили в бригаде. Он нередко, рискуя жизнью, смело шел в бой, умело руководил подчиненными подразделениями. И хотя враг заставлял нас отходить, наша бригада нередко наносила фашистам непоправимый урон и в живой силе, и в технике.

Как-то вечером я приехал на командный пункт бригады. Василий Михайлович кого-то отчитывал по рации, требовал ни в коем случае не оставлять занятый рубеж. Бросив трубку, полковник зло выругался, закурил. Но тут же успокоился и, обращаясь ко мне, сказал:

— Приказываю командиру второго батальона хотя бы на время удержать перекресток дорог. А он в ответ: «Не смогу». И прав. Танков в батальоне осталось лишь два, да и те потрепаны. И гитлеровцев прет тьма…

Наша бригада была вооружена танками «Т-26». В жарких осенних боях у нас их осталось совсем немного, по три-четыре танка в батальоне. К тому же, по тактико-техническим данным они значительно уступали немецким.

Ночью мы вынуждены были сменить командный пункт. Еду с комбригом в одной машине, на которой смонтирована полевая радиостанция. Натыкаемся на колонну танков. Комбриг выскочил из машины, подзывает к себе старшего. Оказалось, что эти шесть танков из соседней бригады отстали от своих.

— Танкам следовать за моей машиной, — распорядился Василий Михайлович.

На рассвете заняли оборону на западной окраине деревни Берестовенька. По дороге, прямо по степи шли беженцы, тянулись скрипучие обозы, груженные всяким домашним скарбом, табуны скота. Люди уходили на восток, и, глядя на этот нескончаемый поток, больно становилось на душе. Жаль было детей, женщин,

стариков. А чем мы им могли помочь? Словно угадав мои мысли, полковник Баданов сказал:

— Умрем, но рубеж не сдадим.

Наступал удивительный день. Из-за деревьев показалось яркое солнце, на небе ни облачка. К этому времени танки бригады были тщательно замаскированы. Наши танкисты ждали предстоящего боя. А немцы почему-то не появлялись. Что же замышляют враги? Не думают ли они нам преподнести сюрприз?

Комбриг распорядился выслать разведку, но тут же свое решение отменил. В сторону деревни двигалось несколько бронетранспортеров, окрашенных в пестрый цвет. Беженцы, бросая свои вещи, рассыпались по кукурузному полю. Подпустив машины на близкое расстояние, наши танкисты быстро с ними расправились.

Спустя минут двадцать появилось более десяти фашистских танков и несколько крытых брезентами грузовиков с пехотой. Разгорелся бой. Немцы стали теснить наш правый фланг. Комбриг в своем танке помчался туда.

Появление полковника воодушевило бойцов. Но силы были неравными. К вечеру немцам удалось нас оттеснить на несколько сот метров.

Вдоль небольшой речушки мы стали зарывать в землю оставшиеся танки. Однако инженерные работы до конца не удалось произвести: среди ночи начальник связи капитан Д. Ковалев вручил комбригу телеграмму. Бригаде приказано перейти на новый рубеж. Мы вынуждены были оставить деревню Берестовенька.

Во многих еще боях мне бок о бок пришлось воевать с товарищем Бадановым. Весной 1942 года его перевели с повышением, и с тех пор мы не встречались.

В Москву приехали глухой ночью. Я жил в то время на частной квартире на Смоленской площади. С дороги помылись, выпили по кружке чая и легли спать.

Утром чуть рассвет мы с майором Хохловым были уже на ногах. Наспех побрились — и в Главное управление бронетанковых войск. Адрес Баданова дали точный: проживает в гостинице Центрального Дома Советской Армии, в комнате 234. Спешим туда.

Взбегаем на второй этаж, стучимся в дверь. Нам никто не отвечает. Без разрешения входим в комнату. Генерал В. М. Баданов сидит на кровати, просматривает свежие утренние газеты. Отложив в сторону газету, генерал приподнялся:

— А, Фомичев, проходи, проходи. Никак, и Хохлов. Вот так встреча.

Василий Михайлович подошел к нам. Мы обнялись, расцеловались. Генерал заметно постарел, но выглядел бодро. Он был чисто выбрит, в выутюженной форме. Окинув нас пристальным взглядом, командир спросил:

— Каким ветром занесло? — А потом, спохватившись, предложил: — Садитесь, товарищи.

Из-под кровати он достал тощий вещмешок. На стол вывалил несколько кусочков сахара, банку консервов, буханку черствого хлеба:

— Угощайтесь. Сейчас чаю принесут. На другое не рассчитывайте. Рад бы по рюмочке, но фляга пуста.

Мы засиделись. Рассказали генералу, по какому вопросу пришли. Василий Михайлович неожиданно оживился.

— Пойдешь комбригом Челябинской танковой? — и, не дожидаясь ответа, обратился к Хохлову:

— А ты к Фомичеву заместителем по тылу.

Потирая руки, генерал обрадованно сказал:

— На ловца и зверь бежит. Хорошо, ей-ей хорошо. А я кадры подыскивал. Завтра же будет приказ. Готовьтесь.

Но пришлось еще испытать мытарства. Поначалу меня не отпускали. Загоревал я. Девятого или десятого июля меня вызвал сначала мой непосредственный начальник, генерал Хлопов, а затем — в ЦК партии. Беседа была короткой. В руках у меня предписание: я назначен командиром 244-й Челябинской добровольческой танковой бригады.

ЧЕЛЯБИНЦЫ

За мной прислали новенький «виллис». Словоохотливый водитель красноармеец Виктор Дорошевский по секрету сообщил:

— В бригаде люди что надо. На фронт рвутся.

О чем-то он еще говорил, а я мысленно прощался с родной столицей. До свидания, увидимся ли скоро?

В эти дни уже шли кровопролитные бои на Курской земле. Из сводок Совинформбюро знал, что нашей армии приходится нелегко. Враг вновь обрушился со всей силой и пытается взять реванш за Сталинград. Впереди еще бои, бои…

Очнулся на окраине Москвы.

— Стой!

Водитель резко затормозил машину и удивленно вскинул брови.

— С ветерком хотел вас, — виновато сказал он.

— Домой мне надо, чуть ли не позабыл.

Водитель круто разворачивает машину и жмет назад. Указываю ему дорогу. Возле дома почти на ходу выскакиваю из машины и бегом в квартиру. Свой скудный паек оставляю хозяевам. Они ни в какую:

— Вам на фронт, а мы тут как-нибудь обойдемся.

Солнце было в зените, когда мы доехали до сосняка, где временно расположилась бригада. У входа в штаб меня встретил исполняющий обязанности комбрига подполковник В. И. Панфилов.

Мы прошли по территории расположения бригады. Ровные аллеи посыпаны свежим песком, аккуратно разбиты клумбы.

— Челябинцы — народ старательный, к порядку привыкли. Все это вечерами делают, — сообщил Владимир Иванович.

Зашли в одну из палаток. Из сосновых досок сбиты нары. Поверх веток из хвои — плащ-палатки, вместо подушек — вещевые мешки. Посредине — самодельный стол, скамейки.

Нас догнал начальник политотдела, представился:

— Подполковник Богомолов, Михаил Александрович.

Присели на скамейку. В тени было прохладно. Панфилов и Богомолов рассказывали мне о людях бригады, ее укомплектованности техникой и вооружением, об обученности личного состава.

Из сообщений своих заместителей я узнал о том, что в феврале 1943 года рабочие индустриального Урала выдвинули идею создания добровольческого танкового корпуса.

Свердловский, Челябинский и Пермский обкомы партии обратились в Центральный Комитет партии с просьбой разрешить сформировать за счет внутренних ресурсов трех областей добровольческий танковый корпус.

ЦК КПСС и Советское правительство, Государственный комитет обороны одобрили инициативу уральцев, и весной 1943 года началось формирование Уральского добровольческого танкового корпуса.

Весть о создании добровольческого корпуса молнией облетела города и села Урала. Желающих оказалось много. В парткомы, сельские Советы, в учреждения посыпались тысячи заявлений. Отбирали лучших из лучших. Одновременно трудящиеся Урала на свои сбережения изготовляли танки, орудия, винтовки, боеприпасы, снаряжение для личного, состава. Корпусу было присвоено наименование — 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. 1 мая добровольцы приняли военную присягу, а 9 мая им был дан народный наказ.

Начальник политотдела М. А. Богомолов показал мне листовку, отпечатанную типографским способом.

— Эта листовка-наказ вручена каждому воину-добровольцу, — сказал он.

Я прочел наказ:

> «Помните, сыновья и братья наши: всегда, когда над родной землей бушевали грозы войны и иноземный захватчик шел на Русь с мечем, Урал ощетинивался грозными жерлами пушек, стеной штыков, встречая захватчиков.
>
> …И ныне сыны Урала с первого дня Великой Отечественной войны встали в ряды доблестных защитников Советской Родины. Не посрамили они славы предков, высоко несут гордое звание уральцев. Тысячи и тысячи наших земляков покрыли себя бессмертной славой на полях сражений. Весь советский народ чтит их за беззаветное мужество и храбрость…
>
> Родные наши!
>
> Вы вступили в Уральский добровольческий танковый корпус. Такое особо почетное имя ко многому обязывает… Не забывайте об этом ни на час…
>
> …Советская Родина каждому из нас дорога. Честь, свобода и независимость ее — дороже собственной жизни. Где бы вы ни сражались — у стен ли Смоленска, у порогов Днепра или в ущельях Крымских гор, — помните, что вы сражаетесь за Родину, за Москву, вы

отстаиваете народные богатства Урала, вы защищаете Свердловск и Магнитку, город стали и булата — Златоуст и индустриальный Челябинск, Ильменскую сокровищницу минералов и жемчужину Урала — красивейшее в мире озеро Увильды, плодородные степи и дремучие уральские леса — все то, что полито потом и кровью дедов, отцов и братьев.

…Бейтесь так, чтобы еще ярче разгорелось имя «Уралец», написанное на башнях ваших танков, чтобы в боях и сражениях завоевали вы почетное наименование гвардейского особого корпуса. Вести о присвоении гвардейского звания мы ждем от вас вместе с вестью о победах.

…Мы наказываем вам:

Полностью используйте высокую маневренность наших замечательных машин, станьте мастерами танковых ударов, овладевайте тактикой ведения боя, показывайте образцы высокой воинской дисциплины, стойкости и организованности.

…Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это наша кровь, наша старинная уральская добрая слава, наш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков. Ждем вас с победой, товарищи».

Оторвался от листовки, задумался. Народ Урала доверил своим сынам, братьям, отцам грозное оружие. Он верит, что уральцы не дрогнут в боях, внесут свой весомый вклад в полное освобождение родной земли. Эта ответственность ложится и на нас, командиров. Мы поведем их в бой.

Подполковник Богомолов сказал, что добровольцы, хотя в основном уже обучены, должны еще упорно учиться военному делу.

Мы пришли к общему выводу: и впредь каждую минуту, каждый час — боевой учебе.

Уже сгустились сумерки, и мы направились в столовую. Наспех поужинали, и я, попрощавшись с Богомоловым и Панфиловым, лег спать. Но сон не шел. Я думал о новом назначении, о том, что отныне мне доверена судьба нескольких сот людей. С ними мне теперь делить радости побед и горечь неудач. Что я знаю о них? Пока ничего. Знаю одна — надо всех людей, будь ты радист, заряжающий, штабной офицер или политработник, сплотить в единую боевую семью, в крепкий дружный коллектив…

На фронт.

Проснулся рано. Вышел на улицу. Было свежо, легкий туман висел над землей. Оглядел приютившиеся одна к другой палатки. Невдалеке застыли танки. В лесу стояла необыкновенная тишина. Вставало солнце, и его лучи едва-едва пробивались сквозь ветки густых сосен. По тропинке к палатке торопливо шагал солдат с котелком в руках.

— Куда в такую рань?

— К вам приставлен, ординарцем, — выпалил красноармеец, — Собко я, Марк Наумович.

После завтрака в сопровождении своего заместителя подполковника Панфилова я направился на учебное поле. На опушке леса наткнулись на танкистов. На разостланном брезенте были разложены части клинового затвора пушки, подвижные части пулемета. Танкисты увлеклись своим делом и не заметили, как мы подошли.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал я.

Танкисты встали. Лейтенант, вытерев паклей руки, лихо отчеканил:

— Командир танка лейтенант Акиншин.

Я протянул руку:

— А я ваш комбриг. Кажется, мы с вами уже знакомы?

Лейтенант удивленно смотрит на меня:

— Изучаем вооружение танка, товарищ подполковник.

— Вот и хорошо. Садитесь, товарищи.

Попросил одного из танкистов разобрать затвор. Командир орудия сержант Мордвинцев в считанные секунды выполнил команду. Откуда такие знания, уверенные действия?

— Под Москвой я воевал, в бригаде полковника Катукова. На «Т-26». Теперь вот в добровольческом, челябинский я.

Командир танка Михаил Акиншин подробно рассказал о людях экипажа. Механик-водитель комсомолец Федор Сурков работал ранее в Челябинске — стройуправление № 22. Стрелок-радист Александр Марченко накануне войны окончил Черкасский техникум дорожного строительства, работал инженером во Львовской экспедиции «Киевгипротранса». В начале войны выехал на Урал. Марченко сухощавый, на вид еще и двадцати пяти нет, но у него за плечами большая жизнь.

— Ваш танк назван «Беспощадный», оправдайте это доверие.

— Постараемся, — заверили меня члены экипажа.

Прощаюсь с танкистами. Понравились мне эти люди.

Командир танкового батальона гвардии капитан М. Г. Акиншин (1945 г.).

Взглянул на часы, Как быстро бежит время. Надо торопиться. Хочется посмотреть, как идут занятия в других экипажах, как танкисты готовятся к предстоящим боям.

На башне танка надпись «Комсомолец». Подхожу к танкистам. Кто-то крикнул:

— Смирна-а!

Солдаты гасят самокрутки, переминаются с ноги на ногу.

— Перерыв у нас, товарищ подполковник, — докладывает лейтенант. — Не ожидали вас, — и офицер скомандовал:

— Приступить к занятиям!

Один из солдат схватил учебный снаряд, ловко забрался на броню и тут же скрылся в машине. Ствол пушки начал описывать круги.

— Тренируемся мы, учимся устранять задержки.

— Добро, — сказал я. — Кто же у вас в экипаже?

Через минуту танкисты окружили меня. Интересуюсь, как идет учеба, чем занимаются в свободное время, как питание. Рослый лейтенант выжидающе смотрит на меня. Вижу, грустит почему-то офицер.

— Невеста пишет?

— Никак нет, товарищ подполковник. Дивчина-то там, в неволе. Из Полтавской я. Фамилия моя Любивец, Иваном зовут.

Иван Любивец — сын полтавского хлебороба. В начале войны семнадцатилетним пареньком пошел добровольно в армию, а по окончании военного училища был направлен в Челябинскую бригаду.

— Кисет ее, моей коханой. Закурите.

Иван протянул мне расшитый кисет. Закурили.

— Надо быстрее вызволять Украину, — задумчиво произнес танкист.

Я продолжал разговор.

— Нам, товарищи, придется освобождать от нечисти многие города и села нашей страны. И не только Украину, но и полностью вышвырнуть непрошеных врагов с родной советской земли. Впереди бои. Так давайте серьезно готовиться к схватке с немецко-фашистскими захватчиками.

Люди, преисполненные чувством долга перед Родиной, выражали свою готовность в предстоящих боях сражаться до последней капли крови, до последнего дыхания, говорили, что уральцы не посрамят славы русского оружия.

Побывал я у стрелков, разведчиков, зенитчиков. Июльский день угасал. Солнце посылало прощальные лучи. Я присел возле своей палатки на траву, уже отдававшей прохладой. Легкий ветерок шелестел ветками сосен, беззаботно стрекотали кузнечики, где-то заливался соловей.

Лились звуки баяна. Добровольцы отдыхали. Приятный тенорок выводил:

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Утром на небольшом плацу, зажатом рослыми соснами, выстроился личный состав бригады. Иду по росистой траве. Навстречу начальник штаба подполковник Кременецкий, четко рапортует:

— Товарищ подполковник, личный состав вверенной вам бригады построен.

На правом фланге ветер треплет боевое знамя — знамя 244-й Челябинской добровольческой танковой бригады. Рядом офицеры управления. Я вышел вперед.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

Первый танковый батальон, второй, батальон автоматчиков, минометная рота, зенитно-пулеметная рота, 76-миллиметровая батарея, саперы, ремонтники, медики.

— Здравия желаем, здравия желаем, — несется в ответ на приветствие.

Я вглядываюсь в лица подчиненных. В основном — безусая молодежь. Есть люди и постарше. Солдаты строгие, подтянутые. В новом обмундировании. Поблескивают вороненые стволы автоматов.

Обход закончился. Теперь строевым шагом идут батальоны. С песней, как на параде. Высоко вскинув головы, четко печатают шаг добровольцы первого и второго танковых батальонов. Ровными рядами идут автоматчики, артиллеристы, минометчики. Придерживая сумки с красным крестом, прошли медики…

А затем встреча с заместителями, начальниками служб, с теми, кто отвечает за материальное обеспечение личного состава бригады.

Подполковник Кременецкий представил мне начальников служб, своих заместителей. На груди у многих офицеров боевые ордена и медали. Большинство из присутствующих почти с первых дней войны на фронте, имеют хороший боевой опыт. Коротко и я рассказал о себе.

— Воевать нам вместе, — подытожил я разговор. — Пусть каждый по своей службе сделает все, чтобы личный состав был обут, одет, хорошо накормлен, подготовлен к предстоящим боям. Люди нам верят, их доверием надо дорожить.

Направляюсь в политический отдел. Небольшой деревянный домик утопает в зелени. Подполковник М. А. Богомолов на слова скуп, в оценке людей сдержан:

— Сам толком еще с ними не знаком. И месяца нет, как они к нам прибыли. Но, кажется, люди подобрались неплохие. С утра до ночи в войсках пропадают: и в атакующей цепи наступающих бывают, и на стрельбище, и на полигоне. В солдатских палатках

по вечерам беседы проводят, организуют читки сообщений Совинформбюро, проводят другие мероприятия.

Длинный стол, за которым заняли места офицеры, прикрыт обрывками газет. Время дорого, и я без всяких предисловий перешел к делу. Рассказал о задачах, стоявших перед политработниками.

Постепенно разговорились. Речь шла о формах партийно-политической работы в боевой обстановке, о том, что еще нужно сделать для воспитания у добровольцев высоких морально-боевых и политических качеств. Среди личного состава бригады — более 80 процентов коммунистов и комсомольцев. Мы тут же договорились о датах проведения партийных и комсомольских собраний. Я с охотой согласился сделать там доклады.

На следующий день приехал на учебное поле в район занятий. Командир батальона автоматчиков капитан Голубев доложил обстановку, показал, где проходит исходная позиция для наступления, проводил меня к воинам. Солдаты усердно отрывали окопы, хода сообщений, тщательно маскируя свое месторасположение. Мы подошли к пулеметчику. Он вскочил:

— Рядовой Громов.

Я спрыгнул в окоп. Впереди лежащая местность просматривалась хорошо.

— Ваша задача?

Солдат предельно четко изложил свою задачу, назвал ориентиры, сигналы атаки, номер танка, вслед за которым он должен продвигаться, а в случае надобности, сесть на его броню.

— Молодец!

Мы с командиром батальона переходили от солдата к солдату. В основном инженерные работы были выполнены неплохо. Однако на отдельных участках хода сообщений оказались неглубокими.

— Надо глубже зарываться в землю, приучить людей к этому, — посоветовал я капитану и поинтересовался, сколько дней батальон занимается в этом районе.

— Третий.

— Пора уже по-настоящему оборону оборудовать, — сказал я комбату. — Если такие темпы будут в бою, потерь не оберемся. Надо учиться и наступать, и обороняться.

Наш разговор прервал командир второго танкового батальона капитан В. А. Федоров. Он доложил, чем занимается одна из его рот, приданная батальону автоматчиков, показал, где расположились танкисты.

— Аппарели отрыли?

— Так точно, — доложил капитан.

Я взглянул на часы. Скоро атака. С наблюдательного пункта хорошо просматривалась местность. Поле, местами заросшее кустарником, было изрыто окопами, траншеями.

Раздался мощный гул танковых двигателей. По замыслу артиллерийская подготовка ужа проведена. Боевые машины вышли из леса и устремились вперед. Как только они прошли траншею, из нее проворно начали выскакивать автоматчики, пулеметчики, расчеты противотанковых ружей, или, как их называли, пэтээровцы. Прокатилось дружное «ура».

Начало хорошее. Прижимаясь к танкам, пехотинцы открыли огонь со всех видов оружия. Но постепенно расстояние между автоматчиками и танками начало увеличиваться. Через минуту-другую этот разрыв составил более двухсот метров. В бою — гиблое дело. Противник немедленно отсечет пехоту, вмиг расправится с танками. Так не пойдет.

Командир второго танкового батальона, стоявший возле меня, ликует:

— Вот так скорость, молодцы танкисты!

Я приказал приостановить атаку. Капитан В. А. Федоров недоуменно смотрит на меня, разводит руками: мол, не вижу причины. Но, видя мой суровый взгляд, бросается к радисту. Что-то кричит ему на ухо, прикрытое шлемофоном.

Танки, словно нехотя, поворачивают назад, утюжа зыбкий грунт. Вслед за ними возвращаются пехотинцы.

— Товарищ Голубев, догадываетесь, почему я приостановил атаку? — обратился я к командиру батальона автоматчиков.

— Понятно, товарищ подполковник, только тут мы ни при чем. Танкистов винить надо. Разве за ними поспеешь, рванулись, как на параде.

— Совершенно верно, атаковать врага надо на высоких скоростях, но не отрываться от пехоты. Иначе удачи не видать.

Припомнил, как во время боя в 1942 году на Северном Донце одна из наших рот вот так же, на высоких скоростях, устремилась в контратаку, пехота отстала. Немцы, конечно, этим воспользовались. Об этом я и рассказал командиру роты и предупредил, что риск в бою должен быть осмысленным, глубоко продуманным.

Повторная атака прошла более удачно. На этот раз пехотинцы вплотную бежали вслед за танками, на ходу вели прицельный огонь.

— Оборона прорвана, противник поспешно отходит, товарищ капитан, — опуская бинокль, сказал я.

Капитан Голубев подошел к радиостанции и коротко отдал распоряжение: посадить пехоту на танки и преследовать

противника.

С первой встречи мне понравился этот командир. Он был подтянут, не по годам строг. И в военном деле толком разбирался. Позже я узнал подробно его биографию. Родом из Сибири, перед началом войны окончил военное училище, в первых боях показал себя храбрым и отважным.

Челябинцы оказались на редкость трудолюбивыми, смекалистыми, они настойчиво изучали оружие и технику, осваивали приемы ведения боя. На стрельбище и полигоне ни днем ни ночью не утихали выстрелы, на учебных полях круглосуточно рокотали танковые двигатели. Челябинцы готовились к боям серьезно, всесторонне.

Как-то среди ночи возвратился с полевого занятия, зашел в штабную землянку. Подполковник Кременецкий, склонившись над картой, наносил обстановку предстоящих учений. Я подсел к начальнику штаба, поинтересовался, как у нас укомплектованы отдельные роты, батареи и взводы, спросил о наличии личного состава в строю, сколько больных, прикомандированных.

Было далеко за полночь. Неожиданно в сопровождении командира корпуса генерала Г. С. Родина в землянку вошел командующий 4-й танковой армией генерал-лейтенант В. М. Баданов. Я доложил, что все подразделения возвратились в расположение и личный состав в настоящее время отдыхает. Командарм внимательно меня выслушал, затем протянул руку и весело сказал:

— Рад видеть тебя, Фомичев. Но пожаловал я не в гости, а по делу.

Мне вручили пакет. Вскрыл.

— Товарищ Кременецкий, — обратился я к начальнику штаба, — поднять бригаду по тревоге.

Через несколько минут мощный рокот танковых двигателей взорвал ночную тишину. В колонну начали вытягиваться автомашины, груженные боеприпасами, продовольствием, обмундированием, загрохотали походные кухни.

Иду вдоль колонны автоматчиков. Солдаты тихо переговариваются. Доносится густой бас:

— Ясно, что выступаем на фронт, зря бы не подняли всю бригаду.

Но прогноз автоматчика не оправдался. Командующий армией решил в последний раз проверить боевую готовность нашей бригады. На рассвете 14 июля было приказано провести учения с боевой стрельбой. На учения привлечь батальон автоматчиков, усиленный танковым батальоном, артиллерийской батареей и саперным взводом. Начало учений в 12.00.

Утро застало меня на наблюдательном пункте. В короткие сроки была расставлена мишенная обстановка, дооборудованы позиции пехотинцев, артиллеристов, минометчиков, танкистов. Люди крепко зарылись в землю.

Закончены последние приготовления, до личного состава доведена поставленная задача, предусмотрены меры безопасности, организовано взаимодействие. Все тщательно замаскировано. Даже с небольшого расстояния нельзя обнаружить расположение огневых позиций танкистов, артиллеристов, наличие другой техники, начертание нашего переднего края. Постарались и командиры, и солдаты. Здорово потрудились, молодцы! На душе у меня радостно.

Часы показывали без двадцати двенадцать. Стояла духота, нестерпимо палило июльское солнце. Было тихо-тихо. Изредка налетал легкий ветерок, шелестел листвой молодых берез, выстроившихся в ряд возле нашего наблюдательного пункта. Воздух был наполнен запахом поспевающей ржи и скошенной травы. Я прилег на бруствер. Закурил. Что-то напоминало детство, уводило в прошлое, к родным местам…

— Товарищ подполковник, машины!

На опушку леса выскочило несколько «виллисов», окутанных густой пылью. На высокой скорости они неслись в сторону наблюдательного пункта. Из первой машины вышел командарм. Я поспешил к нему навстречу. Генерал-лейтенант В. М. Баданов, как всегда, был в хорошем настроении. Он тепло поздоровался со мной.

— Докладывай, Фомичев, что тут у вас, — сказал генерал, прилаживаясь к стереотрубе.

— У меня все готово, товарищ командующий.

— Тогда начинайте.

Взвел спусковой крючок ракетницы. В воздухе повисла красная ракета. Почти в ту же секунду грянули артиллерийские выстрелы, из-за укрытий вышли танки и, выбрасывая снопы огня, помчались вперед.

Поднялись пехотинцы. Солдаты, прижимаясь к танкам, проворно побежали по полю. «Ура, ура!» — неслось отовсюду. Дружный огонь достиг наивысшей плотности.

— Приятное зрелище, — не сдержался генерал В. М. Баданов. — Молодцы, челябинцы!

Рядом со мной стоял комкор генерал Г. С. Родин. Я взглянул на него. Он почему-то был всегда суров, а тут его словно подменили. На лице — широкая улыбка. Вдруг он оборачивается ко мне:

— Цыплят по осени считают.

Намек понятен. Меня неожиданно озноб прошиб: а вдруг не все мишени будут поражены?

К вечеру учения закончились. Все обошлось благополучно. Я приглашаю генералов В. М. Баданова и Г. С. Родина отобедать.

— Спасибо за приглашение, — пожимая мне руку, сказал командующий. — До встречи на фронте…

На траве вокруг походных кухонь расселись солдаты, сержанты, офицеры. Люди обедали.

ПУТЬ ДЕРЖИМ НА ФРОНТ

Марк Наумович Собко, мой ординарец, сидит у входа в палатку и вертит в руках конверт-треугольник.

— От жены, это первое, — признался он. — Как они там, без меня?

Я только что возвратился из штаба.

— Марк Наумович, холодной водички подлей-ка в умывальник.

Ординарец поднес ведро, зачерпнул кружку.

— Ладно, я сам.

После дневной духоты было приятно помыться. Прилег на кровать, сбитую наспех из сосновых досок, потянулся к свежим газетам. При свете коптилки пробежал сообщение Совинформбюро за 15 июля. В районе Курска, Орла и Белгорода по-прежнему шли ожесточенные бои. Но уже наступил перелом: советские войска перешли в контрнаступление.

С радостью встретили это сообщение в подразделениях бригады. На эту тему во всех ротах, батареях и отдельных взводах были проведены политические информации, беседы агитаторов, активистов. Политработники, командиры разъясняли воинам значение этих побед в летней кампании 1943 года. Со стороны противника действовали отборные фашистские войска, и им ценою больших потерь удалось вклиниться в нашу оборону на Орловско-Курском направлении на 10—12 километров, а на Белгородско-Курском — от 15 до 35. Измотав врага, славная Советская Армия отбросила немецко-фашистские войска на исходные рубежи и продолжает постепенно продвигаться на запад.

Не успел посмотреть газеты, как ординарец протянул мне телефонограмму. Вызывали в штаб корпуса.

Было где-то за полночь. По дорожке, усыпанной песком, торопливо иду к штабу. «Что бы могло быть?» — думаю.

В кабинете комкора Родина уже собрались офицеры. В углу на краешек стула присел командир Свердловской добровольческой танковой бригады полковник Доценко, рядом примостился комбриг Пермской добровольческой танковой бригады подполковник Приходько. Вижу здесь и командира мотострелковой бригады полковника Смирнова, других командиров спецчастей и подразделений.

На ходу кивком головы здороваюсь с ними. В комнате дым стоит коромыслом. На длинном столе разложена большая карта, над которой склонились комкор генерал Родин и начальник

штаба полковник Еремеев.

Протискиваюсь к столу, докладываю о своем прибытии.

Генерал Родин, оторвавшись от карты, молча протянул мне руку, затем сказал:

— Вот и хорошо, что прибыл. Теперь, кажется, все в сборе.

Офицеры гасят папиросы, поближе придвигаются к столу, торопливо извлекают из полевых сумок топокарты.

В притихшем штабном кабинете глухо зазвучал голос комкора. Генерал сообщил решение Ставки Верховного Главнокомандования: добровольческому корпусу приказано передислоцироваться к линии фронта.

Генерал Г. С. Родин говорит не спеша, словно взвешивая каждое слово. Он называет район сбора, и на топокарту каждый из нас наносит нужные знаки.

— Штаб корпуса уже разработал порядок передвижения, — продолжал генерал, — доводим его до вас.

Предстояло совершить комбинированный марш в 300—350 километров. Танки переправить по железной дороге, мотопехоту, тылы — своим ходом.

Были определены сроки, намечены для каждой бригады маршруты движения. Времени на сборы отводилось немного. Командир корпуса предупредил:

— Торопить людей не следует, надо тщательно подготовиться к маршу.

Рассветало. Небо затянули тучи, моросил мелкий дождь. Резко похолодало. На небольшой высоте в сторону фронта прошло несколько бомбардировщиков.

В штабе я застал подполковника Богомолова.

— Михаил Георгиевич, я уже в курсе дела, — опередил он меня. — Сообщил начальник политотдела корпуса полковник Шелунов. Сейчас придут подполковник Кременецкий и другие офицеры штаба.

Вскоре в штаб прибыли Кременецкий, его заместитель капитан Пшеничнер, начальники служб, офицеры политотдела.

На карты легли пунктиры, условные обозначения, цветным карандашом был намечен маршрут движения. Штаб бригады под руководством подполковника Кременецкого составил подробный план работ, связанных с передислокацией.

Сбор всего офицерского состава назначили на девять часов утра. Шел дождь, и комсостав собрался в летнем клубе: небольшой навес предохранял от разразившегося ливня.

Все было решено за каких-нибудь полтора-два часа. Начальником эшелона был назначен мой заместитель — подполковник В. И. Панфилов, колонну автотранспорта

возглавлял я.

Неожиданно ко мне подбежала военврач из медсанвзвода Дора Ефимовна Гриценко. До недавнего времени она работала врачом в одной из больниц Челябинска. На призыв обкома партии откликнулась одной из первых. Так она оказалась в нашей бригаде.

Увидев взволнованную женщину, я встревожился:

— Что случилось?

— Больные услыхали о том, что выезжаем на фронт, и разбежались по подразделениям, — с тревогой сообщила Дора Ефимовна.

Я пытался успокоить военврача.

— Как же так? Они ведь находились на излечении, у одного даже температура…

— Возвратим всех в санчасть, — пообещал я ей.

Перед обедом весь личный состав бригады был выстроен на широком плацу. Вынесли боевое знамя. Я открыл митинг и предоставил слово начальнику политотдела М. А. Богомолову. Он обратился к солдатам с призывом не посрамить звание челябинцев-добровольцев: бить врага беспощадно, сражаться с немецко-фашистскими захватчиками до последней капли крови, до последнего дыхания.

Заметно взволнован комсорг зенитно-пулеметной роты младший сержант Валентин Чернов. Он говорит о той высокой чести, которой удостоились челябинцы, призывает товарищей по оружию в жарких схватках с врагом оправдать доверие Родины, смело сражаться с ненавистным врагом.

Вдохновляющую речь произнес парторг первой танковой роты Кружилин. Он сказал:

— Родина пылает в огне. Враг еще топчет нашу священную землю. Стоны и страдания советских людей на оккупированной земле болью отзываются в наших сердцах. Мы спешим к вам, дорогие советские братья и сестры, Мы очистим нашу землю от врагов.

Выступали солдаты, сержанты, офицеры. Они клялись быть верными военной присяге, заверяли, что наказ земляков выполнят с честью.

Казалось, что не так-то трудно совершить марш. Но уже с самого начала мы столкнулись с определенными трудностями. В назначенное время не оказалось железнодорожного состава. Люди начали нервничать, кто-то в темноте зло ругался.

К двенадцати часам ночи подали состав. Соблюдая светомаскировку, на открытые площадки начали заезжать танки. Механики-водители умело держались за рычаги управления. В

этом — большая заслуга командиров экипажей.

На платформах вскоре оказались все боевые машины. Без суеты и шума танкисты укрепляли боевую технику. Загрузили продовольствие, боеприпасы. Подцепили вагоны для людей. А дождь по-прежнему не утихал. Зло сверкали молнии, на миг освещая мокрые лица солдат.

Командир танкового батальона гвардии капитан И. С. Пупков (1945 г.).

Я остановился возле экипажа лейтенанта Ивана Пупкова.

— Порядок, товарищ подполковник, — вытирая руки о мокрый комбинезон, сказал офицер. — Теперь до Берлина можно ехать. Закрепили, что надо.

— Скажем, до Берлина не будем ехать, — а воевать наверняка там придется, — на шутку ответил я. — Так что готовьтесь.

— Только бы уцелеть до тех пор. Эх, и дали бы фашистам в их логове жару.

— Дойдем, товарищи, обязательно дойдем, — убежденно сказал я.

— Что же, спасибо за теплое слово, товарищ комбриг, — задумчиво сказал Пупков. — Будем стараться.

И вот наконец подполковник Панфилов докладывает мне о готовности эшелона к отправке. Жму ему на прощание руку, желаю удачи в пути.

— Все будет хорошо, — заверяет он меня.

В темноте трудно разобрать лица танкистов, сбившихся у дверей вагонов. Они что-то мне кричат, на прощание машут

пилотками, шлемофонами, фуражками. Взвизгнул паровозный гудок, и состав медленно растворился в ночной темноте. А я все еще стоял на перроне, охваченный легкой грустью. Стоял и думал, как эти люди поведут себя в бою…

Подполковник М. А. Богомолов дотронулся до плеча:

— Поехали, Михаил Георгиевич. Нас ждут.

Начальник штаба Кременецкий за наше отсутствие успел выстроить автоколонну, проинструктировать водителей, старших машин. На рассвете тронулись в путь.

Красивые русские места. Но любоваться природой было некогда. Вскоре свернули на лесную дорогу, и тут начались мытарства. Дорога раскисла, машины буксовали, застревали в грязи. Темп марша спал. Временами буквально на руках приходилось выносить машины.

Размытые ливнем дороги крепко потрепали нам нервы. И все-таки мы вовремя прибыли в указанный район. Я осмотрел место, где должны рассредоточиться подразделения бригады. Лес хранил следы недавних боев. На стволах многих деревьев остались снарядные зарубки, местами сильно иссечены ветки сосен, берез, лиственниц. Где-то клокотал бой. Это западнее нас километрах в тридцати-сорока. Отчетливо были слышны разрывы снарядов, мин, доносились звуки пулеметных очередей.

Не теряя времени мы с майором В. И. Хохловым поехали на станцию — место выгрузки танков. Было темно, сыро и зябко.

По пути раза два застревали, мы с Хохловым подталкивали «виллис». На станцию приехали часов в девять утра. Отряхнули с обмундирования грязь, на ходу привели себя в порядок. Разгружалась Свердловская танковая бригада. Попытались выяснить, где наш эшелон — не удалось. Обратились к начальнику станции. Он недоверчиво окинул нас взглядом:

— Кто вы такие?

Пришлось предъявить удостоверения. Возвращая документы, начальник станции сказал:

— Эшелон номер двадцать пять сто тринадцать прибудет через час, товарищи офицеры, — и потянулся рукой к телефонам. Мы поняли: разговор окончен.

Попытались разыскать комбрига Свердловской бригады, но сделать это было не так-то легко. Туда-сюда сновали танки, машины, в упряжке рвались лошади, понукаемые ездовыми: на фронт прибывало все новое и новое пополнение.

На противоположной стороне шла погрузка раненых. Кто-то стонал, кого-то громко отчитывали санитары. Словом, станция напоминала разбуженный рой.

Наш эшелон прибыл с опозданием на два часа. Подполковник

Панфилов, заметив меня и Хохлова, бегом направился к нам.

— Как доехали? — был мой первый вопрос.

— Отстающих нет. Все хорошо, — ответил Панфилов. — Жертв нет. Все обошлось благополучно.

Началась выгрузка. Танки сразу же угоняли в лес. Дождь немного утих, ветер разогнал тучи, и небо слегка прояснилось.

— Воздух! — неожиданно крикнул кто-то из солдат.

И тут до слуха донеслись звуки «юнкерсов». Ударили зенитные орудия, и белые хлопки разрывов рассыпались по небу. Ныряя в тучах, бомбардировщики шли на небольшой высоте. Скоро они вытянулись в цепочку, заходя друг другу в хвост. Знакомое построение. Сейчас, наверняка, начнут бомбить. Я плюхнулся в окоп, залитый водой, и тотчас рядом разорвалась бомба. Фашисты с яростью бомбили станцию. В упор ударили зенитные пулеметы. Загорелся один, второй самолет и, оставляя огненно-черный след дыма, где-то упали в лесу.

Нам повезло: личный состав танковых экипажей не пострадал. Правда, два или три человека оказались легко ранены. А вот другим частям досталось крепко. Несколько бомб угодило и в эшелон раненых. Загорелись цистерны с горючим, пристанционные постройки. Добровольцы бросились тушить пожар…

24 июля танки были рассредоточены на опушке леса. Начались земляные работы: нам было приказано строить оборону. Конечно, я знал, что здесь мы долго не задержимся, и враг в эти края уже никогда не сунется. Из скупых сводок Совинформбюро было ясно, что немцы откатываются на запад. Но солдатская жизнь так устроена: где остановился — зарывайся в землю, рой себе окоп, укрывай технику.

В короткие часы передышки агитаторы проводили беседы, изучали с воинами памятки, помогали усваивать то или иное положение Боевого Устава.

Подполковник М. А. Богомолов побывал почти во всех экипажах. Он умел вызвать солдат на откровенный разговор, вселить уверенность в успех. Его примеру следовали капитан Анищук, старший лейтенант Чередниченко и другие офицеры политотдела.

По инициативе Богомолова был проведен семинар с агитаторами бригады. Я выступил с докладом, в котором рассказал о роли агитаторов в мобилизации личного состава на успешное выполнение приказа командования. Агитаторам были розданы бланки листков-«молний», вручены различные памятки.

После семинара мы с Богомоловым направились по подразделениям. В тени густых деревьев сидит группа воинов.

Подходим. Идет партийное собрание первого батальона. Докладчик замполит батальона капитан Кочерга. Повестка дня — личный пример коммунистов в бою. Немногословны были танкисты. Их выступления сводились к одному: место коммуниста в бою — впереди. Тепло и просто поговорил с коммунистами Богомолов. На собрании выступил и я.

Идем дальше. В небольшом овраге огневую позицию облюбовал экипаж лейтенанта Бучковского. Танкисты выполнили большой объем работы, расчистили сектор обстрела. Я подошел к ним, когда они отдыхали. В руках у лейтенанта была «Памятка танкисту». В ней давалось краткое описание «тигров», «пантер» и «фердинандов» — этих новых немецких машин, появившихся во время боев на Курской дуге.

Лейтенант поспешил нам навстречу.

— Вольно, продолжайте, товарищи.

— Так вот я говорю, тяжелый немецкий танк «T-VI» — хорошая штучка, — продолжал командир экипажа. — Лобовая броня — 100 миллиметров, пушка — 88-миллиметрового калибра, вес 60 тонн, а мотор всего лишь 600 лошадиных сил.

— Вот так да, для такой махины это ничто, — отозвался механик-водитель Агапов, — о какой же маневренности может идти речь.

— Об этом и я толкую, — подхватил лейтенант. — Пока фриц развернется, а мы его и подобьем. — Лейтенант Бучковский уткнулся в листовку:

— Любопытно, товарищи, вот что: за минуту башня делает всего лишь один поворот. А о чем это говорит?

— Вот оно, уязвимое место! — воскликнул башенный стрелок Фролов. — Пока он повернет башню, а я его раз…

— …И мимо, — сострил радист-заряжающий Русаков. Все засмеялись.

— Не промахнусь, говорю это в присутствии комбрига, — серьезно начал утверждать башенный стрелок.

— Верим, верим, — поддержал я Фролова.

Всю ночь шел дождь. Я видел, как бойцы прикладывались к земле, озорно кричали:

— Слышно, хорошо слышно, как идут бои.

К утру дождь перестал. На востоке из-за тучи выкатывалось ослепительное солнце. Было тихо-тихо. И вдруг вздрогнула земля: начались новые бои. Настороженно вслушивались солдаты: им не терпелось идти на помощь товарищам.

И в моей груди клокотала жгучая ненависть к врагам. Хотелось мстить и мстить, скорее изгнать фашистов с советской земли, из моего родного края. Грусть по дому щемила сердце.

Растроганный воспоминаниями, я не заметил, как в штабной автобус вошел комкор генерал Г. С. Родин. Он протянул мне руку.

— Здравствуй, Фомичев. — Взглянув на меня, он тут же спросил: — Не захворал ли?

— Да нет, товарищ генерал, не жалуюсь.

Комкор хитро подмигнул:

— По дому заскучал? — и тут же добавил: — Ничего, Фомичев, изгоним врага с родной земли и тогда поедем к невестам, к родным и друзьям.

— И я так думаю, товарищ генерал. Только больно смотреть, что враги натворили. Эти места мне с детства знакомы.

Комкор круто повернулся ко мне:

— Говоришь, родина это твоя?

— Так точно! Возле Белева в семи километрах деревня Слобода. Там родные мои, может быть, живы.

Генерал Г. С. Родин присел на ящик из-под снарядов и, положив руку на плечо, участливо спросил:

— Поедешь сегодня домой? Завтра будет поздно.

— Товарищ генерал, — робко начал я, — а можно?..

— Поезжай-ка, Фомичев. В двадцать ноль-ноль быть в бригаде. Добро?

Я рванулся с места:

— Дорошевский, Виктор, машину скорее!

Шофер растерянно смотрит на меня:

— Случилось что-то?

— Полный вперед! — крикнул я.

«Виллис», петляя среди сосен, бешено помчался в сторону Белева.

В РОДНЫХ КРАЯХ

Открытый «виллис» летел со всей скоростью. Мелькали деревья, кусты. Разбитая дорога была запружена войсками. В сторону фронта тянулись груженые «студебеккеры», туда-сюда сновали юркие полуторки, втаптывая в грязь колосья ржи, шла матушка-пехота.

Ярко светило солнце, и его лучи согревали напоенную дождями землю. Наш «виллис» обогнал группу раненых и проворно взбежал по косогору. Рядом колосились густые хлеба, среди которых виднелись черные полоски — следы танковых гусениц.

Спустились в лощину. Пенился грязный ручей. Мутноватая вода несла щепки каких-то разбитых ящиков.

Город Белев остался в стороне. Мне не терпелось туда завернуть, но время не позволяло. Машина рванулась вперед. Перед глазами открылось ровное приглаженное поле. Стояла сенокосная пора, и я без труда отыскал у Гурового оврага косарей.

Водитель свернул с дороги, и мы поехали напрямик. Невдалеке показались две женщины. Они побросали косы и побежали к оврагу.

Я окликнул женщин. Те неохотно остановились. Насторожились.

— Что же вы?..

— Мы думали, комендант. Прифронтовая полоса… — начали было женщины.

Я пригляделся.

— Тетя Анна?

Женщина несмело пошла мне навстречу.

— Никак, Миша, сын дяди Егора?

— Он самый.

Я хорошо знал тетю Анну Семину, ее сына Сергея — моего однокашника. Мы вместе с ним ходили в школу, дружили.

— Как Сережа?

Тетя Анна в плач. Из ее сбивчивого рассказа я узнал, что Сергей погиб в боях за Родину. Как мог, пытался я смягчить горе этой одинокой женщины, обещая, что за жизнь друга отомщу.

— А как мой дед?

Женщина вытерла глаза, успокоилась.

— Вон дядя Егор косит сено, — показала в сторону рукой.

Из-под густых бровей на меня настороженно смотрели глаза отца.

— Вот так дед. Не узнаешь, что ли?

— Нет, не признаю вас, товарищ начальник. Никак, комендант?

— Батя, что же ты сына не узнаешь?

— Миша, ты? — и отец со слезами бросился мне на шею.

На отшибе — знакомый дом. Во дворе расположились наши солдаты. Мы зашли в летнюю кухню. Отец засуетился:

— Чем же тебя угостить?

Он откуда-то извлек кучу сухарей, покрытых плесенью, принес кринку молока.

На столик я вывалил несколько консервных банок, достал флягу. Выпили за быстрейшее окончание войны. Постепенно собрались односельчане, расселись кто на полу, кто на деревянных чурках. Разговорились. Память начала воскрешать детство, юность, те далекие и счастливые годы.

Мое детство прошло в маленькой деревне Слобода. Двадцать восемь домов раскинулись на косогоре неровными рядами. Перед окнами нашего дома протекала небольшая речушка, куда я часто летом бегал ловить рыбу.

Семья наша жила впроголодь. С утра до поздней ночи сестры гнули спину на богатых людей, таких, как братья Бобринские. А в доме иногда и хлеба не было.

Мать не помню — она умерла рано. Однажды отец — Георгий Кириллович вручил мне карандаш и тетрадь.

— Пора в школу, Миша. Может, из тебя толк выйдет.

Начальная школа располагалась в соседнем селе Березово. И вот я, полуодетый, в холодные осенние дни месил грязь.

Окончил четыре класса, а дальше учиться не мог: школа-семилетка находилась в Белеве, да и надо было зарабатывать на хлеб. Старшие братья — Петр и Никифор — служили в армии. Мне, кормильцу, доставалось крепко.

После Октябрьской революции получили надел.

— Теперь будем трудиться на своей земле, — торжествовал отец.

Я косил сено и хлеб, пахал и бороновал землю, заготовлял на зиму дрова. Батя нередко говорил:

— У тебя, Миша, хозяйская жилка. Толк из тебя будет. Земля любит такие руки.

Но вскоре я покинул родную деревню и ушел в Белев. Два с половиной года проработал в совхозе «Союзплодоовощ». Таскал на себе двухпудовые ящики с картошкой, мешки с капустой, убирал горох, свеклу, морковь. Копал ямы для хранения овощей. Трудился на других подсобных работах.

Помнится, однажды в совхоз пригнали маленький «фордзон-путиловец». Видимо-невидимо собралось народу. И мне

захотелось посмотреть. А потом я был приставлен помощником к трактористу — подносил воду, горючее, чистил мотор. Так определилась моя будущая специальность.

Потом — самостоятельная работа на тракторе. То были годы коллективизации. Кулаки не раз и мне угрожали. Но трактор я не бросил, честно трудился в совхозе.

В 1933 году вступил в комсомол, а осенью того же года был призван в ряды Красной Армии. Меня определили курсантом полковой школы. Тогда впервые и увидел бронированные гусеничные машины.

— Это наши советские танки, — пояснил нам командир. — Будете осваивать эту боевую технику.

Я с охотой изучал танк, учился его водить, вести огонь из пушки и пулемета, осваивал тактику боя. Вечерами мы, курсанты, до хрипоты в горле спорили по многим вопросам тактики. Вели речь и о маневре, и о ведении наступательного боя, и об искусстве побеждать.

Как-то в мае 1934 года меня вызвал начальник полковой школы. Еще с порога он крикнул:

— Повезло тебе, Фомичев. Пойдешь в училище на командира учиться.

А мне не верилось. Неужели мне, парню из бедной крестьянской семьи, предоставляется такая возможность? И правда, нас, нескольких человек, стали готовить в училище. Преподавали русский язык и математику, физику и химию в объеме неполной средней школы. Через четыре месяца я успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в Орловское бронетанковое училище имени М. В. Фрунзе.

В 1937 году после окончания училища я приехал в родную деревню Слобода. В глаза бросились перемены. Земляки стали лучше одеваться, питаться. Достаток пришел и в наш дом: на заработанные трудодни отец получил много хлеба, овощей, денег.

Потом учеба в Академии бронетанковых и механизированных войск. Накануне войны получил назначение в один из городов Украины, а вскоре пришлось столкнуться с врагами.

…За стаканом чаю о многом вспоминали. Земляки поведали страшную историю о том, как фашисты издевались над нашими советскими людьми, как глумились и над моим отцом.

— Отомстим врагам за все, — прощаясь с земляками, заверил я их.

Только я прибыл в бригаду, как меня вызвали в штаб корпуса. По пути попали с водителем под бомбежку и едва уцелели.

Медленно угасал день. Солнце спряталось за верхушки сосен. Со стороны запада по-прежнему доносился гул боя, яркое зарево

осветило черное небо.

ПЕРВАЯ СХВАТКА С ВРАГОМ

Штаб 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса расположился на небольшой высотке, поросшей молодым сосняком. Я вошел в землянку. И когда только саперы успели соорудить такую махину? Землянка была оборудована в несколько накатов бревен. В ней было просторно, уютно. При свете коптилки офицеры штаба отрабатывали карты.

— Присаживайся, Фомичев, — пригласил меня полковник Еремеев. — Давай-ка уточним, где твои челябинцы расположились.

Красным карандашом на карте я обвел район.

— Это нам и без тебя известно. Нам надо знать конкретно, где ты расположил танкистов, автоматчиков, свою артиллерию, тылы. Вплоть до огневой позиции каждого танка, — сказал начальник штаба.

В это время сзади раздались чьи-то шаги. Я оглянулся. В землянку в сопровождении нескольких старших офицеров вошел комкор генерал Г. С. Родин.

— Ну что, повидался с родными? — спросил он.

— Так точно.

— Вот и хорошо. Теперь будем воевать, — весело проговорил Родин.

В штабе засиделся до глубокой ночи. В район расположения бригады ехали буквально на ощупь. Нередко наш «виллис» прижимали к соснам тяжелые танки, артиллерия. Зло фыркали испуганные лошади, взад и вперед сновали машины, обозы.

До штабного автобуса осталось каких-нибудь метров триста-четыреста. И вдруг на перекрестке дорогу преградил офицер-регулировщик:

— Придется немного подождать, пока пройдет наша артбригада.

Из-за поворота показались машины, тягачи, орудия. Попытались найти объезд, не вышло. Виктор загнал «виллис» в кусты, и мы добрый час просидели. Забрезжил рассвет, когда мы доехали домой. Но не успел я вздремнуть, как меня разбудил сильный стук в дверь.

— Вас вызывают к телефону.

Трубка басовито пророкотала:

— Говорит Еремеев, сегодня в 13.00 быть у генерала Родина.

Спать не хотелось, и я решил заглянуть в политотдел. Но, кроме инструктора по партучету, все находились в подразделениях.

В эти дни во всех ротах прошли партийные и комсомольские собрания, на многих из которых докладчиками были руководящие офицеры штаба, политотдела. Подполковник Богомолов провел семинар парторгов рот и батальонов, а также секретарей комсомольских организаций.

Работники политотдела были желанными гостями в подразделениях, помогали секретарям партийных и комсомольских организаций более вдумчиво вести партийно-политическую работу.

Небезынтересно вспомнить и тематику политинформаций. Вот наименования некоторых из них: «В бою будь храбрым, смелым и находчивым», «Кто поведет тебя в бой?», «Сила воина — в оружии», «Что сообщило Совинформбюро». В бригаде ежедневно проводилась большая воспитательная работа, личному составу разъясняли справедливый характер Великой Отечественной войны, воспитывали гордость за наше оружие, за достигнутые успехи в первый период летней кампании 1943 года.

Напряженно работала и партийная комиссия. Желающих вступить в партию было много. Люди хотели идти в бой коммунистами.

…Утро выдалось прохладным, однако день обещал быть хорошим. Я медленно брел к автобусу, кутаясь в тужурку. Из раздумья меня вывели громкие голоса: у автобуса шла какая-то возня, кто-то требовал «самого начальника».

— Вот и наш командир, — сказал офицер штаба капитан И. П. Гаськов.

Мне навстречу шагнул мальчишка лет десяти-одиннадцати. Он выглядел изможденным, на худых плечах висела изорванная рубашонка, глаза настороженно бегали по сторонам.

Паренька задержали на территории расположения бригады. Он назвался местным жителем, родителей немцы расстреляли, и мальчик решил за это мстить фашистам. Его просьба сводилась к одному: зачислить в «солдаты».

Жалко было смотреть на этого паренька. Уж больно худ он был. Я пригласил его в автобус.

— Зовут-то как тебя, сынок?

— Толей, а фамилия моя Якишев.

— Откуда будешь?

— Из Литвиновки, Арсеньевского района.

— А я из Белева. Земляки, значит?

Мальчик оживился:

— Так это рядом. До Белева от нас рукой подать.

Я не знал, что же делать с парнем. Зачислить в бригаду? Впереди бои, всякое может случиться. Да и в школу парню надо.

— Покормите паренька и отправьте домой, — распорядился я.

Толя Якишев в слезы, он начал просить, чтобы его оставили в бригаде.

— Вы не думайте, что я такой маленький. Я все могу.

Пришлось просьбу хлопца удовлетворить, и он был зачислен в медсанвзвод бригады. Но до конца войны везде представлялся «адъютантом» комбрига.

Начальник политотдела гвардии подполковник М. Богомолов и парторг роты гвардии старший лейтенант А. Сидельников.

Сразу же после обеда я выехал в штаб корпуса, а оттуда на передовой наблюдательный пункт. Мы скрыто выдвинулись на небольшую высотку. У расставленных стереотруб хлопотали штабные офицеры. Лежащая впереди местность просматривалась хорошо. Я прильнул к стереотрубе. В поле зрения оказался небольшой отрезок переднего края расположения немцев. Видно было, как фашисты сновали по траншеям. Слева от нас,

километрах в семи-восьми, шел сильный бой. Четко было слышно, как рвались снаряды, ухали мины, то и дело доносилась пулеметная дробь.

27 июля ровно в 16 часов 30 минут комкор генерал Родин отдал боевой приказ. Он кратко сводился к следующему.

Нашему 30-му добровольческому танковому корпусу ставилась задача: наступать по двум направлениям. 243-й Пермской танковой бригаде во взаимодействии с 30-й мотострелковой бригадой и с приданной артиллерией с рубежа Рылово — Лунево атаковать противника в направлении Войково, Сурыпово, Рожково и с ходу форсировать реку Нугрь.

Левее должны были наступать танкисты 197-й Свердловской танковой бригады в направлении Однощекино — Масальское. Перед нашей 244-й Челябинской танковой бригадой (она находилась в резерве командующего армией) поставлена задача быть готовой развить успех Пермской и Свердловской бригад.

В дальнейшем наш корпус должен был прорваться к Волхову и освободить его, затем выйти в район станции Нарышкино и перерезать железную дорогу Орел — Брянск.

Задача не из легких. Хотя фронт наступления нашего корпуса и был небольшим, прорвать оборону немцев представляло большую трудность. Район боев проходил по пересеченной местности. Здесь много речек, местами — заболоченные участки. К тому же, немцы возводили оборону в течение длительного времени. Они глубоко врылись в землю, построили немало различных дерево-земляных сооружений, обеспечили оборону многими огневыми точками. Из разведданных стало известно, что в среднем на каждый километр фронта в обороне немцев имелось 10 танков, 10—15 противотанковых орудий, 10 минометов, много станковых и ручных пулеметов.

К вечеру я возвратился в бригаду. Напряженно работал штаб. Подполковник Кременецкий, офицеры Пшеничнер, Гаськов и другие быстро нанесли обстановку, отработали карту.

Ночью мы тронулись в путь. Наша бригада продвинулась к фронту на пять-семь километров. Темная прохладная ночь окутала землю, танки скачками передвигались от рубежа к рубежу. Было очень трудно ориентироваться, и я не отрывался от карты.

Неожиданно бой утих, лишь изредка тишину нарушали короткие пулеметные очереди. Где-то слева иногда раздавались гулкие орудийные раскаты. На участке наступления 243-й Пермской бригады прекратилась перестрелка, пушечные выстрелы. Неясность обстановки вынудила меня приостановить движение бригады. И связь почему-то прервалась с Пермской

бригадой.

Командир моего экипажа лейтенант Василий Лычков как ни старался установить связь, не смог, В эфире на этой волне работали несколько мощных радиостанций, стоял сплошной писк, шум, доносилась русская и немецкая речь. Кто-то спешно просил помощи артиллерией, другой голос беспрерывно передавал кодовые знаки.

По моему приказу танки рассредоточились на опушке леса, на перекрестках были установлены 76-миллиметровые орудия батареи старшего лейтенанта Шабашова. Прикрыты танкоопасные направления, предусмотрены меры на случай прорыва танков противника. Огневые позиции заняли минометчики, зенитчики.

Бригада начала зарываться в землю, производить маскировочные работы. Я чувствовал, что пермякам, видимо, не удалось с ходу прорвать первую полосу обороны и они сейчас готовятся к повторной атаке. И не ошибся. Как впоследствии выяснилось, первый успех бригады не был вовремя поддержан и закреплен главными силами корпуса из-за отсутствия четкой связи и тесного взаимодействия. С большим трудом пермяки быстро форсировали реку Орс в районе деревни Рылово. Фашисты попытались сбить смельчаков с плацдарма. Они обрушили на наступающих массированный артиллерийский огонь, подвергли бомбежке с воздуха. В тяжелом положении оказались танковые батальоны майора Чижова и капитана Андреева. Однако беспрерывные контратаки не имели успеха. Добровольцы стойко обороняли свой рубеж.

К утру мне удалось связаться с командиром 243-й Пермской танковой бригады подполковником Приходько и установить начертание нашего переднего края. К этому времени все танки Пермской бригады были переправлены в боевые порядки. За ночь разведчики прощупали оборону противника, вскрыли расположение огневых точек. Приданный бригаде самоходно-артиллерийский полк также произвел перегруппировку сил и средств.

28 июля в 10.00 мощный залп «катюш» потряс воздух. Реактивные батареи обрушили шквал огня на укрепления врага. Оборону противника начала бомбить наша авиация. Началась артиллерийская и авиационная подготовка атаки. Хорошо работали славные соколы!

Вперед стремились танки и пехота Пермской бригады. Противник, несмотря на огромные потери, оказывал сильное сопротивление. Бой длился несколько часов. Храбро дрались уральцы. Однако продвинуться вперед удалось немного.

На дороге появились раненые. Мы принялись расспрашивать

о жизни на плацдарме. Пожилой солдат откровенно ответил:

— Цепляется гад за каждый кустик. Туго нашим приходится.

Да, действительно, пробить брешь в сильно эшелонированной обороне было нелегко. А тут еще прошли проливные дожди. Поймы рек превратились в сплошное месиво, земля раскисла, и для танков и артиллерии создались дополнительные трудности.

К вечеру снова разгорелся бой. После повторной артиллерийской подготовки добровольцы смело атаковали фашистов, и враг дрогнул.

«Стало быть, скоро и нам в бой», — думал я, нанося на карту поступившие данные с переднего края.

— Пленных ведут, — прервал мои размышления лейтенант Лычков.

По дороге понуро брели фашисты. На них топорщилось грязное обмундирование, густая щетина покрыла лица.

Помню, в первые дни войны в районе Львова мы взяли в плен ефрейтора. Он держался надменно, высокомерно. А эти лопочут: «Гитлер капут, Германия капут».

— Вот они, хваленые воины, — не сдержался механик-водитель сержант Мурашов. — Противно даже смотреть, — и он сплюнул на землю. — Скорее бы в бой.

Сержант Мурашов работал раньше на Челябинском тракторном заводе. Не менее десяти заявлений написал с просьбой отправить его на фронт. Стал добровольцем. Я был уверен: такой не дрогнет перед трудностями.

В тот вечер мы с начальником штаба подполковником Кременецким обошли многие экипажи, расчеты, отделения. Люди от чистого сердца говорили:

— И чего это мы застыли на месте. Землякам-пермякам и свердловчанам туго приходится, а мы ждем у моря погоды.

— После прорыва второй полосы наша бригада будет развивать успех, — говорил я добровольцам.

— Надо бы нас было в первый эшелон, — заметил боец невысокого роста.

Я подошел к солдату. Он четко отрапортовал:

— Младший сержант Бородин, командир саперного отделения.

— Товарищ Бородин, а как люди у вас настроены?

— По-боевому, товарищ подполковник. Вот они, — и младший сержант представил своих подчиненных.

Мне приятно было поговорить с саперами.

— Не дрогнем, — в один голос заверяли они.

29 июля передовые части корпуса продвинулись вперед на несколько километров и подошли к реке Нугрь. Вечером при

поддержке корпусной и приданной артиллерии воины-добровольцы Пермской и Свердловской бригад начали форсировать водную преграду. А на рассвете 30 июля овладели деревней Барилово.

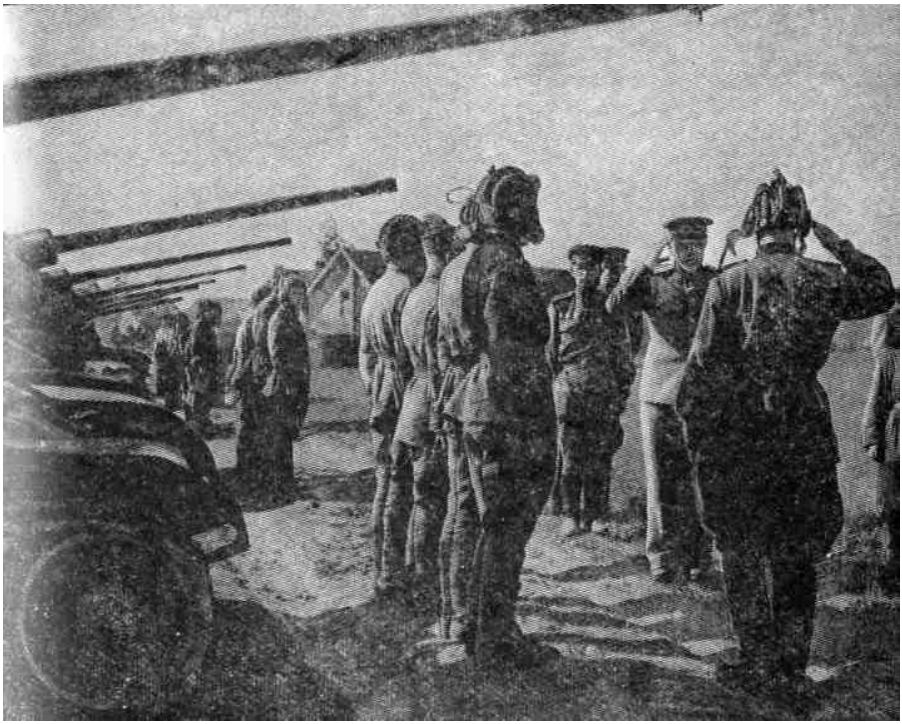
К обеду подразделения Челябинской бригады незаметно сосредоточились восточнее деревни Барилово. Как мы ни пытались замаскировать танки, авиация противника все же нас обнаружила. По району расположения челябинцев-добровольцев фашисты произвели кратковременный артиллерийский налет. Тяжелые снаряды особого вреда не причинили. Спустя несколько минут в воздухе появилось несколько «юнкерсов-88». Невдалеке от нас находилось две или три батареи зенитчиков из корпусного зенитного полка. Фашистских стервятников они встретили сильным заградительным огнем. «Юнкерсы» беспорядочно сбросили бомбы и поспешили удалиться.

В 15.00 на командный пункт бригады приехал командир корпуса генерал-лейтенант Г. С. Родин, он передал мне приказ командующего 4-й танковой армии — бригада из резерва командарма переходит в распоряжение комкора. Генерал информировал меня, что 197-я и 243-я танковые бригады прорвали оборону немцев южнее деревни Барилово и развивают наступление на юг.

— Ваша задача, — продолжал генерал, — войти в прорыв и развить успех передовых частей корпуса в направлении населенного пункта Злынь. Батальон автоматчиков посадить десантом на танки.

Через полчаса подразделения бригады снялись с места. По-прежнему моросил дождь. Боевые машины с трудом преодолевали небольшие овраги, лощины. Генерал Родин по рации беспрерывно торопил:

— Увеличьте скорость, быстрее выходите на исходные позиции для атаки.



Комбриг гвардии подполковник М. Г. Фомичев проверяет готовность экипажей к бою.

Деревне Барилово просто повезло. Отступая, гитлеровцы не успели сжечь дома, и большинство из них уцелело. Всюду были видны следы только что прошедшего боя. Валялись трупы немцев, дымилась подбитая вражеская техника, с поднятыми вверх стволами в огородах остались исковерканные зенитные орудия. Густая система траншей, окопов, ходов сообщений опоясывала деревню. Возле домов нередко встречались и дзоты. Фашисты рассчитывали надолго здесь задержаться. Не вышло!

На южной окраине деревни танки начали разворачиваться в боевой порядок. Противник тотчас же встретил нас сильным заградительным огнем. Огонь открыли закопанные штурмовые орудия «фердинанд». Резко ударили укрытые тяжелые танки «Т-VI» — «тигры».

Ясно было, что оборона немцев не прорвана. По рации связался с командиром первого танкового батальона майором Степановым. Майор сообщил, что атаковать немцев без артиллерийского и авиационного обеспечения невозможно. Огонь со стороны противника очень высокой плотности.

— Зря погубим людей, — заключил комбат.

Танки первого батальона приняли боевой порядок на южной окраине Барилово. Гитлеровцы усилили стрельбу, каждый метр

земли оказался под огнем врага.

Справа неожиданно открыли огонь минометные батареи, ударили немецкие противотанковые орудия. Рядом с моим танком непрерывно вырастали черные клубы дыма. С воем пролетали снаряды, рвались мины.

— Вперед нельзя продвигаться, есть потери, — доложил майор Степанов. — Дайте артогня.

Связываюсь с командиром 197-й Свердловской бригады. Полковник Доценко сообщил, что бригада понесла большие потери и за день почти не продвинулись вперед.

По замыслу комкора наша бригада уже должна перевалить небольшие высотки за Барилово, а мы еще топчемся на месте. Мне становится не по себе. Подчиненные просят артиллерийского огня, а у меня под рукой лишь рота 82-миллиметровых минометов и батарея 76-миллиметровых пушек.

Выскакиваю из танка, взбираюсь на чердак уцелевшего дома. Хочется получше рассмотреть оборону противника. Вскинул бинокль. Со стороны немцев огонь не утихал. На участке не более чем в 500 метров оказалось много закопанных танков, штурмовых орудий. Из-за высоты огонь вели тяжелые минометы. Подступы к переднему краю оказались плотно заминированными. Вряд ли удастся с ходу прорвать немецкую оборону.

— «Юнкерсы», товарищ подполковник, — крикнул сопровождавший меня лейтенант В. Лычков, и в ту же секунду откуда-то из-за леса ударили наши зенитки. Но «юнкерсы», кажется, не обращали внимания на огонь зенитных орудий. Они стройно летели на север.

— Глядите, товарищ комбриг, вон за ними еще одна группа! — воскликнул Вася Лычков. — Ей-ей, нас будут бомбить.

Немецкие самолеты тем временем сделали разворот и с включенными сиренами обрушились на боевые порядки бригады. Я видел, как мотострелки проворно оставили броню танков и рассыпались по ржаному полю. От взрывов содрогалась земля, загорелись некоторые постройки. Рядом дружно застрочили пулеметы, и я догадался, что это челябинцы открыли огонь по воздушным пиратам.

Вдруг на меня кто-то навалился:

— Ложитесь!

Раздался оглушительный грохот, взрывная волна отбросила нас с Лычковым в сторону и тотчас рухнул дом. Я с трудом выкарабкался из-под обломков, ко мне подбежал окровавленный Лычков.

— Что, ранен?

— Никак нет, просто поцарапало, товарищ подполковник.

— Тогда вызывай сюда машину с радиостанцией.

Крайняя тяжелая обстановка заставила меня связаться с комкором. Оглушенный взрывом, я с трудом добрался до танка, расположенного в воронке, образовавшейся от разрыва тонной бомбы. Мимо меня по огороду санитарки Маша Бахрак и Лида Петухова кого-то несли на носилках. Я остановил девушек, приподнял покрывало:

— Ранен?

— Так точно, в грудь, — с трудом проговорил боец.

Лицо раненого показалось мне знакомым. Это не тот ли лейтенант из второго батальона, чей танк на учениях первым ворвался на фланг? Кажется, он.

— Лейтенант Пеху?

— Он самый, товарищ комбриг, — тихо проговорил офицер. — Жаль, рановато. Вылечусь и снова к челябинцам.

Я крепко пожал раненому руку, тепло попрощался:

— Выздоравливай, товарищ Пеху, ждем тебя. У Днепра и даже раньше.

Впоследствии выяснилось, что танк лейтенанта одним из первых вышел на окраину деревни Барилово, занятой свердловчанами, и с ходу устремился на вражеские позиции. Горячий по натуре, лейтенант скорее рвался в бой. Немцы обнаружили танк, и открыли по нему огонь. Лейтенант приказал механику-водителю сержанту Сотникову увеличить скорость. Фашистские снаряды рвались рядом, но цели не достигли. И вдруг случилось непредвиденное: «тридцатьчетверка» подорвалась на мине.

— Не робей, ребята, — подбадривал членов экипажа лейтенант. — Сейчас залатаем гусеницу и вперед.

Танкисты живо принялись за дело и уже успели натянуть гусеницу, когда попали под сильную бомбежку. Осколки снаряда оборвали жизнь стрелка-радиста, а один из них ранил лейтенанта Пеху.

В тыл прошло еще несколько раненых солдат. «Может быть, и убитые уже есть, — подумал я, — а бригада еще не вступила в бой».

Подъехала рация. Начальник радиостанции старший сержант Виктор Колчин доложил: связь со штабом корпуса есть. Я попросил к микрофону генерала Г. С. Родина, доложил обстановку и, конечно, не сдержался и сказал, что меня неправильно ориентировали, никакого прорыва нет. Я просил комкора отменить приказ о вводе бригады в так называемый прорыв, зря не губить людей, помочь нам артиллерией и авиацией.

Генерал приказал остановиться на достигнутом рубеже.

Солнце скрылось за горизонтом, наступил вечер. Пошел проливной дождь. Противник прекратил стрельбу. Я отдал распоряжение: личному составу бригады пока зарыться в землю. Люди приступили к инженерным работам.

РЫВОК ВПЕРЕД

Командный пункт бригады обосновался в небольшом деревянном домике. В одной из комнат собрались офицеры штаба. Подполковник Кременецкий сообщил о первых потерях. В первом батальоне один танк подорвался на мине и один подбит. Мой заместитель по техчасти инженер-подполковник Ильин тут же меня успокоил:

— Ремонтники капитана Дирипенко уже эвакуировали поврежденные машины и принимают меры к их восстановлению. К рассвету они будут в строю.

Офицеры штаба принялись изучать карту. Разведчики засекли расположение некоторых целей. В обороне их было немало: несколько пулеметных точек, противотанковых орудий и закопанных танков. Подступы к переднему краю, как убедились днем, прикрыты сплошными минными полями.

Я подозвал инженера бригады капитана Полубоярова.

— Успеем за ночь сделать по одному проходу на роту в минных полях?

— Постараемся, товарищ подполковник, — заверил меня инженер. — Разрешите приступить.

Вместе с саперами ушли и разведчики. Командиру батальона автоматчиков капитану Голубеву и командиру роты 82-миллиметровых минометов старшему лейтенанту Сунцову я приказал быть наготове прикрыть саперов и разведчиков.

Не успел сосредоточиться над картой, как в комнату вошел командир корпуса. Его сопровождал командующий артиллерией корпуса полковник Соколов и еще какой-то подполковник, которого я не знал.

— Что тут у тебя, Фомичев, докладывай? Командующий армией интересуется. Уже дважды звонил.

Я коротко доложил обстановку. Генерал Г. С. Родин взглянул на испещренную топокарту, освещаемую коптилкой, спросил:

— Это столько целей на твоем участке?

— Так точно.

— А откуда данные?

— Выявлены в ходе развертывания первого батальона и разведчиками бригады.

Генерал Родин недоверчиво посмотрел на меня, потом сказал:

— Ну, добро. Молодцы твои разведчики, но учти, завтра будет нелегко. Как видишь, район укреплен основательно, немцы, видимо, до последнего будут драться за этот рубеж. К рассвету

надо подготовиться к атаке. Время будет уточнено дополнительно.

— Поможем артиллерией, — пообещал полковник Соколов. В дверь с термосом в руках протиснулся повар П. Р. Кочетков. Приятный запах мяса наполнил небольшую комнату.

— Да тут у тебя жареным мясом пахнет? — неожиданно сказал генерал.

Я спохватился и стал приглашать генерала и прибывших офицеров поужинать.

— Как-нибудь в другой раз, спешим к свердловчанам. — Комкор на прощание пожал мне руку и пожелал удачи. Я проводил гостей. Ночь была темная. Перестал лить дождь. Было тихо, лишь со стороны противника изредка доносились пулеметные очереди. Где-то справа вспыхнула зеленая ракета: фашисты чувствуют себя неспокойно. И снова тишина.

Из темноты показался человек. Я узнал инженера бригады.

— Как там?

— Порядок, товарищ комбриг, — ответил капитан Полубояров. — Саперы пока что проделали несколько проходов. По-моему, к утру управятся. Здорово работают солдаты отделения сержанта Щелкунова, — и уже совсем тихим голосом добавил: — Разведчики во главе со старшим сержантом Соколовым уже там. Проводили мы их. Пока не слышно.

Я вернулся в комнату.

— Выкладывай, Прокопий Романович, что там у тебя, — обратился я к повару Кочеткову.

Он быстро разложил на столе алюминиевые миски, наполнил их гречневой кашей и кусками мяса. Офицеры штаба набросились на еду. Ели молча. Но не успели мы опорожнить миски, как на улице поднялась неимоверная стрельба. Мигом выскочили на крыльцо. Рядом разорвалась мина, и осколки резанули по деревянным стенам дома. В воздух одна за другой взлетели ракеты. Я поначалу не мог понять, что за пальба? Неужели немцы надумали контратаку?

— Связь с батальоном есть? — бросился я к радисту.

— Так точно, — ответил старший радист сержант С. В. Кестер.

Спрашиваю у комбатов, что случилось.

— Немцы почему-то всполошились и открыли беспорядочный огонь, — последовал ответ.

— Быть готовыми ко всему. В случае контратаки — отразить.

Вдруг стрельба прекратилась, погасли ракеты. Только спустя несколько минут стало известно, чем был вызван этот переполох. Разведчики со старшим сержантом Александром Соколовым по

ржаному полю и перелескам благополучно добрались до переднего края противника. Им сразу же повезло. Немцы ужинали. Часовой пригнулся к траншее, чтобы прикурить сигарету от зажигалки. Этим моментом и воспользовались разведчики. Они бросились на фашиста, всунули ему в рот кляп и утащили к себе. Вскоре немцы заняли свои места в траншее. Кинулись, а где же наблюдатель? Подняли тревогу, и тотчас их орудия открыли беспорядочную стрельбу.

Пленный оказался солдатом 253-й пехотной дивизии, которая обороняла перед нами участок. От него нам удалось узнать кое-какие сведения.

Всю ночь солдаты-челябинцы готовились к атаке. Не сомкнули глаз и офицеры штаба, находившиеся на наблюдательном пункте. Дважды меня вызывал к аппарату командир корпуса. Он поблагодарил за пленного, а позже сообщил: время начала атаки 9.30 утра, боевой порядок тот же — пехота десантом на танках.

Незаметно наступил рассвет. Фашисты вели артиллерийско-минометный огонь по расположению подразделений бригады. Утром стало известно, что наши потери достигли тридцати человек. Большинство ранены, но есть и убитые. Это сообщение усилило душевную боль. Я думал о коммунисте сержанте Резнике, который одним из первых ворвался на позиции врага, рядовых Викторове и Одинцове, уничтоживших в рукопашной схватке нескольких гитлеровцев. И сейчас память цепко хранит имена тех челябинцев, кто в первом бою сложил голову ради счастья жен, матерей, дочерей и сыновей.

Ровно в 9.30 утра на окопы врага обрушилась наша артиллерия. Огневой налет длился всего несколько минут и не причинил особого вреда гитлеровцам. На это время они укрылись в траншеях, а как только танки бригады пошли в атаку, немцы тут же ответили огнем. Фашисты яростно сопротивлялись. Расположенные на возвышенности противотанковые орудия пытались в упор расстреливать наши танки.

В эфире до хрипоты слышались разрозненные голоса командиров рот и взводов. Они на ходу ставили задачи подчиненным, указывали расположение наиболее опасных целей, управляли огнем своих подразделений.

С большим упорством обрушились челябинцы на врага. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как к обороне немцев приближались танки, стреляя с ходу и коротких остановок. Разрывы плотно ложились один возле другого.

Обогнув высотку слева, к позициям немцев приблизился танк «Пионер» лейтенанта Павла Бучковского. На левом фланге

обозначился успех. Вскоре немцы на этот участок выдвинули противотанковую батарею. Экипаж лейтенанта Бучковского оказался в тяжелом положении. Нужно было срочно принимать меры. Связываюсь по радио с экипажем. П. Бучковский сообщил, что успел укрыть танк в небольшом овраге и оттуда с места ведет огонь.

Телефонистка Аня Пашенцева соединила меня с командиром роты 82-миллиметровых минометов. Старшему лейтенанту Сунцову я указал координаты и приказал подавить противотанковую батарею врага.

— Понял вас, — коротко бросил в трубку командир роты.

Через три-четыре минуты в районе расположения вражеской батареи вспыхнули белые фонтанчики: там рвались мины.

Мне стало жарко. Я снял фуражку с шоферскими очками, вытер вспотевший лоб. Снова прильнул к приборам наблюдения. Меня тревожил правый фланг. Комбат первого танкового батальона майор Степанов доложил:

— Идти в лоб бессмысленно, потеряем все танки. Дайте артогня.

Через минуту такая же просьба поступила и от капитана Федорова: в тяжелом положении оказался и второй батальон.

Помочь комбатам я не мог. В подчинении у меня не было артиллерии, а обещания командующего артиллерией корпуса остались невыполненными.

От приборов наблюдения меня оторвал лейтенант В. Лычков. Он скороговоркой выпалил:

— У Бучковского боеприпасы на исходе. Просит помощи.

— Надо подбросить туда взвод автоматчиков, — предложил начальник штаба подполковник Кременецкий.

При сложившейся обстановке это был, пожалуй, самый лучший выход. Иначе немцы обойдут левый фланг и ударят с тыла.

Капитан Голубев выслушал меня без особого удовольствия.

— У меня люди впереди, только взвод младшего лейтенанта Михейкина в резерве, — сообщил капитан.

— Вот и отлично, — сказал я, — выдвигайте этот взвод. Только побыстрее.

Бой вспыхнул с новой силой. Челябинцы в огневой схватке с немцами проявили исключительную храбрость и мужество. Танки шли напролом, однако каждый метр стоил огромных усилий. Пришлось спешить батальон автоматчиков. Роты офицеров Одинцова и Радченко рассыпались в цепь, вперед ринулся и взвод младшего лейтенанта Михейкина, смело в атаку бросились стрелки, пулеметчики, пэтээровцы. По колено в грязи солдаты с

трудом преодолели овраг, проходивший вдоль фронта, и залегли. Их остановила стена заградительного огня.

У проволочного заграждения «тридцатьчетверки» наскочили на минное поле. Танки остановились, а затем медленно попятились назад.

А тем временем солдаты взвода младшего лейтенанта Михейкина вышли на левый фланг. Немцы успели сюда подбросить еще до взвода пехоты. Офицер Михейкин расположил автоматчиков впереди танка Бучковского и приказал отрыть окопы.

Противник, обнаружив наших солдат, был взбешен столь дерзкими действиями автоматчиков, занявших позиции вдоль проволочного заграждения. Поддерживаемые минометным огнем фашисты пошли в контратаку с двух сторон. Стиснутый неприятелем на флангах, личный состав взвода не дрогнул. Взаимодействуя с экипажем Бучковского, автоматчики вступили в ожесточенную схватку с врагом.

— Смотрите, взвод поднялся в атаку, — не отрываясь от стереотрубы, крикнул начальник штаба.

Нам хорошо была видна цепь атакующих солдат, шедших в полный рост по спелой ржи.

Позже стали известны подробности этой схватки. Немцы, наткнувшись на организованный огонь, на какой-то миг замешкались.

Советские солдаты оставили окопы и с криком «ура» побежали в проходы, сделанные в проволочном заграждении разрывами мин. Такая смелость ошеломила гитлеровцев, и они поспешно возвратились в свои траншеи. Младший лейтенант Михейкин приказал подчиненным закрепиться на отвоеванном пятачке. А спустя некоторое время из рук в руки переходил листок-«молния», написанный рядовым Василевским. В нем сообщалось:

> «Танковый экипаж лейтенанта Бучковского в составе челябинцев Агапова, Фролова и Русакова в сегодняшнем бою проявил отвагу и смелость. Добровольцы первыми на левом фланге приблизились к вражеским позициям и в неравной схватке не дрогнули. Они уничтожили три пушки, два пулемета и почти сотню гитлеровцев. Слава смелым и отважным!»

К вечеру фашисты внезапно контратаковали левый фланг. Артиллерийско-минометный огонь достиг высокой плотности. Левый фланг окутало рваными клочьями дыма. Огневой налет длился минут пять-шесть. Затем, оставив свои траншеи, фашисты

явно намеревались окружить взвод Михейкина. Силы были неравными, и автоматчики вынуждены были отойти к сельской кузнице. Танк лейтенанта Бучковского во время маневра неожиданно влетел в глубокую воронку и застрял. Рядом фашисты. Смельчаки не захотели оставить «тридцатьчетверку» и начали отбиваться от гитлеровцев.

Вскоре мне передали радиограмму:

> «Веду бой с пехотой, боеприпасы кончаются. Будем драться до последнего. Лейтенант П. Бучковский».

Я ответил:

> «Молодцы! Благодарю за храбрость. Помощь будет оказана. Комбриг».

Приказываю капитану В. Федорову послать на выручку экипажа танковый взвод. Лейтенант Иван Тарадымов, получив задачу, направил танки вперед. Однако проскочить открытый участок машины не смогли. Немцам удалось поджечь танк из этого взвода. Две другие машины еще дважды попытались пробиться к смельчакам, но не смогли: немецкие орудия беспрерывно вели прицельный огонь.

Весь день шел ожесточенный бой. К вечеру подразделения бригады начали закрепляться вдоль оврага на достигнутом рубеже. Офицеры штаба собрались в наспех оборудованном блиндаже. В это время зазвонил телефонный аппарат. Я поднял трубку. Командир второго танкового батальона капитан Федоров доложил:

— С запада летит несколько групп немецких самолетов.

Мы услышали глухой и далекий, еле уловимый гул «юнкерсов». Гул нарастал, усиливался. В заходящих лучах солнца едва-едва можно было увидеть несколько точек.

По рации я быстро связался со всеми командирами батальонов и приказал людям укрыться в щелях, окопах, траншеях.

«Юнкерсы» летели тремя большими партиями на небольшой высоте. Их прикрывали около десяти истребителей. Откуда-то вынырнули два наших ястребка и набросились на «юнкерсов». А тем временем бомбардировщики уже входили в крутое пике. От бомбежки вздрагивала земля, и в нашем блиндаже поскрипывало бревенчатое перекрытие. Посыпалась земля, погасла коптилка. В блиндаже стало темно.

С оглушительным треском взметались взрывы бомб и вдоль оврага. Заметно было, что фашисты торопятся и бомбят наугад.

Вскоре улетел последний «юнкерс». На нашу бригаду было сброшено более сорока бомб разного калибра. К нашему счастью, этот налет не причинил особого вреда. Даже уцелела телефонная связь с подразделениями. Не поврежденной оказалась и боевая техника.

К исходу дня огонь немцев начал значительно ослабевать, Захваченный нашими разведчиками пленный показал, что гитлеровцы понесли большие потери и готовятся отходить на юго-запад.

Челябинцы под огнем врага начали готовиться к бою. Танкисты быстро привели в порядок технику, произвели дозаправку машин, пополнили боеприпасы. Офицеры штаба и политработники побывали в подразделениях, рассказали о героических действиях отличившихся — о танкистах лейтенанта Бучковского, автоматчиков взвода младшего лейтенанта Михейкина.

Коммунисты проводили беседы, воодушевляли людей на ратные подвиги во имя любимой Родины. Из рук в руки переходили листки-«молнии». Их с интересом читали солдаты. Листки рассказывали о людях, показавших отвагу и мужество в жаркой схватке с врагом. Освещались и другие вопросы: дисциплина в бою, взаимная помощь и выручка, сохранение боевой техники.

В сопровождении начальника разведки бригады офицера Приходько я выехал на танке к командирам батальонов и лично поставил задачу на ночной бой. Капитан Полубояров доложил мне, что саперный взвод готовится к проделыванию проходов в минных полях и проволочных заграждениях.

Встретился я и с бойцами. Челябинцы отрывали окопы, огневые позиции, тихо переговаривались между собой, с жадностью курили: люди переживали не совсем удачный дневной бой. При моем появлении торопливо гасили самокрутки.

— Курите, товарищи, курите, — говорил я им, — и отдыхайте. Скоро пойдем в наступление.

— Успеем, товарищ комбриг, — заверяли меня воины. — Вот прогоним с Орловщины немцев, тогда и отдохнем.

Эти парни, вчерашние токари и слесари, рабочие и колхозники, чаще меня называли не по званию, а по должности. Где бы я в тот вечер ни появлялся, они меня тепло встречали, рассказывали о первом бое, с сожалением говорили, что не смогли за день «раскусить орешек».

— Крепко зацепился гад, — сказал кто-то.

— Ничего, вышибем, — уверенно говорил другой.

— Ночью всыпем ему по первое число, — поддерживали

товарища остальные.

Да, бойцами владел высокий наступательный дух.

Иду дальше. Возле избы — закопанный танк, рядом на траве расселись коммунисты танковой роты, которой командовал старший лейтенант Симонов. О броню облокотился заместитель начальника политотдела капитан Анищук. Шло партийное собрание. Повестка дня: «Прием в партию лучших бойцов». Выступает механик-водитель Федор Сурков и другие коммунисты, те, кто видел, как рядовой Жилин дрался в бою. У всех одно мнение: принять товарища Жилина кандидатом в члены КПСС.

Через часа два я возвратился на наблюдательный пункт. Здесь меня поджидал начальник политотдела 197-й Свердловской бригады подполковник Скоп. С Ильей Григорьевичем мы были немного знакомы, но встретились, как старые друзья. Подполковник информировал нас об успехах Свердловской бригады, а мы ему рассказали о действиях челябинцев. Были разрешены некоторые вопросы взаимодействия. Через час мы тепло расстались с подполковником Скопом. Впоследствии наши пути-дороги нередко сходились, мне не раз доводилось встречаться с этим политработником, и я по сегодняшний день с теплотой вспоминаю о нем.

«Иду в бой. Считайте меня коммунистом».

Было уже темно, когда я вышел из блиндажа. Медленно, словно нехотя, наступала ночь. Тянуло прохладой. Стояла необычная для фронта тишина. Взглянул на часы. Пора. Тотчас заговорила приданная артиллерия. Снаряды с воем полетели на врага. Огонь открыли наши танкисты, автоматчики.

— Ура-а! Ура-аа! — понеслось на левом фланге.

В обороне врага обозначилась брешь, и туда устремились танки. Одним из первых на передний край противника ворвался экипаж лейтенанта Михаила Акиншина, который с ходу раздавил противотанковое орудие.

Дружно атаковали противника воины танковой роты старшего лейтенанта Симонова.

В атаку поднялись автоматчики. Они быстро сблизились с фашистами, и вот уже в первую траншею полетели ручные гранаты.

Правый фланг начал отставать: танки наскочили на минное поле и один из них подорвался. Я быстро вызвал командира первого батальона и приказал ему обойти левее опорный пункт, не ввязываться в бой.

Мы начали расширять прорыв и преследовать отступающего противника. Танки с ходу крушили оборону, уничтожая живую силу и огневые средства. За ночь подразделения бригады сумели значительно продвинуться вперед.

Наступил рассвет.

— Товарищ подполковник, немцы справа отходят, — доложил командир танка лейтенант В. Лычков.

Я приник к приборам наблюдения. Из опорного пункта немцы спешно отходили. Несколько танков и противотанковых орудий торопливо удалялись в сторону Злынь. Наш замысел удался.

Враг, видимо, решил, что мы его окружаем, и начал удирать, двигаясь параллельно и правее нас.

Вдруг созрело новое решение: ударить во фланг убегающим. Я быстро выдвинул на прямую наводку всю артиллерию, которая имелась в моем распоряжении, и часть танков. Артиллеристы заняли огневые позиции и открыли по подставленным бортам немецких танков огонь. Из подбитых «фердинандов» и «пантер» выскакивали гитлеровские танкисты.

— Молодцы, артиллеристы! Молодцы, танкисты! Еще дайте огонька! — крикнул я по рации.

Горели подбитые танки. Сплошной дым окутал землю. Слева от меня показалась небольшая высотка, поросшая низкорослым кустарником.

— Жми на высотку, — крикнул я по танковому переговорному устройству механику-водителю Мурашову.

В кустарнике на высоте танк остановился. Впереди простиралось ровное поле, прикрытое слева небольшой рощицей. Она привлекла мое внимание. И вдруг из-за рощи показалось несколько танков, вслед за которыми бежала пехота. Стало ясно: фашисты намереваются ударить во фланг.

Я тут же связался по рации с командиром второго батальона капитаном Федоровым.

— С тобой говорит первый, как слышишь меня, прием?

— Слышу вас пло…

— Двадцать второй, двадцать второй, говорит первый…

В ответ молчание. Оборвалась связь. Как быть? Связаться с командиром первого батальона. Но ведь его снимать нельзя с правого фланга, да и времени на переброску уйдет много.

Немецкие танки уже выходили на опушку леса. Выход был один — связаться с кем-либо из командиров рот и взводов. Радист Петров нашел нужную частоту. Мне кто-то ответил. Я открытым текстом спросил, с кем имею дело.

— Лейтенант Акиншин вас слушает, товарищ подполковник, — узнал он меня по голосу.

Я кратко изложил обстановку и приказал организовать отражение контратаки.

— Вас понял, товарищ комбриг. Рядом со мной еще два наших танка. Все будет в порядке.

Вскоре несколько наших танков развернулись влево и укрылись в густом хлебе. Немцы, не подозревая опасности, продолжали продвигаться вперед. И угодили прямо под огонь танкистов. Внезапность ошеломила фашистов, их танки быстро попятились назад, а пехота попыталась укрыться в роще. Отступающих настигли снаряды и меткие пулеметные очереди. Загорелся один фашистский танк, другие торопливо скрылись в густой ржи.

Не скрою, в эти минуты я испытывал большую радость. Солдаты немецкой дивизии в панике отступали на юго-запад. Вскоре мне все же удалось связаться по рации с капитаном Федоровым.

— Как идут дела?

— Отлично, товарищ первый. Вижу отдельные строения и ветряную мельницу. Кажется, Злынь.

— Действуй, Федоров, но смотри в оба…

— И у меня все хорошо, — доложил командир первого батальона майор Степанов. — Немцы бегут. Только что догнал тылы. Часть машин раздавил, несколько немцев сдались а плен.

— Не останавливайтесь, вперед на Злынь!

Я распорядился посадить автоматчиков на броню танков.

Челябинцы рванулись вперед. По рации уточнил задачи батальона, приказал овладеть населенным пунктом Злынь.

Сминая небольшие заслоны, танки вскоре ворвались в Злынь. На улицах дымились опрокинутые грузовики, валялись в грязи брошенные повозки. Горели дома.

— Вышел на окраину Злынь, преследую отходящего противника, — сообщил Степанов.

Такой же доклад последовал и от капитана Федорова. Он сказал, что его подчиненные подбили пять средних танков и уничтожили в Злыни несколько огневых точек.

— Молодец, Василий Александрович! После боя представьте к награде отличившихся.

А тем временем немцы, сосредоточив крупные силы на небольших высотках за Злынью, вдруг мощным заградительным огнем встретили челябинцев. Последовали тревожные доклады. Комбаты доложили обстановку. Немцам удалось подбить три наших танка и одно орудие. Пришлось приостановить наступление.

Я связался по рации с генералом Родиным.

— Целый час тебя ищу, где ты пропал? — упрекнул меня генерал. — Доложи обстановку.

— Бригада вышла на западную окраину населенного пункта Злынь, встретила упорное сопротивление и закрепляется на достигнутом рубеже.

Родин недоверчиво переспросил:

— Говоришь, на западную окраину Злыни? Хвастуны вы все там. Ты мне давай точные координаты.

Я вновь повторил то же самое. Генерал обрадовался и уже повеселевшим голосом сказал:

— Спасибо, Фомичев, передай челябинцам мою благодарность. Держитесь…

И только сейчас я понял, что бригада оказалась в нелегком положении. Правый и левый фланги наступающих соседей далеко поотстали от нас, и мы оказались в тылу у немцев. Теперь вся задача сводилась к тому, чтобы удержаться на достигнутом рубеже до подхода главных сил корпуса.

На исходе был первый августовский день. Я приказал саперам готовить новый наблюдательный пункт — старый полусгнивший сарай, из которого хорошо просматривалась неприятельская оборона. По моему приказанию комбаты расположили танки так, чтобы между ними поддерживалась тесная огневая связь. Вдоль дороги, ведущей в Злынь, огневые позиции заняла батарея 76-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Шабашова.

К вечеру на нашем участке прекратилась стрельба. Офицеры

штаба разошлись по подразделениям, чтобы на месте помочь организовать оборону. Раненых отправили в медпункт, и я тотчас по телефону разыскал командира медсанвзвода капитана Кириллова и приказал ему поскорее переправить их в медсанбат.

— Все будет сделано, товарищ подполковник, — заверил меня капитан: — Их у нас немного — семь человек, сделаем перевязки и в тыл.

Не успел положить трубку, как сержант Колчин позвал меня к рации.

— Злынь освободил? — раздался приглушенный голос. Я без труда узнал: говорил командарм.

— Так точно, товарищ командующий.

Генерал-лейтенант В. М. Баданов тепло отозвался о челябинцах, приказал закрепиться на достигнутом рубеже, пообещав оказать помощь.

Через час начальник штаба информировал меня о наших потерях. С болью я воспринял сообщение о гибели всего экипажа лейтенанта Павла Бучковского. Когда мы начали наступать, ночью к обгоревшему танку удалось прорваться роте старшего лейтенанта Симонова. Члены экипажа обгорели. Возле гусеницы нашли пистолет «ТТ». В его стволе записка. Перед смертью офицер Бучковский написал:

> «Жаль, что так рано приходится расставаться с жизнью. Повоевали немного, но успели убить более сотни гитлеровцев. Отомстите за нас, друзья. Прощайте!»

НИ ШАГУ НАЗАД!

Всю ночь не умолкал телефонный аппарат. Звонили командиры батальонов приданных средств, работники штаба и политотдела, находящиеся на передовой. Одни просили пополнить боеприпасы, другие — помочь артиллерией, третьи докладывали о потерях, а иные — просто советовались по тем или иным вопросам.

Среди ночи на командный пункт возвратился начальник политотдела подполковник Богомолов. Счищая щепкой грязь с сапог, он неторопливо рассказывал о настроении людей, о готовности каждого из них до конца выполнить задачу, поставленную перед бригадой.

— Политотдельцы, — сообщил Богомолов, — уже успели побывать во многих отделениях и взводах, провели с солдатами беседы, рассказали об отличившихся танковых экипажах Бучковского, Акиншина, Пупкова, Тарадымова, Коротеева, призвали равняться на героев.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Я поднял трубку.

— Говорит Кременецкий, к нам прибыла подмога — артдивизион из двух батарей. Где прикажете их расположить?

Я поспешил к артиллеристам, за мной с автоматом в руках шагнул в темноту ординарец Марк Собко. Мы быстро договорились с майором, и вскоре его батареи уже занимали огневые позиции на флангах бригады.

На командный пункт возвратился на рассвете усталым, немного взволнованным. Чувство неудовлетворения левофланговой батареей еще не покидало меня. Когда я туда пришел с командиром дивизиона, то обнаружилось, что огневые позиции артиллеристы заняли очень неудобно, в низине, и подход к флангу остался неприкрытым. А на этом фланге мы ожидали контратаку немцев. Артиллеристам пришлось срочно менять огневые, в спешном порядке производить инженерные работы.

Часов в девять утра нам принесли завтрак. Но прикоснуться к нему никто из работников штаба не успел. С высоток ударило несколько орудий противника. Я вскинул бинокль. Из окопов выскакивали немцы и со вскинутыми наперевес автоматами бежали в нашу сторону.

— Танки! — крикнул начальник разведки офицер Приходько.

Грузно переваливаясь, около двадцати танков двигалось по полю. За ними, прижимаясь к бронированным машинам, бежала пехота. Было ясно: фашисты решили нас контратаковать.

В двухстах метрах от первой волны шла вторая — средние танки с десантами автоматчиков. Немцы намеревались мощным бронированным кулаком смять подразделения бригады, отбросить за Злынь.

Я знал и верил, что челябинцы не дрогнут перед этой лавиной. Закопанные танки открыли ответный огонь. Ударили наши пулеметы и противотанковые орудия. Постепенно редела цепь контратакующих. «Тигры» вели огонь на ходу. Некоторые из них остановились, объятые пламенем. Другие продолжали продвигаться вперед.

Правофланговые танки наскочили на минное поле. Под гусеницами вспыхивало пламя. «Тигры» остановились, попятились назад. Залегла немецкая пехота. Однако часть тяжелых танков попыталась вбить клин на стыках двух наших батальонов и вдоль дороги осторожно продвигалась по ржаному полю.

Командир танкового батальона гвардии капитан М. Ф. Коротеев (1945 г.).

На этом направлении огневые позиции заняла батарея старшего лейтенанта Шабашова, в которой осталось три орудия. Удержатся ли артиллеристы?

В это время в воздухе показалась группа «юнкерсов-88». Немецкие самолеты на бреющем полете сбросили бомбы, которые разорвались в районе батареи 76-миллиметровых пушек. Вторая группа фашистских стервятников подвергла жестокой бомбардировке правый фланг.

Танки противника быстро приближались к нашему переднему

краю. Меня тревожило: почему молчат артиллеристы? Прошу Аню Пашенцеву соединить с батарейцами.

— Связь оборвалась, — ответила девушка. — Разрешите устранить?

Не успел я оглянуться, как она выбежала из блиндажа.

— Возврати ее назад! — крикнул я ординарцу.

Собко побежал за ней, но Пашенцевой уже и след простыл.

Аня Пашенцева, отважная и умная девушка, мне очень нравилась. Я даже удивлялся, когда она успевала все делать: тянула линию связи, устраняла повреждения, несла дежурство. Накануне боя как-то мы разговорились. До армии девушка работала в Челябинске. Едва упросила военкома, чтобы добровольцем зачислили в бригаду…

— Смотрите, дымит! — восторженно крикнул кто-то.

Батарея заговорила. Раздалось несколько артиллерийских выстрелов. Подбитый танк, из которого валил густой дым, описывал на месте круги, а другие продолжали ползти на батарею, отвечая своим огнем на залпы артиллеристов. Потом и они нехотя отвернули влево. Наткнувшись на сильный огонь на стыке, противник повел наступление в обход, на левый фланг второго батальона. Фашисты решили во что бы то ни стало осуществить свой замысел.

Я связался по телефону с левофланговой приданной батареей:

— В сторону фланга танки идут. Удержитесь?

— Не подкачаем, товарищ подполковник, — заверил меня старший лейтенант Вялкин.

— Желаю удачи.

На левом фланге завязалась огневая схватка. С наблюдательного пункта нам хорошо было видно, как вспыхнули два фашистских танка, а другие вынуждены были уйти за линию своих траншей, к ржаному полю. Вскоре смолкли орудийные выстрелы, на время наступила тишина.

Я понимал — радоваться еще рано: фашисты нас в покое не оставят. Пока связывался с батальонами, в небе показалась новая группа «юнкерсов». Они вытянулись в цепочку, начали сбрасывать бомбы на боевые порядки бригады. Я глядел на заходящие в пике самолеты с черными крестами и с тоской думал, как нам не хватает зенитных орудий.

Один из «юнкерсов» как-то неестественно завилял и, окутанный дымом, начал отворачивать в сторону. Самолет охватило пламенем, и он плюхнулся в рожь. Оказывается, первый самолет сбил Валентин Чернов.

Через минут десять все началось сначала. Танковая лавина,

вслед за которой двигалась пехота, одновременно контратаковала бригаду с нескольких направлений. До десяти танков пытались прорваться на стыке танковых батальонов. Позже мне стало известно, что здесь особенно отличился орудийный расчет сержанта Петра Левшунова. Левшунов был, пожалуй, старше всех своих земляков. А оказался он в бригаде вот как. Когда стали подбирать добровольцев, Петр Андреевич, ветеран гражданской войны, написал на имя начальника цеха заявление: он работал слесарем-инструментальщиком на Челябинском тракторном заводе. Ему отказали. Дома он посоветовался с женой и пошел в военкомат.

— Вы здесь нужны, — уверяли его.

Но Левшунов был неумолим.

— Мой старший сын погиб под Москвой, я отправил на смену младшего и сам хочу мстить врагам, — доказывал он военкому.

И этот солдат-коммунист, парторг батареи, уже в первых боях на Орловской земле показал себя храбрым и отважным воином.

…Немцы продолжали наседать. Маскируясь в высокой ржи, они вплотную приблизились к нашему переднему краю. Челябинцы в ход пустили противотанковые гранаты.

В этот критический момент мне доложили, что тяжело ранены комбат автоматчиков капитан Голубев и адъютант старший этого батальона младший лейтенант Покрищук. Я тут же приказал командование батальоном принять старшему лейтенанту Новокрещенову.

Огневое кольцо постепенно сжималось. Гитлеровцы обрушили на нас шквал огня. Снаряды вывертывали траншеи, от разрывов содрогалась земля. Черные кипящие фонтаны клокотали на нашей передовой.

— Товарищ комбриг, только что доложили: смертельно ранен командир первого танкового батальона майор Степанов, — взволнованно сообщил радист.

Я срочно послал к танкистам капитана Гаськова, заместителя начальника оперативного отделения. Он передал мой приказ старшему лейтенанту Симонову временно принять командование батальоном на себя. В неравной схватке танкисты сумели отразить контратаку.

В том бою отличились многие. Хочется упомянуть имя автоматчика рядового Тимошенко. Его окружили до десяти немцев. И боец не растерялся. Он гранатами забросал фашистов. Подвиг во имя Родины совершил и стрелок-радист сержант Дмитрий Николаев. Когда фашисты подбили его танк, Николаев с автоматом в руках занял огневую позицию, метко бил по наступающим. Гитлеровцы засекли окоп смельчака и решили

взять солдата в плен. Николаев отбивался до последнего патрона, а когда вышли боеприпасы, вместе с гитлеровцами взорвал себя.

К вечеру бой затих. А ночью на помощь подоспели другие бригады корпуса. На второй день мы с почестями похоронили наших боевых товарищей — лейтенанта Бучковского и членов его экипажа, начальника артснабжения старшего лейтенанта Георгиевского и других.

В то время шла ожесточенная борьба на близких подступах к Орлу. С севера, востока и юга наши войска все плотнее сжимали кольцо. Нависая с севера, наша бригада вместе с другими частями корпуса создавала для противника угрозу окружения. Наши добровольцы смело уничтожали фашистскую нечисть. 5 августа 1943 года Орел был взят. Эта весть быстро облетела добровольцев. Стихийно возникали митинги, воины клялись и впредь беспощадно бить врагов, изгоняя их с родной земли. Салют Москвы озарил начало нашего боевого пути, возвестил весь мир об освобождении города Орла. В тот день я был безмерно счастлив. Ведь с Орлом у меня было связано многое. Здесь я окончил военное училище в 1937 году, а затем два года в нем работал командиром взвода.

5 августа наш корпус получил новую задачу: с рубежа Ильинское — Гнездилово прорвать оборону немцев и овладеть железнодорожной станцией Шахово; перерезав железную дорогу Орел — Брянск, отсечь путь отступавшим вражеским войскам на запад.

Ночью мы совершили 70-километровый марш. К утру 6 августа наша бригада сосредоточилась в районе Коробецкой и Шестаково. После авиационной и артиллерийской подготовки добровольцы рванулись вперед. Фашисты сопротивлялись с отчаянием обреченных. Челябинская бригада наступала на левом фланге корпуса и вскоре снова вырвалась вперед. Мощным ударом челябинцы взломали фашистскую оборону и совместно с 30-й мотострелковой бригадой овладели населенными пунктами Китаево, Булгаково и Андросово.

Особенно сильные бои развернулись на подступах к Шахово. Обходным маневром Челябинская бригада к исходу дня 8 августа ворвалась на окраины Шахово. На запасных путях стояли десятки эшелонов с награбленным имуществом, боеприпасами, продовольствием. Мы сходу таранили фашистские эшелоны. Но вскоре немцы предприняли мощную контратаку. Подразделения бригады понесли большие потери. Всю ночь шел ожесточенный бой. Утром станция была в наших руках.

В оперативной сводке Совинформбюро за 9 августа 1943 года сообщалось:

«Западнее Орла наши войска, продолжая продвигаться вперед, заняли железнодорожную станцию Шахово (34 км западнее Орла) и ряд населенных пунктов. В боях на этом участке противник несет тяжелые потери в живой силе и технике…: в районе железнодорожной станции Шахово только в одном населенном пункте нашими частями обнаружены десятки немецких танков, подбитых в последних боях огнем советской артиллерии. Захваченные ка этом участке в плен солдаты и офицеры противника сообщили, что их 253-я пехотная дивизия в боях за последние три дня потеряла до половины своего личного состава».

Нам было приятно читать эту сводку: наша бригада уничтожила до десяти немецких танков, свыше полтысячи солдат и офицеров и многих пленила. 9 августа после двухчасовой передышки на наблюдательный пункт бригады в районе Шахово приехал генерал Г. С. Родин. Комкор, обычно скупой на похвалу, тепло отозвался о челябинцах.

— Освободим Орловщину, представь к награде наиболее отличившихся, — сказал он, вытирая платком вспотевшее лицо. — А сейчас слушай новый приказ.

Генерал кратко изложил обстановку, данные о противнике и наших войсках. В 14.00 нам предстояло выступить в направлении Челищево, Прилепы, Клинск и нанести удар по немцам с целью перерезать шоссейную дорогу Брянск — Орел, последнюю коммуникацию, связывающую Орловскую группировку врага с его тылом.

Генерал уехал. Я вызвал командиров батальонов и рот бригады и командиров приданных подразделений и довел до офицеров задачу. Времени оставалось немного. Командиры быстро разошлись по подразделениям. В указанное время бригада снялась с занимаемого рубежа, а к вечеру подошла к речушке Лубна. В заболоченной пойме реки застревали танки, автомашины. Мы переправлялись целую ночь. На рассвете 10 августа вступили в бой.

11 августа бригада освободила небольшой населенный пункт Маяки, а к вечеру вышла на шоссейную дорогу Орел — Карачев. Вдоль шоссе мы расставили танки, артиллерию. Наступила ночь. Челябинцы зарывались в землю. Командиры торопили людей. Мы понимали, что враг вскоре заявит о себе. И не ошиблись. На рассвете доложили: со стороны Орла движется танковая колонна.

Нам пришлось выдержать тяжелый бой. Немцы значительно

превосходили нас в боевой технике. Их танки лезли напролом. На экипаж лейтенанта Акиншина двигалось пять средних танков. Храбрецы выстояли. Челябинцы Мордвинцев, Сурков, Марченко не отступили с занимаемого рубежа.

Немцы, видя, что в лоб идти бессмысленно, начали обтекать наши фланги. Но там мы предусмотрительно расстановили танки и артиллерию. Экипажи, которыми командовали офицеры Тарадымов, Пупков и Коротеев, сумели выдержать натиск врага.

Несколько дней мы удерживали дорогу Орел — Карачев. Наша бригада с другими частями в ожесточенных боях обескровила немцев. Было уничтожено немало вражеской техники и живой силы. Большие потери понесли и мы. Поредели ряды челябинцев-добровольцев, по пальцам можно было сосчитать оставшиеся танки и автомашины.

29 августа наш 30-й Уральский добровольческий танковый корпус, в состав которого входила бригада, был выведен в резерв для подготовки к новым боевым действиям.

Через дня два-три мне удалось съездить в Орел. Город-красавец лежал в руинах. Я с трудом отыскал Садово-Монастырскую улицу. Здесь в доме номер двадцать девять я снимал квартиру. Меня тепло встретила хозяйка — Анна Андрияновна. От нее я узнал о судьбе ее двух сыновей — Юрия и Игоря. Они служили в Красной Армии.

Вечером долго бродил по темным исковерканным улицам. От боли сжималось сердце, и я мысленно поклялся отомстить фашистам за все их злодеяния.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫ — ГВАРДЕЙЦЫ!

Наступила короткая передышка. Поредевшие подразделения бригады сосредоточились в недавно освобожденном селе Широкое Орловской области. Солдаты начали обживать отведенное место. Задымились бани, солдаты-парикмахеры помогали товарищам приводить себя в порядок. По вечерам голосисто переливались трели гармошек. Дни на редкость стояли погожие, теплые. Осень выдалась на славу.

В село возвращались жители. Они охотно угощали бойцов помидорами, огурцами, фруктами, а те делились с ними солдатским пайком. Вспоминали минувшие бои, погибших товарищей, клялись отомстить за смерть павших за Родину. В своих рядах мы не досчитались многих и многих солдат, сержантов и офицеров.

Мне хорошо запомнился день 10 сентября. С утра я был занят разработкой какого-то документа для штаба корпуса. Вдруг в автобус постучался ординарец Собко и сообщил, что меня желает видеть бригадный почтальон. Рядовой Григорий Онуприенко вошел с мешком в руках. В нем оказались письма.

— Что с ними делать, ума не приложу, — сказал почтальон. Писем было немало. Адресатам они так и не попали: и те, кто писал их, никогда уже не получат ответа. Передо мной и сейчас, как наяву, сиротливо лежат эти треугольники.

Место новой дислокации нам определили в густом сосновом лесу. Застучали топоры, завизжали пилы. Солдаты отрывали землянки, готовили себе жилье.

А тем временем советско-германский фронт отодвигался все дальше и дальше на запад. Теперь мы уже были в глубоком тылу. Всюду были видны следы минувших боев: обгоревшие фашистские танки жерлами поржавевших стволов уткнулись в землю, остовы автомашин опрокинулись в воронки от разорвавшихся авиабомб. Временами в притихшем лесу раздавались гулкие взрывы оставшихся мин.

Командование бригады принимало все меры, чтобы быстрее наладить боевую учебу, жизнь и быт воинов. Саперы обезвреживали мины, солдаты вытаскивали с территории расположения бригады поржавевшие мотки проволоки, исковерканные противотанковые орудия, засыпали воронки.

В конце октября мне позвонили из штаба корпуса:

— Принимайте молодое пополнение.

Вместе с начальником политотдела подполковником М. А. Богомоловым мы вышли на полянку, где выстроились

прибывшие солдаты. Новички выглядели браво. На них красиво лежало новенькое обмундирование, ладно было подогнано снаряжение.

Я остановился возле коренастого паренька:

— Откуда будем?

— Из Челябинска, на тракторном работал.

— Все мы тут челябинцы, — весело отозвался один из солдат. — На смену выбывшим пришли.

— Вот и хорошо, товарищи. Надеюсь, смена будет достойной?

— Так точно! — хором ответили новобранцы.

Когда распустили строй, меня окружила большая группа солдат. Разговор зашел о минувших боях. Я рассказывал молодым воинам о том, как храбро сражался челябинец сержант Дмитрий Николаев, взорвавший себя вместе с гитлеровцами связкой гранат, как метко бил по врагу из пушки старый солдат Петр Левшунов, с какой отвагой прикрывал боевые порядки пехоты и танков от воздушного противника сержант Валентин Чернов и о многих других бесстрашных героях.

— И мы не хуже будем бить немцев, — заверяли прибывшие солдаты.

— Верю вам, а пока что надо настойчиво учиться военному делу, — посоветовал я молодым бойцам.

Начал прибывать и офицерский состав. На должность командира первого батальона был назначен майор Гой. Вместо тяжело раненного в бою командира батальона автоматчиков капитана Голубева стал капитан Приходько, а начальником разведки — старший лейтенант Валеев.

Расширился и штатный состав бригады: был введен третий танковый батальон, командиром которого стал капитан Маслов, а адъютантом старшим — старший лейтенант Злобин.

Сменились у меня и заместители. Подполковника Панфилова заменил майор Кришталь, начальником штаба был назначен подполковник Баранов, а вместо инженера-подполковника Ильина стал майор Дуэль. Прибывшие офицеры в основном оказались опытными, хорошо знающими свое дело.

Бригада получила несколько учебных танков. В короткие сроки были оборудованы стрельбище, полигон-танкодром. Штаб, возглавляемый подполковником Барановым, разработал план боевой учебы. На всех занятиях бывалые воины с большим усердием овладевали искусством ведения боевых действий. Они не кичились своими знаниями, во всем показывали пример молодым.

Мне нередко приходилось бывать на учебных полях, и я видел, с каким рвением готовили себя к последующим боям и

воины-фронтовики и прибывшие новички. И в этом немалая заслуга была офицеров штаба и политотдела бригады. Первые удачно планировали и проводили занятия, а вторые — сумели пробудить у бойцов стремление быстрее овладеть своей специальностью.

В те дни стало известно, что нашему Уральскому добровольческому корпусу присвоено звание «Гвардейский». Соответственно и все части корпуса были преобразованы в гвардейские. Наша бригада стала именоваться 63-й гвардейской Челябинской добровольческой танковой бригадой. Воины-челябинцы с гордостью стали называть себя: «Мы — гвардейцы!». На митинге, который состоялся в честь вручения бригаде гвардейского знамени, выступили многие солдаты, сержанты, офицеры. Страстно и взволнованно звучали их голоса. Они клялись Родине, что и впредь будут беспощадны к врагам, отомстят за смерть друзей.

Много работы было и у работников партийной комиссии, которую в это время возглавлял майор Дудовцев. Немало челябинцев, отличившихся в боях, вступило в ряды славной Коммунистической партии. Помнится одно из заседаний парткомиссии. Секретарь партийной организации подразделения зачитал заявление старшего сержанта Н. С. Балашова с просьбой принять его в члены ВКП(б). Балашов писал, что и впредь, как коммунист, беспощадно будет изгонять врагов с родной земли, во имя Родины не пожалеет своей жизни. Этим словам нельзя было не поверить. Механик-водитель старший сержант Балашов в первых боях на Орловщине показал себя смелым и отважным воином. На поле боя он умело маневрировал машиной, создавал благоприятные условия членам экипажа старшему лейтенанту Белоусову, рядовым Стремилову и Кудинову для ведения прицельного огня. Особенно отличился Балашов во время боя за железнодорожную станцию Шахово. Он сумел незаметно провести танк в стан врагов. Машина, за рычагами которой он сидел, одной из первых ворвалась на станцию.

В ноябре неожиданно похолодало. Иногда шел снег. В отрытых землянках солдаты установили железные бочки из-под горючего, заменившие печки. Но в тепле отсиживаться было некогда. Дни и ночи солдаты бригады проводили на учебных полях. Частые тревоги поднимали челябинцев среди ночи, в длительных маршах и походах воины приобретали закалку и мастерство, учились искусству побеждать сильного и коварного врага.

Вместе с личным составом по тревоге поднимались офицеры штаба и политотдела. Вся их деятельность была направлена на то,

чтобы как можно быстрее подготовить молодое поколение к боям, помочь командирам взводов и рот добиться высокой слаженности в экипажах, расчетах, отделениях.

В канун 25-й годовщины Великого Октября мне позвонил начальник политотдела корпуса Шелунов.

— К нам гости жалуют из Челябинска, встречайте, — сказал начальник политотдела.

— Вот кстати, мы тут собираемся награды вручать отличившимся. В присутствии гостей это получится здорово.

Многие солдаты, сержанты и офицеры были удостоены правительственных наград приказом командира корпуса. Мне, как комбригу, предоставлялось право также награждать личный состав медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и орденом Красная Звезда. По представлению командиров подразделений в приказ были внесены фамилии тех, кто в бою был бесстрашен, сообразителен, инициативен.

Началась подготовка к встрече делегации. Территория бригады выглядела чисто, уютно. Мы освежили песком дорожки, аллейки, бригадный плац. Ну и, конечно, навели порядок в землянках.

Личный состав бригады тепло встретил делегацию. Ее возглавлял заместитель председателя Челябинского облисполкома Совета Александр Григорьевич Дмитрин. В составе делегации были представители советских и партийных органов, труженики предприятий области. Среди них — заведующий военным отделом обкома партии С. В. Зиновьев, секретарь Сталинского райкома комсомола Т. С. Пермякова, работницы предприятий города О. И. Яковлева, Н. И. Червякова-Черемных, муж и сын которой служили в нашей бригаде.

Из беседы с А. Г. Дмитриным я узнал, какую большую работу проделал первый секретарь Челябинского обкома партии Николай Семенович Патоличев по комплектованию бригады личным составом, вооружением, обмундированием и снаряжением, по обеспечению продовольствием и всем необходимым.

Члены делегации рассказывали землякам об успехах тружеников Южного Урала, вручали солдатам, сержантам и офицерам подарки. Воины говорили о том, как они сражались на Орловской земле, выполняя наказ своих жен, матерей, братьев, друзей. Эти встречи были трогательными, волнующими.

Вспоминаю такой случай. В одной из землянок к руководителю делегации Дмитрину подошел магнитогорец механик-водитель танка сержант Андрей Витушкин. Вручая А. Г. Дмитрину письмо, он сказал:

— На митинге на проводах добровольцев выступал наш сталевар с металлургического комбината товарищ Мясников. Он сказал: «Бейте фашистскую гадину по-уральски!». Это письмо — наш отчет. Передайте землякам, что мы не посрамили славы русского оружия.

Памятным остался и день вручения наград. Вот из строя, чеканя шаг, выходит командир танка лейтенант Г. Л. Гончаров. Рослый, подтянутый, волевой. Таким он запомнился мне навсегда. Тепло жму лейтенанту руку, вручаю орден Красной Звезды. Офицер взволнованно отвечает:

— Служу Советскому Союзу.

В личном деле Гончарова было написано:

> «В бою бесстрашен, находчив. Личным примером умеет воодушевить подчиненных на образцовое выполнение поставленной задачи. За боевые дела и отвагу при обороне Сталинграда награжден орденом Красного Знамени».

В первых боях в нашей бригаде лейтенант Гончаров подтвердил эти качества. Экипаж, которым он командовал, при отражении вражеской контратаки в районе Злынь уничтожил несколько бронированных машин и много пехоты.

Вынос боевого гвардейского знамени.

Не могу не вспомнить, с какой радостью я вручил орден

Красной Звезды и санитарке Маше Бахрак. Отважная девушка не раз рисковала жизнью при спасении раненых.

К столу подходит сержант Сергей Викторович Кестер — старший радист штабной радиостанции. Челябинцы помнят, в какой перепалке оказалась бригада под Барилово. Было трудно, но Сергей Викторович сумел бесперебойно поддерживать связь с подразделениями. А ведь потерять управление в бою — это равносильно поражению. Я от всей души вручил ему медаль «За боевые заслуги».

Торжественная церемония вручения наград окончилась. Люди разошлись по подразделениям. А на завтра с утра снова выходы в поле, на полигон, на стрельбище. Не за горами бои. Еще не освобождена Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика. Враг до сих пор держит в огневом кольце колыбель революции — Ленинград.

По плану штаба провели кратковременные сборы сержантского и офицерского состава. С командирами отработали некоторые темы ведения боевых действий днем и ночью, в особых условиях — бой в городе и населенных пунктах, в лесистой местности и во время форсирования водных преград. Командирской подготовке мы уделяли большое внимание. Руководителями таких занятий были офицеры штабов бригады и корпуса.

Вместе с тем командование бригады уделяло самое серьезное внимание подготовке личного состава. Ежедневно стрельбы, учения, походы.

…Вторые сутки идут тактические учения. Поднятые по тревоге подразделения совершили пеший 80-километровый марш. Труднее минометчикам. Тяжелые опорные плиты, двуноги-лафеты, стволы больно трут плечи, сковывают движения. Нелегко было пулеметчикам и пэтээровцам, радистам и телефонистам. Но вот грянул учебный бой, и с воинов будто рукой сняло усталость.

В атаку пошли танкисты первого батальона майора Гоя. Вслед за ними — автоматчики, пулеметчики. На поле, усыпанном снегом, скрываются окопы, ямы, траншеи.

Роты атакуют дружно. Мне хорошо видно, как автоматчики смело врываются в первую траншею, забрасывают гранатами «противника». И снова вперед, вперед! Атакующие обошли высотку, устремились в брешь, пробитую в обороне. По радио уточняю задачу первому батальону. Майор Гой что-то долго соображает, прикидывает. А танки «противника» уже вышли на правый фланг атакующих. И лишь тогда командир первого батальона начал разворачивать роты вправо. «Если так будет в бою, — подумал я, — верный проигрыш».

Впоследствии майор Гой оправдывался, что не сразу уяснил задачу: радиостанция вышла из строя.

Потом батальоны преследовали отходящего «противника». Вечером короткий отдых. Вспыхнули костры, запахло поджаренной хлебной коркой, салом.

Я подошел к минометчикам. Старший лейтенант Сунцов зычно подал команду «смирно».

— Вольно, вольно, отдыхайте, товарищи.

В неглубоком овраге весело потрескивали сухие поленья. Солдаты притихли, выжидающе смотрят на меня.

— Что же вы приуныли?

Вскоре гвардейцы разговорились. К ним вернулось прежнее боевое настроение. Глядя на этих парней в солдатских шинелях, не верилось, что позади утомительный марш, атака на холмистой местности, «бой» в глубине обороны «противника».

Возле меня, обхватив ногами пень, примостился солдат. Никак не припомню, где же я с ним встречался. Заметив мой пристальный взгляд, минометчик спросил:

— Не узнаете, товарищ подполковник?

— Не у высот ли Бариловских встречались?

— Так точно. Когда меня ранило, вы еще шинелью прикрывали, успокаивали: «Не горюй, Козминых, рана не очень страшная. Отлежишься в госпитале — и к нам». Я и послушался вашего совета, вылечился и снова в роту. Боялся, не догоню.

Да, я вспомнил эту встречу. Фашисты с ожесточением обрушили на нас шквал огня из пушек и минометов. Несколько «юнкерсов» беспощадно сбрасывали тяжелые бомбы. Мой танк оказался подле огневых позиций минометчиков.

— Где командир роты? — спросил я у сержанта Мараховского.

— Вон там, — командир расчета показал рукою в сторону.

Я приказал старшему лейтенанту прикрыть наш левый фланг. Тут-то и увидел окровавленного заряжающего рядового Козминых. И вот новая встреча.

— В последующих боях будьте более осторожны, — начал было я.

— Уж извините, товарищ комбриг. Рядовой Козминых не из тех, кто кланяется пулям и осколкам и прячется за спину других. Воевать буду, как сын России. И не ручаюсь, может, и еще ранит, а то и убьет, но с огневой позиции не уйду.

Я крепко пожал Алексею Алексеевичу руку. Распрощавшись с минометчиками, уехал на «виллисе» к танкистам. Побывал у пулеметчиков, задержался у батарейцев 76-миллиметровых орудий. Разговаривая с подчиненными, я мог безошибочно

определить их настроение, желание, умение. И в тот день сделал вывод: люди рвутся в бой, им хочется побыстрее вымести врага с родной земли. По долгу службы информировал комкора, позже командарма о том, что личный состав бригады полностью готов к решению любой боевой задачи.

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!

1944-й год. 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали долговременную оборону противника и, нанося немецко-фашистским захватчикам ощутимые удары, погнали их от города Ленина. А спустя месяц была ликвидирована окруженная группировка фашистских войск на Правобережной Украине в районе Корсунь-Шевченковского.

Подразделения бригады находились в небольшом городке Васильково, что в 40 километрах от столицы Украины.

Ко мне подошел начальник политотдела:

— Вы слушали последние известия?

— Да, это по существу второй котел немцам после Сталинграда.

Мы собрали добровольцев на митинг. Включили громкоговорительную установку. В наступившей тишине приглушенно звучал голос Левитана:

> «Войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение четырнадцати дней, 17 февраля завершили операцию по уничтожению десяти дивизий и одной бригады немцев, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.
>
> В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи. Сдалось в плен 11 тысяч немецких солдат и офицеров. Вся имеющаяся у противника техника захвачена нашими войсками».

Выступает начальник политотдела Богомолов:

— Близится час окончательной расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле и в оккупированных странах Европы. Но враг еще не добит. Он упорно сопротивляется. Гвардейцы-добровольцы не должны зазнаваться успехами в предыдущих боях, а усиленно готовиться к новой схватке с немецко-фашистскими захватчиками.

— Успехи нашей славной армии, — сказал комсомолец А. Козминых, — вдохновляют нас на ратные боевые дела. От имени минометчиков заявляю: каждый из нас хорошо подготовится к предстоящим боям, отлично освоит технику.

Взволнованно прозвучали выступления парторга батареи 76-миллиметровых орудий старшего сержанта П. Левшунова, коммуниста И. Любивца и других.

А через несколько дней личный состав бригады радостно отметил 26-ю годовщину Советских Вооруженных Сил. Этому знаменательному событию было посвящено торжественное собрание, перед строем бригады был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего.

Как только поступила наша корпусная газета «Доброволец», в которой был опубликован приказ, состоялись громкие читки. Помнится, вечером мы с М. А. Богомоловым зашли в одну из хат, в которой временно поселились бойцы. В комнате стояла звенящая тишина, только был слышен голос парторга старшего сержанта П. А. Левшунова. Торжественно и величаво звучали слова приказа об одержанных победах. Затем воины оживленно обменивались мнениями.

Зима постепенно сдавала позиции. Подули южные ветры, образовывая в снежном насте проталины. Весна вступала в свои права.

Подразделения бригады в колоннах едут по Киеву мимо обгоревших и разрушенных домов — гигантских черных коробок.

— Вот здесь был центральный универмаг, а выше виднеются обгорелые стены оперного театра, — говорит товарищам сержант Иван Романченко. — А это мы выходим на Крещатик. До войны я не раз бывал в Киеве, рядом жил, на Полтавщине.

Мостовые исковерканы снарядами, вздыблены трамвайные рельсы, кучи битого стекла, кирпича. Жирная белая надпись: «Мин нет». Покосились вывески магазинов, сыро, холодно, неуютно.

Встречаются пешеходы: худые, оборванные, голодные. К солдатам подбегает мальчишка. На ногах — не по размеру большие галоши. Кто-то дает парнишке хлеб, кусочки сахару. Невесть откуда в этот предвечерний час появилась целая ватага детей. Они окружили остановившиеся машины, о чем-то толкуют с солдатами. Доносятся обрывки детских голосов: «Дядя, немцев идешь бить?»

От Киева путь ведет на запад. Марш совершали темной ночью. Валит мокрый снег, сырой, промозглый ветер пробирает до костей. Зябко кутаясь в воротники шинелей, солдаты тихо переговариваются между собой. Кто-то зло ругает погоду, в сердцах говорит:

— Ну и слюни распустила зима. Не то, что у нас на Урале.

— А ты не хай ее, уже поздно, сегодня первое марта — весна, — отозвался чей-то веселый голос.

На рассвете остановились на небольшом полустанке. Здесь предстояло получить продовольствие, боеприпасы, боевую технику — танки, автомашины. Подошел эшелон, на платформах

которого были укреплены скрытые серым брезентом танки. Разгружаться будем вечером, под покровом ночи.

Мы, конечно, в те дни не знали, что Советское Верховное Главнокомандование решило развернуть в начале марта широкое наступление силами 1, 2 и 3-го Украинских фронтов с целью завершить освобождение Правобережной Украины. Не знали об этом и в штабе командующего южной группой немецких армий. Немцы полагали, что советским войскам понадобится определенное время для осуществления крупной перегруппировки сил фронтов.

А тем временем в сторону фронта шли составы с боевой техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием. До начала наступления оставались считанные дни. За это время надо было в строжайшей тайне подтянуть войска на исходные позиции для наступления, разведать оборону немцев, подвести к линии фронта в весеннюю распутицу десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего продовольствия.

И уже не спали офицеры штаба фронта, производя расчеты на столь крупную операцию. Не до отдыха было и нам, воинам бригады. Едва стемнело, как мы приступили к разгрузке танков. Сброшены брезенты, и танк за танком спускаются с платформ.

Ко мне подбегает командир третьего батальона капитан Маслов.

— Что случилось?

— Во танки! — восклицает комбат. — Модернизированные, с новой 85-миллиметровой пушкой. Вы посмотрите, что творится в экипажах. От радости люди пляшут.

И впрямь, вдоль колонны танков веселье, смех, пляска. Да, о таких танках мы давно мечтали, и в 1941 году, и во время сражений у стен Сталинграда, и на Курской дуге. И вот они новенькие ««тридцатьчетверки».

С «тридцатьчетверкой» у меня связано много. Трудно сосчитать, сколько дней и ночей я провел в этой машине. Машина обладала многими замечательными качествами: высокоманевренна, подвижна, быстроходна. Ей не страшны ни распутица, ни водные преграды, ни заболоченные участки. Для нее — все пути проходимы. К тому же, танковый двигатель в любое время готов к действию. И конечно, огневая мощь великолепна. А тут еще 85-миллиметровая пушка. Здорово!

Танки с затемненными фарами передвигаются на юго-запад. Впереди где-то должен быть город Острог, а рядом линия фронта. С этого рубежа нам и предстоит снова начать боевые действия, изгоняя с родной земли гитлеровских захватчиков.

Меня на какое-то время задержали в штабе корпуса,

полковник А. Б. Лозовский, заменивший полковника Еремеева, уточнил район сосредоточения, просил поторопиться с выходом на указанный рубеж.

Да и нам хотелось скорее совершить марш. Но с нашим желанием не считалась погода. Зима в тот год выдалась капризной, мокрой. Нередко шли дождевые ливни вперемешку со снежными вихрями. Чернозем превратился в непролазное болото. По полевым дорогам нельзя было, как говорят, ни проехать и ни пройти. И как бы то ни было, а фронт требовал свое. На юг и юго-запад потянулись мощные грузовики и тотчас беспомощно увязли в раскисшем грунте. Пехотинцы, с трудом переставляя облепленные густой грязью сапоги, подталкивали машины, груженные в основном боеприпасами и горючим. Тянули на лямках 45- и 57-миллиметровые пушки, на себе несли снаряды, ящики с патронами.

Только танки уверенно продвигались вперед, хотя и они подчас застревали на обочинах дороги.

Распрощавшись в штабе корпуса с товарищами, я поспешил в бригаду. «Виллис» сильно бросает из стороны в сторону. При объезде груженых машин, застрявших в грязи, наш «виллис» тоже сел на передний и задний мосты. И плохо б нам пришлось, если бы не помогли мотострелки.

Было уже далеко за полночь, когда я нагнал танковую колонну, вытянувшуюся вдоль полезащитной полосы. На броне остановившихся машин дремали мотострелки, с ног до головы облепленные грязью.

Первым, кто нам встретился, оказался командир первой роты автоматчиков. Открыв дверцу кабины, я подозвал к себе старшего лейтенанта Сидорова и поинтересовался, чем вызвана остановка танков.

— Не в курсе, товарищ подполковник, это уже в который раз останавливаемся. Может, затор, — неопределенно ответил офицер.

Спешу в голову колонны. Майор Кришталь с комбатом майором Гой склонились над картой, освещенной лучом карманного фонарика.

— Должен быть перекресток дороги, где нам надо свернуть строго на юг, а его не оказалось. Куда ехать дальше — не разберусь. Вот и колдуем над картой, — невесело говорил Кришталь, вытирая обшлагом комбинезона мокрое от талого снега лицо.

— А где мы сейчас находимся?

— Как где, в районе Острога.

— Точнее.

Майор ткнул карандашом.

— Вот здесь, где проходит полезащитная полоса.

Точка, оставленная на карте, обозначала совсем другой район. Мой заместитель то ли от усталости, то ли от нервного напряжения неправильно сориентировался. До перекрестка дорог оставалось еще не менее 12—14 километров.

На рассвете танки рассредоточились в указанном нам районе. Машины маскировали в копнах прошлогодней соломы, в неубранном кукурузном поле. Было тихо, и даже не верилось, что совсем близко проходит линия фронта.

Вскоре на командный пункт приехал командир стрелкового полка.

— Гости к нам пожаловали, а мы и не ждали, — откровенно признался он. — Немец нас не трогает и мы его. Живем тихо, мирно. Признаться, и людей у меня маловато. По пальцам можно сосчитать солдат и сержантов в ротах. Худо и с боеприпасами, и с продовольствием. Дороги вон как раскисли — не подвезешь.

Полковник хорошо был осведомлен об обороне немцев. Он указал, где вдоль дороги расставлены фашистские танки. Начальник штаба подполковник Я. М. Баранов нанес на карту расположение отдельных огневых точек на участке нашего наступления.

К обеду меня вызвал командир корпуса. Генерал Г. С. Родин провел на карте красную стрелу. Она была нацелена на Каменец-Подольский, расстояние от которого исчислялось более трехсот километров. Это была конечная задача, а ближайшая заключалась в том, чтобы за четыре-пять дней от Ямполя Тернопольской области прорваться с севера на юг и, рассекая группировку противника, перерезать железную и шоссейную дорогу Проскуров — Тернополь и лишить немцев возможности отойти на юго-запад.

В условиях распутицы и непогоды нам предстояло вести тяжелые бои с сильной группировкой немцев: между Тернополем и Проскуровым было сосредоточено до девяти танковых и шести пехотных дивизий.

К вечеру я вернулся в бригаду. Несмотря на усталость, члены экипажей использовали короткую передышку для учебы. Они добивались согласованности в действиях каждого воина, до автоматизма отрабатывали приемы в работе на прицельных приспособлениях. Сокращали нормативы посадки в танк и высадки из него. Мотострелки учились действовать в танковом десанте, вести огонь с брони машин, взбираться на танк и спрыгивать на ходу.

Политработники воспитывали у солдат высокий

наступательный порыв, жгучую ненависть к врагу, готовность беспощадно бить фашистов за поруганную Советскую землю.

Челябинцы, освобождая Орловщину, видели следы оккупации. Вместо деревень и сел — развалины да пепел. На дорогах виселицы.

Проезжая по Украине, воины с болью в душе смотрели на руины, на обгоревшие коробки станционных построек, на покосившиеся украинские хаты и вырубленные сады.

— Не будет пощады врагу, — на коротких митингах заявляли солдаты. — До конца раздавим фашистскую гадину.

Вечером сбор командиров. Сообщаю: завтра на рассвете в бой. Ждать некогда. Надо скорее вызволять родную Украину.

Началась кропотливая подготовка к боевым действиям. Штабные офицеры: Баранов, Пшеничнер, Гаськов, — склонившись над картами, прокладывали маршруты, изучали район предстоящих боевых действий, разрабатывали вопросы взаимодействия, составляли схемы артиллерийского огня, уточняли порядок подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия.

Не дремала и наша разведка. Начальник разведки бригады старший лейтенант Валеев организовал наблюдательные посты, со своими разведчиками тщательно изучил оборону противника. Данные, которые нам сообщил накануне полковник, были достоверными. Без труда удалось обнаружить расположенные вдоль дорог танки и самоходные орудия. Лишь на отдельных возвышенностях немцы оборудовали огневые точки. Отсюда нетрудно было сделать вывод: за дороги будет идти упорная борьба, немцы попытаются нам наносить мощные контратаки. В то же время такая тактика для нас была и выгодной. Мы могли, хотя это и нелегко было сделать, совершить обходные маневры, неожиданно появляться в тылу врага, внезапными ударами рассекать его боевые порядки и по частям уничтожать гитлеровцев.

Разговариваю с механиками-водителями третьего батальона. Обещают, что сумеют провести танки по любой местности.

А что думают мотострелки роты старшего лейтенанта Сидорова?

— Нам-то что, на броне будет легче, да и в пешей атаке не отстанем от танков, — весело говорили солдаты.

Иду во второй батальон. Подморозило, и земля затвердела. В ночной тишине звонко похрустывает под ногами образовавшийся в проталинах ледок. Меня сопровождает капитан В. А. Федоров. Я с симпатией смотрю на рослого комбата. Его комбинезон туго перехвачен портупеей, а на голове, как всегда, видавший виды

шлемофон.

— Как настроение у людей?

— Завтра дадим немцам жару, — на ходу отвечает капитан.

И я верю словам комбата. Его батальон уже показал себя в первых боях. Капитан умело руководил подчиненными, в любой ситуации не терялся, мог расчетливо организовать бой.

Капитан Федоров — кадровый офицер. В 1933 году он добровольно ушел в армию. С первых дней войны — активный ее участник. Сначала на юго-западном фронте командовал разведротой, затем бои под Москвой, на Северо-Западном и Калининском фронтах. Был тяжело ранен, контужен, более двух месяцев лежал в госпитале.

Тактически грамотный офицер, он показал себя и в нашей бригаде бесстрашным и отважным комбатом. Но нередко мне приходилось сдерживать Василия Александровича, а иногда просто и ругать. Он непременно лез в самое пекло, первым врывался на вражеские позиции. Порой и не было в этом необходимости. Но я знал: завтра он снова первым будет на огневых позициях фашистов, в горячую минуту боя не устоит перед искушением появиться среди атакующих.

Мы подошли к группе воинов. Бригада сильно обновилась, и я с трудом узнавал не только некоторых солдат, но и офицеров. Оказывается, мы пришли в роту старшего лейтенанта Сидельникова, в которой проводился короткий митинг. Все внимательно слушали подполковника А. А. Денисова, только что прибывшего к нам на должность заместителя командира второго батальона по политчасти. Голос его звучал мягко, но убедительно. Чувствовалось, что Денисов — опытный политработник.

Заместитель командира танкового батальона по политчасти гвардии подполковник А. А. Денисов.

Выступали солдаты, сержанты — коротко и ясно: сражаться по-уральски, беззаветно и храбро.

В своей речи я напомнил, что боевые действия бригада начинает в довольно сложной обстановке. Ранняя весна превратила дороги в непролазные болота, затрудняется подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия. Была одна просьба: экономно расходовать боеприпасы.

Побывал я и во второй роте, которой теперь командовал старший лейтенант И. С. Пупков. Встретился с начальником штаба этого батальона старшим лейтенантом Б. Н. Ерофеевым, побывал и в других подразделениях бригады.

На перекрестке полевых дорог огневые позиции заняла батарея 76-миллиметровых орудий. Артиллеристы расселись кто на станине боевой системы, кто на ящиках из-под боеприпасов. На щиту орудия укреплен плакат, на котором нарисован немецкий танк «тигр» и стрелами показаны его уязвимые места. Беседу с артиллеристами проводил парторг батареи П. А. Левшунов.

Такие памятки и плакаты к нам поступили несколько дней тому назад из политотдела корпуса и были розданы во все расчеты и экипажи.

Закончив беседу, Петр Андреевич сообщил мне, что сейчас состоится открытое партийное собрание.

Партийное собрание по-фронтовому было коротким, деловым. Командир батареи коммунист Шабашов сказал:

— Коммунист всегда должен быть впереди, личным примером увлекать воинов на разгром врага, сражаться храбро, мужественно и умело.

Речи выступающих были также короткими.

— Всем своим поведением в бою, — заявил коммунист старшина Садовский, — с честью оправдаю столь высокое звание.

Слово предоставлено мне.

— Артиллеристы в боях на Орловщине, — сказал я, — своим огнем расчищали путь автоматчикам, враг испытал на себе огневую мощь ваших ударов. И впредь сражайтесь с захватчиками также смело и отважно.

Партийные и комсомольские собрания в тот день состоялись во всех ротах и батареях бригады.

Поздно вечером состоялось партийное собрание штабной партийной организации, на котором я сделал доклад. Обсудили свои задачи в предстоящих боях на партсобрании и офицеры политотдела.

Всю ночь не пришлось сомкнуть глаза. Некогда было. Очень беспокоился о подвозе боеприпасов, горючего, продовольствия.

Мой заместитель по тылу майор В. И. Хохлов собрал своих подчиненных. Начальник продовольствия капитан Юмышев, начальник артснабжения старший лейтенант Иванков, начальник горюче-смазочных материалов бригады Егоян, командир роты подвоза старший лейтенант Тараканов и другие заверили: сделаем все возможное, но бригада будет получать нужнее довольствие.

Ушли офицеры, а я, прикрывшись телогрейкой, думал о том, какую страницу перед нашей бригадой откроет жизнь, что нас ждет впереди, как поведут себя новички в бою? И уже виделись жаркие атаки, бессонные ночи.

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Утро 4 марта 1944 года выдалось ненастным, серым. Постепенно рассеивался туман, из-за густых туч начало пробиваться солнце. Было тихо и сонно. Я вскинул бинокль. Отчетливо видно несколько немецких танков, вокруг них ни живой души. Немцы преспокойно спят в наспех оборудованных блиндажах, из которых потягивало дымком…

Сзади послышался шум машин. Оглянулся и не поверил: к моему танку, перескакивая лужи, спешил командарм генерал В. М. Баданов в сопровождении нескольких офицеров.

— Ну, как дела, Фомичев? — он протянул мне руку и, не дожидаясь ответа, добавил: — Правый фланг у тебя не совсем прикрытый, это имей в виду.

— Я это учел, товарищ командующий. Разрешите доложить свои соображения.

— Слушаю, слушаю, — и Баданов прильнул к стереотрубе. — Э, да на твоем участке немец еще спит. Но мы его сейчас потревожим.

Генерал слушал меня внимательно. Я подробно изложил разработанный штабом план наступления.

Внезапно ударила наша артиллерия. Снаряды плотно ложились на позиции немцев. Короткий огневой налет ошарашил фашистов. Мы полагали, что гитлеровцы тут же ответят нам. Но немцы упорно молчали, а спустя минуту-две их танки попятились на юг. Хорошо было видно, как в упряжках забились лошади: немецкие солдаты начали оставлять окопы и удирать на повозках.

Генерал довольно потер руки:

— Жми теперь на пятки врагам, не давай опомниться.

Танки второго и третьего батальонов с десантом на броне рванулись вперед.

Командарм тепло со мной попрощался.

— Бывай здоров, Фомичев, кажется, скоро не встретимся. Отзывают в Москву, — и на глаза Василия Михайловича навернулись слезы.

Я понимал: ему не хотелось расставаться с 4-й танковой армией. Мы крепко расцеловались.

А тем временем танки с трудом продвигались по бездорожью, сминая на пути небольшие заслоны, подминая конные обозы. Натужно урчали моторы, из-под гусениц летели комья грязи. Второй батальон, выделенный в передовой отряд, через часа два-три на подступах к городу Ямполю попал под сильный артогонь. Тяжелые орудия противника, закопанные в землю, представляли

собой серьезное препятствие. Наши танки попятились назад. Немцы усилили огонь, а вскоре перенесли его вглубь. Рядом разорвалось несколько снарядов. Меня обдало взрывной волной, облепило грязью, осколки прошили комбинезон.

— Вперед! — тороплю я механика-водителя сержанта Мурашова.

Надрывно ревет двигатель, медленно едем вдоль кукурузного поля. Капитан В. А. Федоров доложил обстановку и сообщил, что рота старшего лейтенанта Сидельникова попыталась совершить обходной маневр, застряла в кукурузном поле.

— Все меры примите, но танки спасите, — приказал я по рации.

Быстро созрело решение: выдвинуть вперед приданную бригаде самоходно-артиллерийскую батарею капитана Б. Дружинина. Самоходки с трудом продвинулись по раскисшей дороге и с указанного рубежа открыли огонь. В это время с брони танков спешилась пехота первой роты. Стрелки рассыпались по полю, цепь атакующих покатилась на юг. Хорошо было видно, как солдаты, с трудом переставляя в грязи сапоги, продвигались вперед.

Огонь противника на какой-то миг угас. Думалось, что вот-вот стрелки ворвутся на вражеские огневые позиции и откроют танкам дорогу на Ямполь. А между тем этого не случилось. Перед цепью атакующих неожиданно заплясали разрывы мин. Заградительный огонь достиг наивысшей плотности. Противник оказал нам сильное сопротивление. Пришлось привлечь всю нашу артиллерию. Бой длился несколько часов. К вечеру силы противника начали иссякать, и бригада еще немного продвинулась вперед, хотя выполнить задачу дня мы так и не смогли.

С наступлением сумерек подразделения бригады остановились на достигнутом рубеже. И тут выяснилось, что наши тылы далеко поотстали: грузовые машины застряли в грязи, и первый батальон майора Гоя всю ночь вытаскивал их.

Еду в батальон капитана В. А. Федорова. На корме танка примостился инструктор политотдела по оргпартработе Павел Семенович Попов. Он целый день мотался из экипажа в экипаж, из отделения в отделение, личным примером увлекал челябинцев. В его сапоги просочилась вода, инструктор вымок до нитки.

— Добре дерутся гвардейцы! — крикнул он мне на ухо. — Почитайте листовку-«молнию», — и майор протянул мне листок ученической тетради.

«Двух автоматчиков и пулеметчика уничтожил коммунист рядовой Пяткин. Расчет коммуниста старшины Садовского подавил три огневых точки. Экипаж лейтенанта П. Кулешова уничтожил прислугу тяжелого орудия и раздавил около 10 повозок. Товарищи, бейте врага, как бьют его наши отважные гвардейцы».

Машине нелегко передвигаться по этой вязкой дороге. Гусеницы глубоко зарываются в размокший чернозем. Мотор ревет натужно. Механику-водителю то и дело приходится переключаться с одной передачи на другую. А дальше как будет? На пути немало небольших речушек. Они вышли из берегов, и затопленные поймы представляют непроходимые болота.

Объезжаем буксующую автомашину. Дорогу нам преграждает офицер. Он весь вымок, в грязи. Механик-водитель сержант Мурашов останавливает танк. К левому борту машины подбежал капитан Юмышев и, узнав меня, неожиданно смутился:

— Не думал, что вы, товарищ подполковник. Застряли мы.

— Ну что, поможем продснабженцам? — обратился я к командиру танка лейтенанту Ясиновскому.

— Так точно! — офицер спрыгнул на землю и, быстро размотав трос, прикрепил его к крюку застрявшего грузовика.

В те дни подобных случаев было немало. Солдаты охотно выручали друг друга.

Танк медленно движется вперед. Ночь темная, хоть глаз коли. Моросит дождик, временами идет мокрый снег. Встревоженные гитлеровцы не прекращают стрельбу. Их орудия бьют беспорядочно, наобум, и снаряды особого вреда нам не причиняют. То и дело в небе вспыхивают ракеты.

Слева от нас тоже раздаются орудийные раскаты. Судя по всему, это Свердловская и 29-я мотострелковая Унечская бригады завязали ночной бой на подступах к населенному пункту восточнее города Ямполь.

У капитана Федорова находились начальник разведки старший лейтенант Валеев и командир саперного взвода лейтенант Лившиц. Укрывшись от ветра за броней танка, они о чем-то толковали.

— А, товарищ комбриг, добро пожаловать, — сказал Василий Александрович Федоров. — Мы тут думаем о ночной атаке. Вашего совета хотел просить. Зачем время тянуть. Саперы уже разминировали дорогу.

— Горячиться не надо, — успокоил я офицера. — Доложите обстановку.

Федоров назвал наличие орудий и танков противника, расположенных вдоль полевой дороги и на возвышенностях, коротко доложил о своем плане ночной атаки. Когда я с ним не согласился, он очень огорчился.

— Учтите, немец нас сразу обнаружит по шуму танковых двигателей и без особого труда расстреляет машины в упор при свете ракет. Шутить этим нельзя, — сказал я и спросил, какие потери понес батальон в дневном бою. Они оказались незначительны. Один танк подорвался на мине и один подбит. Несколько человек получили ранения.

Дождь не переставал. Мы сильно промокли. В сапогах хлюпала вода. Поблизости изредка рвались снаряды: немцы вели методический обстрел наших позиций. Однако мотострелки, сгрудившись вокруг соседней машины, не обращали на это внимания. Они тянули озябшие руки к теплому мотору, соблюдая светомаскировку, курили в рукав. А члены экипажа тем временем готовили машину к новым боям.

— Как с боеприпасами и горючим?

— На завтра, пожалуй, хватит, — ответил капитан.

— Поэкономнее расходуйте, поговорите еще с людьми. Тылы отстали, надеяться не на кого, — посоветовал я комбату.

— Замполит сейчас где-то в экипажах, об этом там и речь идет.

Замполит подполковник А. А. Денисов имел среди воинов непререкаемый авторитет.

Я собрался уходить, хотелось немного отдохнуть. Капитан В. А. Федоров меня останавливает:

— Вообще-то не мешало б завтра подбросить боеприпасов, товарищ подполковник.

— Не обещаю, видите, какая распутица.

Я не переставал думать о тылах. Танки первого батальона были брошены иа помощь тылам. Приказал радисту связать меня с заместителем по тылу майором Хохловым. Виктор Иванович рисует совсем не радостную картину. Мощные «студебеккеры», «зисы» и «полуторки» безнадежно застряли в грязи. Положение, в котором мы можем оказаться уже завтра или послезавтра, не из приятных. Но как бы там ни было, меня не покидала уверенность, что начавшееся наступление не приостановится, и мы вовремя получим необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия.

Утро меня застало на наблюдательном пункте у капитана Федорова. Взглянул на часы: без десяти восемь.

— Пора!

Капитан Федоров вскинул ракетницу, и в сырое промозглое

небо взлетела красная ракета.

— По фашистам — огонь!

Ударили орудия. В сторону немцев устремились танки. Фашисты тотчас ответили. Однако их огонь не достигал цели. Снаряды рвались в стороне от дороги, и лишь отдельные ложились в наших боевых порядках.

Слева с небольшой высотки полоснул пулемет. Пули чиркнули о броню танка.

— А, гад, — вскипел Ясиновский, — на тебе!

Выстрел лейтенанта заставил замолчать огневую точку.

Противник не выдержал натиска и оставил свой рубеж. Спасаясь бегством, немцы даже не взорвали тяжелые орудия, возле которых валялись трупы убитых и корчились тяжело раненные. Второй батальон первым ворвался на огневые позиции врага. Взломав оборону, челябинцы дробили ее по частям, с ходу сметая отдельные узлы сопротивления.

К 12 часам дня передовые подразделения бригады вышли к небольшой реке Горынь, мост через которую немцы давно взорвали. Выход был один: водную преграду форсировать вброд. Течение, грунт и глубина реки позволяли это сделать.

Разведчики и саперы, шедшие в головной походной заставе, преодолевая заболоченные участки, устремились к реке и тотчас попали под артиллерийский огонь. С противоположного берега в сторону наступающих понеслись светлячки трассирующих пуль. Рота старшего лейтенанта М. Г. Акиншина первой завязала бой.

— Вперед, гвардейцы! — крикнул командир роты по рации и приказал своему механику-водителю двигаться к реке.

Офицер понимал: медлить нельзя. Противник легко сумеет расстрелять танки, которые начнут пятиться назад по открытой местности, а затем подтянет резервы из глубины, и его вовсе не вышибешь.

Вслед за ротой Акиншина к водной преграде потянулись танки роты старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева. Немцы сопротивлялись отчаянно и яростно. Они стремились хотя бы на время задержать наше наступление. Не вышло! Мне хорошо видно, как к реке подошел танк и плавно спустился в воду. Кто же смельчак? Федоров докладывает:

— Акиншин, старший лейтенант.

— Ай да герой! Передай ему мою благодарность.

Танк за танком входит в воду. Мощная стальная лавина накатывается на врага и, сминая орудия, утюжа траншеи, безудержно идет вперед. То там, то тут зачадили подбитые фашистские танки.

Бой перенесся дальше. Западнее нас Ямполь. Хочется туда

побыстрее, но неожиданно бригада встретила сильное сопротивление. Я связываюсь с комкором и докладываю обстановку, свой план на дальнейшее наступление. Генерал Г. С. Родин не сразу соглашается, но потом дает «добро». Танки вырываются на оперативный простор. Ямполь от нас остается западнее: к городу рвутся другие части, а мы намерены перерезать путь отходящему противнику.

5 марта к 16 часам бригада, не встречая особого сопротивления, вышла на рубеж южнее Ямполя. Комкор уточнил нам задачу: к исходу 6 марта овладеть населенным пунктом Скорики.

Я взглянул на карту. До села не более 15—18 километров. Пожалуй, если поднажать, то к ночи достигнем села. Подозвал начальника штаба подполковника Я. М. Баранова.

— Вероятно, успеем, если не застрянем на реке Збруч, — неопределенно сказал офицер.

Мы стали совещаться. Наш разговор прервала неожиданно начавшаяся впереди стрельба. Радист — старший сержант Виктор Колчин — быстро связался с передовым батальоном.

— Головная походная застава попала под сильный огонь артиллерии, один танк подорвался на мине, — доложил капитан В. А. Федоров.

Сведения были очень скупыми, и я поспешил во второй батальон. Разведка бригады установила, что проселочная дорога в сторону населенного пункта Скорики охраняется несколькими закопанными танками, артиллерией и двумя-тремя ротами пехоты.

В бинокль хорошо просматривалась оборона. Вдоль дороги закопаны «тигры», слева и справа установлены пушки с длинными стволами, на опушке леса по вспышкам выстрелов нетрудно было определить окопавшуюся пехоту. Захлебываясь, били пулеметы. То и дело раздавались резкие автоматные очереди, гулко ухали орудийные выстрелы.

Потом послышалась стрельба с севера. Связываюсь с третьим батальоном, шедшим во втором эшелоне. Капитан Маслов взволнованно докладывает:

— Со стороны Ямполя показалась большая колонна немцев. Наши танки их встретили огнем.

Оказалось, что под натиском наших правофланговых соседей немцы спешно оставили Ямполь и откатываются на юг. Но мы успели эту дорогу перерезать. Немцы не приняли боя, их колонна вначале попятилась назад, затем в обход по лощине ушла на запад.

Мы приостановили наступление. Артиллерийский обстрел со

стороны противника стих так же внезапно, как и начался. «Надо передохнуть, — решил я. — За ночь что-нибудь придумаем».

Сзади нас слышалась стрельба. Левее тоже раздавались частые артиллерийские выстрелы. Это 61-я Свердловская танковая бригада во взаимодействии с 29-й мотострелковой Унечской бригадой рвалась на юг к Фридриховке — районному центру Каменец-Подольской области.

Командный пункт бригады расположился в небольшой рощице, примыкавшей вплотную к проселочной дороге. Командир саперного взвода лейтенант Лившиц, оглаживая редкие усики, неторопливо говорит:

— Тут ройте, ребята!

Он чертит прутиком на земле замысловатые фигуры, обозначает будущее укрытие от огня противника. Кто-то вонзил лопату в грунт:

— Экая слякоть, липнет, как смола.

— Рой, а не гляди на нее, как на святую, — по голосу узнаю — говорит командир отделения сержант В. М. Щелкунов, бывший молотобоец. Сквозь редкие деревья вижу, как саперы горячо принялись за работу. Только несколько минут тому назад они извлекли мины, ползали по мокрой земле, а сейчас уже роют убежище.

На командный пункт начали подходить командиры подразделений. Федоров, заляпанный с ног до головы грязью, весело балагурит среди офицеров. Он рассказывает о каком-то забавном случае во время форсирования вброд реки Горынь. Весь смысл я не уловил: мы с начальником штаба Я. М. Барановым наносили на карту обстановку. Потом я узнал, что за свое лихачество комбат Федоров чуть ли не поплатился жизнью. Вслед за М. Г. Акиншиным танк комбата перебрался на противоположный берег. Федоров увидел слева орудие и прямым попаданием вывел его из строя. Немцы начали убегать по полю. Капитан мог их расстрелять из пулемета, однако он приказал механику-водителю старшему сержанту Ф. П. Суркову:

— Дави гадов гусеницами.

Старший сержант под стать комбату: горячий, смелый, волевой. Машина быстро начала удаляться в сторону и вдруг застряла в трясине: ни взад, ни вперед. К недвижимому танку поползли фаустники. Федоров смело вступил в поединок. Огнем из пушки и пулемета он в упор расстреливал приближавшихся фашистских солдат. Тогда немцы на прямую наводку выкатили орудие. Капитан В. А. Федоров его не заметил. Благо, оказавшийся рядом экипаж лейтенанта В. Крюкова поспешил на помощь.

Командиры расселись прямо на влажной земле, раскрыли топокарты. Небритые, с воспаленными от бессонницы глазами, они внимательно слушали меня. Я кратко изложил создавшуюся обстановку и предложил на село Скорики идти обходным путем справа. Риск, конечно, но время не ждет. Офицеры со мной согласились, нанесли на карту маршрут и собрались уходить. В это время ко мне подошел командир санитарного взвода капитан Кириллов. Его трудно было узнать. На нем неуклюже сидел изорванный полушубок, из дыр которого виднелись грязные завитки меха. Он с трудом переставил пудовые сапоги, облепленные густым черноземом.

— Каким ветром?

— Едва вас нашел. Санитарная машина застряла, а майор Гой не дает тягача, нас раненые ждут…

— Мне важнее машины с боеприпасами и продуктами, — перебил Гой. — А он лезет со своей санитаркой.

Я понимал, в каком положении находились экипажи нескольких танков майора Гоя, выделенные для помощи застрявшим в грязи автомашинам. Машины, как правило, застревали через каждые 100—200 метров, а порой оказывались в безнадежном положении. Танкисты были рады всем помочь, но не успевали.

Пришлось майору приказать, чтобы помог медикам.

Командиры расходились в темноте. Был поздний вечер. Подполковник Я. М. Баранов пригласил меня разделить с ним трапезу — банку тушенки. Я наспех поужинал и, забравшись в танк, стал слушать сводку Совинформбюро.

> «Войска 1-го Украинского фронта 4 марта перешли в наступление и, прорвав сильную оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров, за два дня наступательных боев продвинулись вперед от 25 до 50 километров. В результате произведенного прорыва войска фронта овладели городом и крупной железнодорожной станцией Изяслав, городами Шумск, Ямполь, Острополь, районными центрами Каменец-Подольской области Ляховцы, Антонины, Теофиполь, Базалия, а также с боями заняли более 500 других населенных пунктов… и ведут бой на подступах к железнодорожной станции Волочиск».

Ямполь наш. Это была приятная весть, ведь и наша бригада внесла посильный вклад в освобождение этого города.

Пытался уснуть на сиденье, но сон не идет. Думаю о предстоящем бое. Снова вытаскиваю из полевой сумки

топографическую карту, освещаю карманным фонарем. В сторону деревни Медыни, что расположена перед Скориками, ведет полевая дорога. По ней танки пройдут наверняка.

Незаметно наступил рассвет. Я соскакиваю с танка на землю. За ночь земля, схваченная легким морозцем, отвердела.

— Время выступать, — сказал я подполковнику Я. М. Баранову.

Мощный рокот двигателей разнесся по передовой, и тотчас над перелеском просвистели первые снаряды. Где-то южнее от нас захлопали немецкие пушки.

Уклоняясь от боя, наши танки свернули вправо. Немцев это озадачило, и они вскоре прекратили пальбу, а спустя некоторое время начали параллельно с нами отходить на юг: видимо, фашисты поняли, что их окружают.

Утренний туман постепенно таял, и вдали показались отдельные строения. Разведка доложила — впереди Медынь. Старший сержант Соколов и несколько разведчиков подъехали к дому, тихо постучали. Кто-то долго не хотел открывать двери. И лишь когда хозяин услышал русскую речь, загрохотали засовы. Старик со слезами на глазах бросился к разведчикам:

— Ридни наши, сынки, идить швыдче в Медынь, там немцы ой шо творять.

— Значит, немцы там есть? — уточнил Соколов.

— Та ще и богато их там. Полк, як бы и не бильше.

Разведчики скрытно подобрались к деревне, которая вытянулась вдоль небольшой речушки Збруч. Сведения были неутешительными. Деревня опоясана траншеями, на окраине расположились огневые позиции противотанковой артиллерии.

— Атаковать! — приказал я.

Едва наши танки показались на дороге, ведущей в село, как немцы открыли ураганный огонь. Завязался бой за переправу через мелководную болотистую речушку Збруч. Фашисты дрались отчаянно, их снаряды все чаще и чаще ложились в наших боевых порядках. Продвигаться вперед становилось все труднее и труднее.

— Вдоль берега поставить дымовую завесу, — распорядился я.

Саперы во главе с лейтенантом Лившицем выдвинулись к реке. Густой дым застлал землю. Под прикрытием дымовой завесы одним из первых форсировал вброд реку танк младшего лейтенанта Павла Кулешова и сразу же наткнулся на артиллеристов врага.

— Прорвемся, механик-водитель? — обратился младший лейтенант к сержанту Федору Кожанову.

— Вряд ли, — последовал ответ. — Впереди возле домов установлены противотанковые орудия.

Экипаж укрыл танк в овраге. Гвардейцы осмотрелись. Кругом — немецкие укрепления. Фашисты обнаружили машину и открыли по ней огонь. Экипаж оказался в тяжелом положении.

Связываюсь с комбатом. Капитан Федоров докладывает, что рота И. С. Пупкова уже полностью переправилась через речушку и ведет бой за удержание плацдарма.

— Немец вовсю жмет, огонька надо, — просит комбат.

Возле моего танка пробегает командир первого взвода минроты лейтенант Налобин. Подзываю к себе офицера:

— По этому месту дайте огонька! — карандашом обвел участок.

— Есть! — крикнул лейтенант и, обращаясь к солдатам, говорит:

— За мной, вперед!

Сержант Мараховский, придерживая полевую сумку, побежал за лейтенантом. За ним — наводчик Козминых со стволом. Солдаты выскочили на поляну и начали приводить минометы к бою.

Штаб переместился к реке. Нам хорошо видно поле боя. Мины ложатся точно по цели. Немецкая пехота попятилась назад.

Справа бой завязал взвод лейтенанта Василия Лычкова. Он постепенно вгрызался в оборону. Пехота, посаженная десантом, не прекращала огня. Комбат капитан Приходько просит спешить мотострелков.

— Давай.

Цепь покатилась к деревне. Со стороны немцев усилился ружейно-пулеметный огонь. Однако особого вреда он пока не причинял. В бинокль хорошо было видно статную фигуру командира роты старшего лейтенанта Сидорова. Он, увязая в грязи, бежал по полю, взмахом пистолета торопил мотострелков.

— Ура, ура-а! — неслось по цепи.

Дружно ударили наши танкисты. Слева, огибая деревню, показались машины роты М. Г. Акиншина. Они вскоре втянулись в деревню. Постепенно пружина сжималась.

— Мурашов, вперед!

Высунувшись из люка, я внимательно наблюдал за ходом боя. Немцы в панике повыскакивали из траншей и побежали по огородам. Их настигали меткие пулеметные очереди. Танки ворвавшись в Медынь, давили фашистов.

Наш танк рванулся к речушке. Глазам не верю: у берега в овраге стоит санитарная машина. Капитан Кириллов весело машет мне рукой и что-то кричит. Догадываюсь, мол, порядок. На

разостланной плащ-палатке лежат двое раненых, возле которых хлопочет Дора Ефимовна Гриценко и сестра медсанвзвода Антонина Загайнова.

Реку преодолели успешно. Танк движется мимо дзотов, из амбразур которых торчат исковерканные стволы пулеметов, мимо застрявших в грязи немецких пушек, опрокинутых автомашин и брошенных автобусов.

Бой перенесся за деревню. Нам навстречу бегут оборванные старики и старухи, вылезшие из укрытий. На глазах — слезы радости. Женщина, прижимая к груди ребенка, бросает на танк букет подснежников, невесть откуда взятых.

В центре села вокруг колодца сгрудились жители. Мурашов остановил танк. Я соскочил на землю и подошел к людям. И то, что я увидел, потрясло меня. В колодец были сброшены убитые дети, женщины, старики. Я снял фуражку и поник с обнаженной головой.

Подошли начальник политотдела бригады подполковник Богомолов, заместитель по политчасти первого батальона капитан Кочерга, несколько солдат из роты управления. Ко мне подбежала седая женщина и, рыдая, начала просить:

— Там моя Марийка, трехлетняя, спасите!

— И мой сын, Петро, там, — плакала другая.

— Богомолов, оставайтесь, вот вам солдаты…

Я вскочил на танк. Вокруг рвались снаряды. Немцы предприняли отчаянную попытку отбросить нас назад. Черные столбы дыма заслонили горизонт: загорелись хаты. Командир третьего батальона докладывал:

— Полный порядок, товарищ подполковник, мои танки подходят к Скорикам.

— Как так?

— А мы немцам котел думаем устроить!

Оказывается, танки третьего батальона перерезали немцам дорогу на Скорики и внезапно ударили с тыла. Фашистские солдаты, утопая по колено в грязи, начали отходить на запад.

Батальон Федорова я догнал вечером. Танки рассредоточились вдоль дороги. Направляюсь к одной из машин.

Командир танков Герой Советского Союза гвардии лейтенант П. П. Кулешов (1944 г.).

— Комбриг идет, — крикнул кто-то.

Солдаты повскакивали с мест, одергивая замасленные комбинезоны. Навстречу мне шагнул офицер, привычно вскинув руку к шлемофону.

— Товарищ подполковник, — начал было он.

— Здравствуйте, товарищ Кулешов, хорошо дрались твои орлы, спасибо, — и я крепко пожал руку младшему лейтенанту.

Экипаж Кулешова я застал за ужином. На гусенице танка были расставлены вскрытые банки консервов, куски хлеба.

— Просим к столу, — приглашают меня солдаты.

Младший лейтенант протянул ложку. Я поблагодарил танкистов за угощение, похвалил за храбрость в бою. Уставшие лица засветились радостью. Но когда рассказал о зверствах фашистов в деревне Медынь, солдаты помрачнели.

— Надо мстить за детей, — нарушил я молчание, — не давать фашистам передышки. Нас ждут в оккупированных селах.

— Мы бы неплохой подъем немцам устроили на рассвете, да беда — боеприпасы на исходе, горючее кончается, — задумчиво проговорил младший лейтенант. — Механик доложил — топлива хватит на семь-десять километров.

После трехдневных тяжелых боев у нас иссякли боеприпасы, горючее. Комкор обещал по воздуху подбросить горючее. Но солдаты бригады безнадежно посматривают на затянутое тучами небо. Надо было что-то предпринимать. У гитлеровцев тоже

плохо с горючим. Их завязшие в грязи тяжелые грузовики, штабные автобусы, гусеничные тягачи безмолвно стояли на раскисших дорогах с опустошенными баками.

Я распорядился вызвать на командный пункт заместителя по тылу майора В. И. Хохлова и начальника горюче-смазочных материалов капитана С. А. Егояна, а сам поспешил к другим танкистам. Хотелось поговорить с офицерами, солдатами, узнать подробнее о тех, кто отличился, услышать, что говорят и думают челябинцы о проведенном бое.

Натыкаюсь на танк, замаскированный в кустарнике. Солдаты весело переговариваются. По голосу узнаю старшего лейтенанта М. Г. Акиншина. Заметив меня, он соскочил с брони.

— Что тут у вас?

— Полный порядок, товарищ подполковник, — отвечает командир роты. — Горючего только нет. И снаряды в роте можно по пальцам сосчитать. Минометчикам повезло: немцы убежали, оставили свои мины. Они к нашим 82-миллиметровым что надо подходят.

В лощинке, окаймленной кустарником, расположилась рота старшего лейтенанта Сунцова. Минометчики ловко орудовали вокруг раскрытых ящиков. Они удаляли с корпусов мин грязь, смазку, сортировали их по весовым знакам. Сунцов не скрывал своей радости:

— Утром немцам зададим жару их минами. Пусть нюхают, чем пахнут.

— Надеюсь на вас, не подкачайте.

Когда я встретился с Федоровым, уже потемнело, Плотный туман густой пеленой оседлал лощины, легкий морозец схватил землю. Он подходит то к одному, то к другому командиру танка, участливо спрашивает:

— Задачу уразумел? Вот и хорошо.

В темноте возвращаемся на командный пункт. Повстречался замполит подполковник А. А. Денисов. Его окружили танкисты. Политработник инструктировал агитаторов и редакторов «боевых листков».

У командного пункта какая-то возня вокруг машины.

— В чем дело?

— Боеприпасы подвезли, — докладывает мне начальник штаба. — Пока что одна машина сумела пробраться.

Командир взвода подвоза лейтенант Аверкин рассказал, с каким трудом удалось преодолеть последние километры. Я стал благодарить его, он смущенно заметил:

— Водителя надо хвалить, рядового Чижова.

— После боя к награде его представить, к ордену Красной

Звезды.

В полночь мне удалось встретиться с майором В. И. Хохловым и капитаном С. А. Егояном. Обессиленные, измученные, они ввалились в наспех оборудованный командный пункт и тут же устало повалились на кучу хвороста. Но весть они принесли радостную: в бригаду пришли еще четыре машины. Одна с боеприпасами, три — с горючим.

Сон как рукой сняло. Пришлось заняться распределением прибывшего груза. В подразделениях ликовали. И я, не скрывая своей радости, крепко обнял уставшего Егояна. В боях на Украине в пору распутицы, в последующих боях Сиракан Арамович не раз выручал бригаду, и мы ему многим обязаны.

Пожалуй, я в ту ночь глаз так и не сомкнул. На рассвете танки снялись с места. Туман постепенно рассеивался. Мы полагали, что село Скорики удастся взять с ходу, так как поначалу гитлеровцы не приняли боя: после первых орудийных выстрелов небольшой заслон был смят. Однако при подходе к селу передовые подразделения бригады были встречены сильным артиллерийско-минометным огнем. Фашисты пытались внезапным ударом остановить нас и даже перешли в контратаку. Оказалось, это были смертники и штрафники, осужденные за сдачу Киева. В этот район они были спешно выдвинуты из города Подволочиска. Фашисты предприняли отчаянную попытку вклиниться в наши боевые порядки. Их атакующие цепи с флангов били по челябинцам, а фаустники намеревались поближе подползти к танкам и уничтожить их.

Бой длился два-три часа, но был жестоким. Минометная рота старшего лейтенанта Сунцова поставила заградительный огонь перед контратакующей цепью. По просьбе капитана Маслова приданная артиллерия ударила по скоплению пехоты на левом фланге. Контратакующих встретил дружный огонь наших стрелков и танкистов. Гитлеровцы залегли. Тогда Сунцов, находясь на одном из танков, внес коррективы в исходные данные и беглым огнем точно накрыл фашистскую пехоту.

Немцы дрогнули. Раздалось дружное «ура». Танки ворвались в село. Задерживаться некогда. Наша задача — овладеть селом Старомищизна, что рядом с Подволочиском. Наступаем строго на юг. Юго-западнее деревни расположился командный пункт правого соседа — стрелковой дивизии. По неширокой полевой дороге направляюсь туда. Погода разгулялась, из-за туч глянуло яркое солнце. Фашистский самолет-разведчик «рама» парил в воздухе. Пока что нас не беспокоила вражеская авиация: погода мешала. По дороге в сторону Старомищизны ушли наши танки. За ними — стрелки соседней дивизии. Вид у пехотинцев был не

совсем бравый. От тяжелого перехода в распутицу, от липкого чернозема у многих солдат развалились ботинки и сапоги. Видны следы грязи на шинелях, шапках. Кое-кто пристроился на попутных грузовиках, а некоторые — на трофейных лошадях.

Едва я приехал на командный пункт командира взаимодействующей дивизии, как в небе появилось несколько групп фашистских самолетов. Лейтенант Ясиновский насчитал десятка три. В течение часа они сбрасывали свой смертоносный груз. Пострадала пехота наших соседей. Возвращаясь назад, я увидел у обочины дороги изрешеченную осколками санитарную машину нашей бригады. Спрашиваю у шофера, где капитан Кириллов.

— Взвод оказывает раненым помощь, — отвечает солдат.

Возле раненого хлопочет Антонина Загайнова. Слышу, как она успокаивает солдата:

— Все обойдется, потерпи, милок. Вот забинтую и станет легче.

Пехотинец зло ругается, а потом просит прощения:

— Сестричка, вырвалось. Ох, как больно.

— Которого перевязываю, со счета сбилась. — Антонина рукой отбрасывает со лба волосы, и на ее бледном лице проступает легкий румянец. — Наши все целы, — скороговоркой выпаливает она и приступает снова к перевязке.

Антонина Сергеевна Загайнова — новичок в нашей бригаде. До этого она служила в Унечской мотострелковой бригаде. В боях на Орловской земле девушка спасла жизнь многим и многим солдатам и офицерам, подогнем врага ни разу не дрогнула. Героизм девушки высоко оценила Родина: она награждена двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

Позже я узнал, что во время этой страшной бомбардировки Антонина Загайнова одной из первых бросилась на помощь раненым. За ней Дора Ефимовна Гриценко, Маша Бахрак, Лида Петухова. В санвзводе в то время находился и сын бригады Толя Якишев. Он не отставал от девушек: подносил бинты, помогал раненым уйти в укрытие, а иным даже делал перевязки.

Спешу в бригаду. На броне танка примостился и Толя. По сторонам дороги разбитые машины, раздавленные трупы гитлеровцев, брошенные ящики с боеприпасами, оставленные длинноствольные дальнобойные орудия.

Возле застрявшей в болоте машины — группа людей. Узнаю подполковника М. А. Богомолова: он в своем неизменном черном полушубке. Михаил Александрович, завидев меня, подымает руку.

— Танки бригады уже в селе Старомищизна, — доложил он

мне.

На броню танка усаживаю Богомолова, бригадного врача майора Агамалиева и старшину второго батальона Девисенко. Он прихватил пару мешков с продуктами: солдаты нуждались в питании.

— Мурашов, жми, — приказываю механику-водителю.

Под руководством наших саперов местное население расчищало дорогу, растаскивало подбитую технику, в оврагах настилало переправы из бревен и камня.

Небольшой подъем. Танк, натужно урча, медленно ползет вверх по колее, проделанной немецким «тигром». Переваливаем подъем, и как на ладони виднеется село. Справа — два наших подбитых танка, навстречу идет группа немецких военнопленных. Они в оборванных шинелях, на голове поверх пилоток повязаны платки. Немцы уступают нам дорогу, приветливо кивают головами. Лейтенант Ясиновский, высунувшись из люка, громко крикнул:

— Книзу головы, гады!

На неровностях бросает машину. Я стою правее люка заряжающего, придерживаюсь левой рукой за поручень башни, и внимательно просматриваю окраину деревни, где идет жаркий бой. Взрыв необычной силы потряс воздух, и пока я сообразил, в чем дело, как оказался в луже. На несколько метров в сторону отбросило начальника политотдела Богомолова и других товарищей. Вздыбленный танк с порванными гусеницами остановился. Я торопливо поднялся и бросился к машине. О броню танка ударили пули. Засевшие на чердаках фашисты открыли по нам огонь. Я пополз в кювет и тут только почувствовал резкую боль в левой руке. Взглянув на окровавленную руку, большой палец болтался на шкурке. Майор Агамалиев мне оказал первую помощь.

Пытались подобраться к подбитой машине, но не смогли: мешал огонь фашистских снайперов и пулеметчиков. Ко мне подполз Толя Якишев.

— Разрешите мне.

— Нельзя!

Спустя две-три минуты из танка вылез лейтенант Ясиновский и сообщил печальную весть: убиты механик-водитель сержант Мурашов и стрелок-радист, фамилию которого я, к сожалению, забыл.

По небольшому оврагу скрытно пробрались к деревне. Командир роты старший лейтенант Любивец коротко доложил обстановку. По его рации я связался с командирами батальонов, которые находились в боевых порядках своих подразделений.

— Подходим к Подволочиску, — радировал капитан Маслов.

В это время во Фридриховке, районном центре Каменец-Подольской области, вели ожесточенные бои Свердловская и Унечская бригады.

Ночью совместными усилиями частей корпуса была взята станция Волочиск. А на утро разгорелись жаркие бои за крупную железнодорожную станцию Подволочиск Тернопольской области. Наши танки таранили груженые эшелоны, готовые к отправке в Германию, давили метавшихся в панике фашистов. Загорелись станционные постройки. Дым, гарь…

Неожиданно на перроне появились люди. Оборванные, грязные, худые, они выскакивали из вагонов и приветливо махали нам руками. Этим людям грозила участь быть угнанными в Германию.

На борт танка на ходу взобрался паренек лет восемнадцати. В руках у него — немецкая винтовка. Хлопец кричит мне на ухо:

— Товарищ командир, разрешите с вами.

— Давай!

Люди подбирали оружие и с необычной ненавистью сражались с фашистами.

К вечеру немцы предприняли мощную контратаку. При поддержке танков фашисты начали теснить подразделения нашей бригады. Им не хотелось примириться с мыслью, что Подволочиск уже в наших руках. Этот обширный край прорезала единственная железная дорога, по которой они могли подбрасывать подкрепления, увозить награбленное добро. И вот мы оседлали эту дорогу. На угрожающее направление я быстро выдвинул приданную самоходно-артиллерийскую батарею капитана Дружинина, минометный взвод лейтенанта Ильченко и несколько танков третьего батальона.

Бой длился до глубокой ночи. Контратаки фашистов не имели успеха. Превосходящим силам противника был поставлен прочный заслон. Ни на шаг не отступили гвардейцы. К полуночи стрельба заметно стихла. Штаб обосновался в небольшом домике. Сюда собрались командиры батальонов и их заместители. Глаза всех светились радостью. Бригада за эти дни прошла с упорными боями свыше ста километров и освободила несколько населенных пунктов.

Офицеры делились впечатлениями. Майор Курманалин, энергично жестикулируя, рассказывал, как мотострелки батальона, в котором он служил заместителем командира по политчасти, отражали сегодня контратаку:

— На позицию пулеметного взвода коммуниста старшего сержанта Касымова ринулось до сотни гитлеровцев. Эх, и здорово

их встретили пулеметчики. А потом кончились боеприпасы. Касымов начал кидать в гитлеровцев гранаты. Солдаты в ход пустили приклады. Отважно дрались гвардейцы. Не дрогнули.

С рассветом возобновился бой. Немцы подтянули свежие силы. Около десятка «юнкерсов» в течение получаса бомбили наш передний край. Появились «тигры». Со стороны Тернополя подошел бронепоезд.

«Тридцатьчетверки», маневрируя между домами, неожиданно били по бортам «тигров», меткими очередями расстреливали гитлеровцев, рвавшихся к станции Подволочиск. В короткой артиллерийской дуэли добровольцы разбили бронепоезд, а танкисты бригады сумели расстроить боевые порядки контратакующих.

Сражение длилось несколько дней. Уральцы-добровольцы выдержали натиск врага до подхода основных сил 4-й танковой армии.

В ОГНЕВОМ КОЛЬЦЕ

13 марта день выдался солнечным, погожим. Снег окончательно растаял, превратившись в непролазные лужи. К штабному домику прилегал небольшой сад, от которого по существу осталось лишь название. Уцелело совсем немного деревьев, безжалостно иссеченных осколками и пулями. Всюду глубокие следы гусениц немецких танков. Стреляные гильзы.

Легкий ветерок колышет почерневшие ветки яблони. Мы только что схоронили под троекратный винтовочный залп павших в боях наших товарищей. Щемит сердце, горечь утраты болью отозвалась в душе. Спите, друзья, мы отомстим за вас. Ваши имена мы будем помнить в длительных походах, жарких атаках, жестоких боях.

Из раздумья выводит голос подполковника Я. М. Баранова:

— К нам жалуют гости.

— Кто это?

— Новый командарм генерал-лейтенант Лелюшенко. Только что позвонили из штаба корпуса.

Не успел привести себя в порядок, как у штабного домика остановилось несколько «виллисов». Из первого вышел генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко. Его только что назначили вместо генерала В. М. Баданова. Мы до сих пор лично не были знакомы, но о Лелюшенко я уже много слышал. Знал, что в суровую зиму 1941-го соединение под его командованием грудью стояло за столицу, а потом гнало немцев на запад. Имя генерала часто мелькало в сводках Совинформбюро и в приказах Главнокомандующего.

— Это и есть Фомичев, — пожимая мне руку, говорит генерал. — Воюешь-то ты неплохо, а чем людей кормишь?

Мы подошли к группе танкистов. На разостланной плащ-накидке гора консервных банок: мясные, овощные, ягодные. Бутылки со шнапсом, куча нарезанного хлеба.

Челябинцы повскакивали со своих мест.

— Видно, неплохо питаются люди, — глядя на плащ-накидку, заметил генерал.

— Не жалуемся, — ответил рыжеусый солдат.

— Это наш новый командарм, — сообщил я воинам.

— Вот и хорошо. За ваше здоровье и новое назначение, товарищ командующий, — и рыжеусый танкист протянул генералу солдатскую кружку.

— Разве что так, — улыбнулся Дмитрий Данилович.

Только сейчас среди прибывших я увидел генерала

Е. Е. Белова, заместителя командующего армией, и поспешил с ним поздороваться.

— Ваш новый комкор, — уведомил нас Д. Д. Лелюшенко. — Прошу, как говорят, любить и жаловать. Евтихий Емельянович Белов.

Я знал о новом комкоре много. Сын батрака из села Чуровичей, что на Брянщине, в первые годы после Октябрьской революции с оружием в руках отстаивал Советскую власть, затем — красный командир — взводный, ротный, батальонный, командир полка, дивизии. Е. Е. Белов — участник боев на Северном Донце и у стен Сталинграда, на Курской дуге и Украине…

— Хорошо солдат кормишь, Фомичев. А теперь получай новую задачу.

— Слушаю вас, товарищ командующий.

Командарм кратко изложил задачу. Нашей бригаде приказано спешно выдвинуться по шоссе на запад к селу Романувка, что раскинулось в восемнадцати километрах восточнее Тернополя, и прикрыть сосредоточение частей корпуса.

Я внимательно слушал генерала, а когда командующий умолк, спросил:

— А как с горючим? У нас полупустые баки. Нет и боеприпасов.

— Ну, вот начал, — шутливо заметил командарм. — Хорошо, дам горючее и боеприпасы. По воздуху перебросим.

Командир 10-го гвардейского Уральско-Львовского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова добровольческого танкового корпуса гвардии генерал-лейтенант Е. Е. Белов.

Действительно, едва от нас уехали гости, в небе застрекотали «У-2». Потом появились транспортные самолеты. Они сбросили на парашютах необходимые нам грузы. Челябинцы вскрывали бочки с горючим, ящики с боеприпасами. Запахло бензином, соляркой.

На сборы — час. Танки, на которых громоздились тюки с продовольствием, ящики со снарядами, вытянулись вдоль дороги. У нас их осталось немного — девятнадцать «тридцатьчетверок». Некуда сажать пехоту. Как быть?

— Мы уже об этом подумали, — сказал комбат автоматчиков капитан Приходько. — Стрелки поедут на трофейных лошадях.

Широкое шоссе лентой убегало на запад. То там, то здесь по обочинам дороги чернели подбитые еще в 1941 году наши танки. Много техники оставлено и гитлеровцами. «Тигры» глухо замерли с пустыми баками. На одном из них кто-то начертил мелом стрелу, указывающую на запад, и написал: «Вперед, на Берлин!!!»

Привал. У подбитого танка «Т-26» собралась группа солдат.

Зияет рваная дыра: след фашистского снаряда. Рядом — небольшая могилка, поросшая прошлогодней травой, стоптанной фашистскими сапогами, венок увядших цветов. Танкисты молча разошлись.

Село Романувка расположено в лощине, южнее его протекает небольшая речушка. Юго-восточнее и юго-западнее виднеются лесные массивы.

Командный пункт обосновался в подвале на восточной окраине деревни. Саперы и разведчики установили железную печку в подвале, соорудили из досок нары, оборудовали место для Красного знамени. Комфорт, ничего не скажешь.

Мы заняли оборону на западной и южной окраинах села. Вдоль шоссе расположились огневые позиции батареи 76-миллиметровых орудий. Возле церкви — минометчики роты старшего лейтенанта Сунцова. У штаба мы оставили танк старшего лейтенанта М. Г. Акиншина.

Вечерело. Я по рации доложил комкору о том, что бригада заняла оборону в указанном районе. Генерал Е. Е. Белов поинтересовался обстановкой и пообещал подбросить нам еще подкрепление.

Село Романувка только-только было освобождено, и части ушли на Тернополь. Сплошного фронта не было, и в любой час могли нагрянуть гитлеровцы. Местное население нас предупредило: вчера в деревню пришла большая группа немцев. Фашисты захватили санитарную машину, несколько наших раненых и снова ушли в лес. Я хотел было спуститься в подвал, как меня окликнул Акиншин:

— Товарищ подполковник, в сторону села направляется группа каких-то солдат. Неужто наши разведчики? — неопределенно говорил он, пристально всматриваясь вперед.

Я вскочил на броню танка и взглянул в бинокль. Солдаты, перекинув через плечи оружие, медленно брели по пахоте. Присмотрелся получше. Ну, конечно, немцы. Разведка или просто метавшиеся в панике, оторванные от подразделений гитлеровцы?

Приказываю старшему лейтенанту открыть огонь. Акиншин наводит орудие в цель. Выстрел! Снаряд точно ложится в гущу фашистов. Некоторые из них тут же замертво упали. Еще выстрел. Глаз у Акиншина натренирован, и второй снаряд разорвался в районе цели. Оставшиеся в живых гитлеровцы поползли назад и через минут пять-шесть скрылись в лесу.

Я спустился в подвал. Потрескивали дрова в железной печурке. По-домашнему было уютно. Старший сержант А. А. Соколов уступил мне место.

— Лежите, я как-нибудь пристроюсь.

Тут же рядом на нарах спали разведчики. От усталости и мне хотелось спать.

Вошел старший сержант А. В. Худяков, помощник командира взвода связи бригады. На нем неуклюже сидела помятая забрызганная грязью шинель, а на ремне болтался длинный парабеллум, снятый с убитого немецкого офицера.

— Товарищ подполковник, связь установлена со всеми подразделениями, — четко доложил он.

В углу телефонистка Аня Котлярова крутила ручку телефона, проверяя с кем-то связь.

— Котлярова, как слышимость?

— В норме, товарищ комбриг.

С Александром Васильевичем Худяковым мы познакомились во время завершающих боев на Курской дуге. Я возвращался из штаба корпуса в бригаду. «Виллис» бодро бежал по накатанной дороге. Вдруг из леса вышел солдат и поднял руку. Шофер рядовой В. Дорошевский остановил машину.

Сержант, взглянув на мои погоны, деловито ощупал ремень — ладно ли лежит, одернул гимнастерку.

— Мне в бригаду Фомичева, подскажите, как попасть.

— Я — Фомичев, слушаю вас.

Сержант удивленно вскинул брови, замялся:

— Не узнал вас, товарищ подполковник. Худяков я, помощник командира взвода связи.

— Садитесь в машину, подвезу.

Разговорились. Александру Васильевичу уже было за сорок. До прихода в нашу бригаду коммунист Худяков работал заместителем начальника электросилового цеха на Челябинском мелькомбинате. Встал в ряды добровольцев. Накануне боев на Курской дуге его послали в село Калиновку за имуществом связи. Прошедшие дожди размыли дороги, и он к нам возвращался с опозданием. Помню, как Худяков сокрушался, что не принял участия в бою.

— Впереди еще не один бой, — успокаивал я его.

И вот сейчас он стоит передо мною: испачканный, усталый, голодный. Уже не раз отличился. Иногда я даже удивлялся, когда он успевал со своими подчиненными налаживать связь.

Я придвинул старшему сержанту котелок с кашей, пригласил перекусить. В это время в подвал влетел старший лейтенант Акиншин.

— Со стороны леса показалась масса немцев, — крикнул он, — прут в сторону деревни, прямо на нас.

Зеленые фигуры гитлеровцев, рассыпавшись в цепь, несмело передвигались по полю. Наблюдая за гитлеровцами, которые

находились от нас примерно в двух километрах, я пытался понять их замысел. Но как бы там ни было, надо приготовиться к бою. Связываюсь по телефону с комбатом капитаном Приходько:

— Видите немцев?

— Еще бы. Мы тут их ждем. Благо, рядом и танкисты капитана Маслова, — ответил комбат.

— Пока огонь не открывать.

Командир танкового батальона гвардии капитан А. А. Маслов.

Акиншин, держась рукой за скобу открытого люка, неотрывно смотрит за поведением гитлеровцев. Мне тоже хорошо видны немецкие солдаты. Их трудно сосчитать. Мне поначалу доложили — не менее тысячи человек. Вроде бы и так. Чувствую, жарковато нам придется.

Гитлеровцы осмелели и начали осторожно продвигаться вперед. Их цепи все ближе и ближе. Кажется, пора. По телефону отдал распоряжение танкистам Маслова:

— Огонь!

Дружно ударили орудия. Оставляя огненные трассы, в сторону врага полетели снаряды. Фонтанчики разрывов лихо заплясали в боевых порядках фашистов: огонь открыли наши минометчики. Некоторые гитлеровцы начали пятиться назад, а затем ринулись вправо, в обход деревни, пытаясь быстрее пробиться к шоссе.

Связываюсь по рации с капитаном В. А. Федоровым, приказываю ударить по фашистам. Развернули свои орудия влево и батарейцы старшего лейтенанта Шабашова. Огонь достиг наивысшей плотности.

Левый фланг наступающей пехоты упорно рвался вперед. Атакующие открыли сильный ружейно-пулеметный огонь, и в какой-то момент казалось, что им удастся ворваться в село. Челябинцы с двух сторон били по гитлеровцам. Попав в огневой мешок, немцы дрогнули и залегли, но вскоре начали отходить назад, в лес.

Трудно было уловить намерения врага. И лишь некоторое время спустя стало понятно: фашисты начали переходить в юго-восточный лесной массив. Они ползли с взгорбленными ранцами по плужной борозде. Не отстреливались. Сейчас бы пустить танки и давить, давить их. Но «тридцатьчетверки» не пройдут: речушка болотистая, поле раскисшее и ровное — фаустники опасны. Наверняка и на опушке леса расположились противотанковые орудия, и с близкого расстояния они подожгут наши танки. Нет, рисковать нельзя.

Подзываю лейтенанта Ясиновского:

— Бегом к минометчикам. Пусть дадут огонь по врагу.

Офицер мигом устремляется в роту старшего лейтенанта Сунцова. Бьют минометчики. Однако с небольшими потерями враг прорывается в лес. Конечно, будь у нас две-три артиллерийские батареи или побольше минометов, мы сумели бы всех фашистов похоронить на поле.

Наступили густые сумерки. Левофланговую роту старшего лейтенанта Сидорова срочно перебросили несколько левее, придали ей четыре танка из первого батальона майора Гоя.

Перегруппировка сил и огневых средств заняла немного времени. Мы были уверены: если немцы попытаются нас атаковать, сумеем удержать занимаемый рубеж. Люди настроены по-боевому. Они готовы сражаться до последнего патрона.

Немцы, сосредоточившись в лесу, не подавали признаков жизни. Перестрелка прекратилась. Командиры, получив задачу, разошлись по подразделениям, а я спустился в подвал. У печки вокруг старшего сержанта Александра Соколова расселись разведчики. Они о чем-то оживленно говорили.

— Надо разведать лес, — сказал я Соколову, — установить расположение огневых точек противника, выявить его силы.

Помощник командира взвода разведки поднялся и четко ответил:

— Приказ будет выполнен, товарищ комбриг.

Саша Соколов — лихой и бесстрашный разведчик. Кажется, он для разведки и рожден, хотя у него была сугубо мирная профессия — Соколов окончил студию при Челябинском драматическом театре имени Цвиллинга, был актером. В начале войны добровольно ушел на фронт. Ходил в тыл немцев под Сталинградом. После ранения приехал в родной Челябинск. Узнав о формировании бригады, попросился в обкоме ВЛКСМ, чтобы его в нее зачислили.

Соколов не спеша надел шинель. Она покрыта грязными пятнами, во многих местах просечена пулями и осколками. Неторопливо одеваются разведчики сержант Пономаренко, рядовой Волков. В подвал вошел лейтенант Анатолий Дмитрюк, командир взвода разведчиков. Он с группой солдат выполнял другое задание.

— Разрешите и мне идти в разведку, — просится лейтенант.

Ночь, темно. Разведчики разделились на две группы. Время тянется медленно. Уже далеко за полночь. Сквозь сон слышу приглушенные разговоры: возвратились разведчики. Они привели пленного. Он грязный, оборванный, поверх пилотки повязан шерстяной шарф. От страха лепечет уже знакомые слова: «Гитлер капут». Пленный сообщил, что он из 168-го пехотного полка 68-й гренадерской пехотной дивизии. Часть потеряла связь со штабом дивизии и пошла было к Тернополю. Там ее огнем встретили советские воины. Фашисты заметались, откатились на восток. Расположились в лесу. Разведка накануне побывала в Романувке и доложила, что в селе советских солдат нет. И вот попали вновь под сильный огонь русских.

Пленного увели. Соколов рассказал:

— Нашли брод. Ступили в ледяную воду. Незаметно подошли к лесу. Прислушались. Немцы тихо галдят, ужинают. А где же

огневые точки? Отползли назад и открыли огонь. С опушки в ответ застрочил пулемет. Засекли. Отошли влево, и еще один пулемет себя обозначил. Всполошились фашисты. Ударили их минометы.

Старший сержант показывает места расположения огневых точек на карте.

— А потом слышу — справа от нас хрустит замерзшая корка земли. Пригляделся, а там маячит фигура человека. Прыжок, второй. Вижу, немец. Свалили его и айда с ним.

Некоторое время разведчик молчит, протягивая озябшие руки к огню. На ладонях — кровяные ссадины.

— Каска спасла, а то бы от разорвавшейся мины не собрать бы черепки… — задумчиво произносит Соколов. — Было бы худо, с бригадой не хочется расставаться.

Лейтенант Дмитрюк дополняет:

— Слышу, стрельба. К чему, думаю? Потом догадался. Это Соколов манит гитлеровцев. Они подняли пальбу, а нам это на руку: все огневые точки засекли. — Командир взвода говорит негромко, чуть прищурив глаза. — У брода встречаемся. Еще издалека слышу, как кто-то сопит. Гляжу: ведут фрица, всунув ему в рот кляп. Он послушно топает с разведчиками.

— Пора отдыхать, разведчики. И ни слова.

Прошу Аню Котлярову вызвать к телефону капитана Приходько. Комбат немногословен: пока что немцы не тревожат. Приказываю быть начеку.

— К утру, наверное, что-то они придумают.

И не ошибся. Едва наступил рассвет, как из леса послышалась трескотня пулеметов. Словно градом мины осыпали деревню. Невероятная пальба подняла на ноги всех штабистов, дремавших в подвале.

Атакующие цепи немцев выкатились из леса. В упор ударили наши орудия. Скрываясь в туманной дымке, фашистские солдаты начали переходить реку вброд. Грохот боя нарастал и справа: фашисты атаковали нас с двух направлений. Обстановка создалась крайне неприятная: в живой силе немцы превосходили нас в 7—8 раз.

Спешу в батальон автоматчиков. За мной неотступно бежит ординарец Марк Собко. Над нашими головами свистят пули, рвутся по сторонам мины. Взрывная волна отбросила меня в канаву. Шлепнулся в грязь. Ползу по канаве: так безопаснее. Подзываю рукой старшего лейтенанта Сунцова.

— Дайте беглый огонь по правому берегу реки. Только поживее.

Гитлеровцы подошли уже совсем близко к нашим окопам. В

отдельных местах завязалась рукопашная схватка. На рядового Мелкозерова напала группа немцев. Они выбили из его рук автомат и пытались пленить. Гвардеец не растерялся. Он вынул нож, каким были вооружены все челябинцы, и всадил его в подбежавшего фашиста. Затем убил второго, схватил автомат. Вражеские солдаты рассыпались и начали убегать. Мелкозеров догнал одного из них и ударом автомата по голове свалил гитлеровца и пленил.

На левом фланге майор Курманалин, заместитель командира по политчасти батальона автоматчиков, рискуя жизнью, умело руководил боем горстки солдат, из автомата убил многих фашистов.

На пути мне встретился капитан Приходько:

— Подымайте людей в атаку!

Командир батальона поднял руку с автоматом:

— За Родину! Вперед!

За командиром побежали коммунист Курманалин, комсорг батальона сержант Доломан.

— Ура! Ура!

Стрелки рванулись с места и прижали гитлеровцев к реке. Перемешались боевые порядки. Начались рукопашные схватки. Пьяные гитлеровцы с люлюканьем бросались навстречу челябинцам. С левого берега непрерывно били тяжелые пулеметы. Редели ряды бойцов бригады.

Спасаюсь от огня за дом, в котором, оказывается, разместился медпункт первого батальона. Врач Печерский хлопочет возле окровавленного солдата.

— Много раненых?

— Около сорока человек эвакуировали в бригадный медпункт.

К дому подползают санинструктор Тоня Зубкова и минометчик рядовой Молчанов. Они волокут носилки, на которых лежит раненый. Он зло ругается, просит пить.

Антонина Филипповна его уговаривает:

— Потерпи еще, милый, сейчас напою.

— Кто это?

— Рядовой Семенов из первого батальона. Ранен в грудь и в обе ноги.

Носилки с раненым внесли в хату, бережно опустили на солому. Лицо Семенова было бледным. Видно, солдат потерял много крови. Узнав меня, он заметно улыбнулся, тихо сказал:

— Товарищ комбриг, а все-таки мы их отогнали. Я троих отправил на тот свет, а четвертого не успел: полоснул он по мне из автомата. Ну, ничего, маленько подлечусь и назад в бригаду.

Мы молча слушаем его и восхищаемся силой духа советского солдата, его готовностью до последней капли крови, до последнего дыхания сражаться за любимую Родину.

Наши мотострелки, достигнув поймы реки, вынуждены были залечь: плотный огонь не давал и головы поднять. И тут я узнал неприятную весть. Увлекшись боем, начальник штаба батальона старший лейтенант Покрищук вырвался вперед. Его окружили гитлеровцы, свалили и пленили. Наши солдаты пытались освободить старшего лейтенанта, но не смогли: слишком силы были неравными.

— Видите, вдоль шоссе отходит группа немцев. С ними там и мой начальник штаба, — говорит капитан Приходько.

Я взглянул в бинокль. Фашисты, обступив плотным кольцом нашего офицера, торопливо удалялись на юго-восток. Что же предпринять? Подзываю командира роты старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева:

— Обстреляйте вон ту группу немцев. Там наш человек.

— Ясно.

Резко ударило орудие, и снаряд разорвался у цели. Еще несколько выстрелов. Немцы рассыпались по полю. Одни побежали к реке, а три человека спрятались под мостом на шоссе. Танкисты уложили еще несколько гитлеровцев.

К обеду стих бой. Вдруг на шоссе показался человек. Он машет руками. Оказывается, это Покрищук. Во время обстрела нашими танкистами он сумел убить двух немцев и убежать.

К вечеру 14 марта бой вновь вспыхнул. Я позвонил в штаб танкистов первого батальона.

— Капитан Федоров слушает вас.

— Сосредоточьте огонь по левому флангу. Не давайте гитлеровцам выйти из леса.

Я решил взобраться на крышу дома, откуда лучше будет руководить боем. Направляюсь к входу. Меня окликает лейтенант Ясиновский.

— К вам корреспондент.

Передо мной стоит невысокого роста смуглый паренек, держа за уздцы лошадь. Конь испуганно фыркает, опасливо косится по сторонам, всякий раз вздрагивает от разрывов мин и снарядов. Я узнал специального корреспондента «Челябинского рабочего», которого несколько раз видел на совещаниях в штабе корпуса. Михаил Львов сует мне сопроводительную бумажку.

— Зачем же в самое пекло? Такое путешествие очень рискованно.

Михаил Львов вместе со мной поднимается на крышу дома, пристально оглядывает поле боя. Потом просится к танкистам:

— Хочу людей видеть непосредственно в бою.

Я отговариваю. Львов, натянув на голову шапку, спустился вниз.

— Раненых несут, я к ним. А к вам еще вернусь.

Мне видно, как поэт наклонился над раненым, оттеснил санинструктора Тамару Костину и понес с солдатом носилки. А спустя минут пятнадцать-двадцать спецкор с автоматом в руках уже сидел на броне танка старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева.

Поэт М. Львов читает свои стихи разведчикам. Слева направо: А. Соколов, Г. Толкачев, В. Тимофеев.

К вечеру, когда ослабли атаки немцев, Михаил Львов зашел в штаб.

— Больно ты храбр, корреспондент. Зачем на передовую убежал?

Львов с любопытством смотрит на меня:

— Вы же не возражали. — Он присел возле разведчиков, о чем-то толкуя. До меня доносятся отрывки разговора. Соколов, улыбаясь, говорит:

— Ходим к немцам, для нас это привычное дело. Приволокли «языка». Что же тут героического?

Спецкор тянется к блокноту. Соколов с трудом стягивает раскисший сапог:

— Вы уж простите, посушиться надо.

У штабного домика собралась группа солдат и сержантов. Возле вырытой могилы на плащ-накидках лежат четыре обгорелых трупа. Бойцы, обнажив головы, застыли в тягостном молчании. Подполковник Богомолов со скорбью в душе говорил о погибших танкистах.

Всхлипнул капитан Чирков, подался вперед:

— Товарищи, я не могу сейчас говорить. Я потерял лучшего друга, Яхнина, с которым вместе учился в Магнитогорске. Он сегодня всю ночь не спал, волновался за нас всех и привез нам боеприпасы. Поспешил нам на помощь и погиб.

Капитан повернулся к танкистам и крикнул:

— Смерть немецким захватчикам! Огонь!

Танк Акиншина послал в сторону леса один за другим три снаряда. Всполохи озарили вечерние сумерки. Снаряды точно легли в расположении немцев.

Когда стемнело, мы вынуждены были все имеющиеся в наличии резервы выдвинуть к реке Гнезне. За счет роты управления пополнили подразделения батальона автоматчиков, на наиболее угрожаемых участках поставили танки первого и третьего батальонов.

— А если немцы атакуют нас с запада, чем сможем помочь Федорову? — спросил меня майор Кришталь.

— Пока ничем, пусть рассчитывают на свои силы.

В подразделениях я встречался с политработниками, активистами. Говорил с солдатами. И как нам ни было трудно, воины уверенно отвечали:

— Выстоим, товарищ подполковник. Романувку ни за что не сдадим.

Лишь поздно вечером возвратился в штаб. Снял разбухшие сырые сапоги, выжал мокрые портянки. Хотел немного вздремнуть. Но едва прилег, как в штаб вошел дежурный радист старший сержант Виктор Колчин.

— Комкор вас просит, — сказал он.

Генерал Е. Е. Белов сообщил, что штаб корпуса и 29-я Унечская мотострелковая бригада выдвигаются для сосредоточения в районе Романуво Село. Я сказал, что мы с трудом сдерживаем бешеный натиск фашистских головорезов. Генерал приказал держаться до последнего. Просить подкрепления? Ведь нам уже обещали, но пока подвезли лишь боеприпасы. Рация уже молчала.

Я возвратился в подвал. Никто не спит. Молча сидит начальник штаба подполковник Я. М. Баранов. Начальник политотдела подполковник М. А. Богомолов выливает из сапог воду, беспрерывно дымит папиросой капитан И. П. Гаськов, над

картой склонился офицер Валеев. Молчание. У Богомолова расстегнут полушубок. Густая прядь волос небрежно спала на выпуклый лоб. Он только что вернулся из подразделения. Был у артиллеристов, минометчиков, мотострелков.

— Успокоился немец, — отряхивая мокрую портянку, нарушает молчание Богомолов. — Только надолго ли? — Он придвигается поближе к огню, и теперь мне хорошо видно его лицо. Богомолов осунулся, глаза запали. Ему, как и всем нам, подчас рискуя жизнью, в эти дни приходится много бывать в ротах и на батареях.

Меня одолел сон. Поспать, однако, долго не пришлось. На рассвете немцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Завязалась перестрелка. Мы ожидали, что гитлеровцы вот-вот пойдут на нас. Прошел час, второй. Взошло солнце, и день обещал быть погожим, не дождливым. Но немцы прекратили огонь. Стрельба также неожиданно стихла, как и началась.

Гитлеровцы ведут себя загадочно. Интересно, что они замышляют? То, что они попытаются ворваться в Романувку, мы не сомневались. А вот когда — через час, к вечеру, ночью — не знали. Не мог этого нам сказать и пленный. Он все мычал себе под нос: «Гитлер капут, Германия капут». Наш переводчик, отважный разведчик Кочемазов, так и не смог от него ничего добиться.

В бинокль хорошо видно движение в лесу и на опушке. Вероятно, немцы подтягивали силы, готовились для решающего удара.

К обеду фашисты вновь оживились. Они начали по селу вести методический огонь из тяжелых шестиствольных минометов. В отдельных местах вспыхнул пожар. Загорелись хаты. Дымом заволокло улицы. Челябинцы бросились тушить пожар.

Вдруг раздались залпы вражеских батарей. На опушке леса появились небольшие группы гитлеровцев. Что-то выкрикивая, они где перебежками, а где ползком продвигались вперед. Перед фронтом атакующих появилась стена заградительного огня. Наши танкисты и артиллеристы ударили дружно, согласованно. Фашисты залегли, начали пятиться назад, отвечая огнем из пулеметов и автоматов.

Я подбежал к минометчикам. На разостланных плащ-накидках рядком уложены мины, на хвостовых оперениях белеют мешочки с порохом — дополнительные заряды. Сунцов, прильнув к стереотрубе, неотрывно следит за противником. Он пока не открывает огонь — экономит боеприпасы. Я приказал:

— Дайте беглый огонь по опушке!

Старший лейтенант Сунцов взглянул на записи:

— По отступающей пехоте, — раздался его охрипший голос.

На опушке леса заплясали разрывы мин. Немцы, оказавшись в огневом мешке, заметались. И тут их настиг огонь наших пулеметчиков.

Атака захлебнулась, перестрелка прекратилась. Опушка леса опустела, валялись лишь трупы гитлеровцев. Стало необычно тихо.

— Надо разведать лес, — решили мы в штабе.

День был на исходе. Выделенный в разведку взвод офицера Ермакова из батальона Приходько и группа разведчиков во главе с лейтенантом Дмитрюком переправились вброд на противоположный берег речушки. Мотострелки скрытно передвигались по полю. Прошли сто, двести метров. Фашисты молчат. Разведчики взбежали на бугор. И тут немцы дали о себе знать: они открыли огонь из минометов.

Младший лейтенант повел взвод назад к речке. Отход смельчаков мы прикрыли огнем из танков. Возвратился Ермаков, доложил:

— В лесу много немцев. В бинокль с бугорка была хорошо видна пехота и легкие орудия.

Особых потерь взвод не понес. Ранило трех — командира отделения сержанта Степанова, автоматчика Петина и пулеметчика Гуменюка. Санинструктор Тамара Костина перевязала раненых и отправила в бригадный медсанвзвод к капитану Кириллову.

Мы получили хорошие сведения: немцы по-прежнему в лесу и надо быть начеку.

Наступила темная ночь, какие бывают на Украине в марте. Промозглая сырость пробирает до костей. Я с начальником штаба стою возле моего танка. Кругом тихо-тихо. И вдруг в нескольких местах вспыхнули языки пламени, раздались пулеметные и автоматные очереди. Улицы прошили трассы пуль. По звуку узнаю: бьет немецкий пулемет.

— Откуда немцы? Что случилось? — спрашиваю по рации у комбатов.

Вскоре все прояснилось. Немцы скрытно обошли наш левый фланг, оседлали шоссейную дорогу Проскуров — Тернополь, а затем ворвались в село. И вот идет бой, жестокий, напряженный. Со всех сторон раздаются выстрелы. Взвод коммуниста младшего лейтенанта Митько вступил в рукопашную. Его помощник старший сержант Кельмензон прикладом уложил двух немцев, автоматными очередями свалил еще нескольких фашистов.

Из пулеметов по гитлеровцам бьют танкисты М. Д. Коротеева, подчиненные офицеров В. Лычкова, П. Кулешова. Яростно

отбиваются от наседавших врагов минометчики.

Загорелся дом. Там разместился медсанвзвод. Бегу туда. Раненые, человек семь-восемь, лежат на полу. Возле них уже хлопочут сестры, врачи.

— Кириллов, срочно эвакуируйтесь в Романово Село. В штаб корпуса.

— Есть!

Даю девушкам свой «виллис».

Возвращаюсь на командный пункт. Кругом стрельба. Все ближе и ближе.

— Старший сержант Соколов, организуйте охрану боевого знамени. Головой отвечаете за него.

На улице усилилась стрельба. Мы оказались в огненном кольце. Забрался в свой танк, приказываю Приходько два-три взвода переместить левее. В это время немцы забросали командный пункт гранатами. Несколько разведчиков, в том числе и старший сержант А. Соколов и лейтенант А. Дмитрюк, получили ранения, но атаку фашистов отбили и спасли знамя. Загорелись хаты. Спешно выводим танки на окраину. Танкисты давят гитлеровцев. Солдаты с воплями разбегаются по сторонам.

Дружно, с криком «ура» пошли на врагов мотострелки. Гитлеровцы дрогнули и начали откатываться по полю на север, в сторону Романово Села. Связываюсь со штабом корпуса. Докладываю полковнику А. Г. Лозовскому.

— Какие там еще немцы, — не верит он.

Срочно снаряжаю машину, посылаю в штаб корпуса своего заместителя майора Кришталя. Надо предупредить об опасности.

Челябинцы заняли круговую оборону.

— Марк, тащи что-нибудь съедобное, — говорю ординарцу Собко.

— У меня есть консервы, — предлагает капитан Дружинин.

Забрались с Барановым в самоходно-артиллерийскую установку. От мотора тянет теплом. Сухо, уютно. Командир роты вскрыл банку консервов.

— Немцы идут! — крикнул наблюдатель.

Мы привстали. Уже светало и невооруженным глазом метрах в четырехстах отчетливо видны толпы фашистов. Оказывается, мотострелки 29-й Унечской бригады, предупрежденные нами, шквальным огнем встретили немцев, и они повернули назад, на юг. И вот сейчас эта масса войск пытается сбить нас, оседлать шоссе.

Остались нетронутыми консервы. Не до этого. Старшему лейтенанту Акиншину поручаю руководить огнем пяти танков. В утренней тишине резко ударили орудия. Заговорили наши

минометчики. Справа по немецким пехотинцам ударили мотострелки капитана Приходько, слева — батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Шабашова.

— По Гитлеру, огонь! — кричит Дружинин.

И тут же резко ухают пушки. Гитлеровцы, ошеломленные столь сильным огневым ударом, растеклись по всему пригорку, увязая по колено в грязи.

— Акиншин, вперед, дави гадов, — приказываю командиру роты.

Натужно взревели моторы, и пять «тридцатьчетверок», оставляя глубокую колею в жирном черноземе, медленно поползли по раскисшему полю. Боевые машины постепенно стали сближаться с атакующими.

Немцы отчаянно сопротивлялись. Стреляли слева, справа, впереди. Вокруг гудела мощная канонада. Почерневшее небо озарилось огнем.

Гитлеровские солдаты дрогнули, не устояли, и начали обходить деревню с востока. Они хлынули на позиции мотострелков. Подчиненные Приходько и приданные ему танки безжалостно их расстреливали.

Фашистов догнали и танки коммуниста Акиншина.

За первой цепью немцев появилась вторая, поменьше. Немцы бежали к реке Гнезне. Я собрал хозяйственников, саперов и разведчиков, схватил пистолет и крикнул:

— За мной, вперед за Родину!

Человек пятнадцать-двадцать солдат и офицеров устремились наперерез фашистам. Немцы, изредка отстреливаясь, начали от нас убегать. Вскоре мы их догнали. В упор стреляю в офицера. Выпускаю обойму в других фашистов. Меня окружили гитлеровцы. Ординарец Собко полоснул из автомата. Замертво упали пять-шесть человек. Другие поднимают руки.

— В тыл веди пленных, — приказываю Собко, а сам бегу вперед.

Правее нас слышится дружное ура. Гитлеровцы в ужасе мечутся в огневом кольце. Их настигают пули, снаряды, мины. Оставшиеся в живых, обезумев от страха, подняли руки.

Глянул на часы. Было двенадцать дня. Стрельба утихла. Челябинцы, разгоряченные боем, обнимали друг друга. Свыше сотни пленных понуро брели по шоссе на восток.

Вот как писал об этом бое поэт Михаил Львов:

…Был в этой битве полностью разгромлен
Немецкий полк сто шестьдесят восьмой.
А через час в отбитом теплом доме

Танкист писал на родину письмо.
Не мог забыть он бой ни на минутку.
Рассказывали. Радовались. Бой —
«Мамаевым побоищем» не в шутку
Договорились звать между собой.

После обеда в Романувку приехал комкор генерал Белов. Он проворно спрыгнул с «виллиса» и, перескакивая лужи, направился к обгоревшему штабному домику. Я шагнул навстречу генералу. Евтихий Емельянович, тепло и крепко пожав мне руку, не сдержал своего восхищения:

— Хорошо поработали челябинцы. Ей-ей, давно такого не видел. От имени маршала Жукова передай всем благодарность.

Мы пошли по подразделениям.

Вечерело. Угасал день — день нашей победы. Над Романувкой стояла звенящая тишина.

РЕЙД ПО ТЫЛАМ

Один день еще мы стояли в Романувке. Изможденные жители повыходили из подвалов, убежищ. Теперь они могли свободно ходить по улицам своего села. Женщины и дети, старики и старухи со слезами радости рассказывали, с каким нетерпением ожидали прихода Красной Армии.

К группе танкистов подходит старушка, плачет.

К ней обращается лейтенант В. Лычков:

— Обидел кто-нибудь, мать?

— Внучек у меня хворый.

— Поможем. — И тотчас в дом сельчанки направились врач капитан Кириллов и санинструктор Тоня Зубкова.

Солдаты охотно помогали населению чинить хаты, делились с жителями своим скудным пайком, дарили детям на память звездочки, пуговицы от шинелей и гимнастерок.

Короткий отдых. Дозаправлены танки, отремонтированы отдельные узлы и агрегаты, пополнены боекомплекты. Вновь будем наступать строго на юг. Впереди — Каменец-Подольский, областной город. До него — свыше двухсот километров.

Выход к Каменец-Подольскому позволил бы отрезать крупную группировку немцев от основных коммуникаций, а впоследствии уничтожить ее и полностью освободить Правобережную Украину.

Командование бригады серьезно готовилось к этой схватке. Офицеры штаба по карте изучали районы предстоящих боевых действий, намечали маршруты, организовывали сбор данных о противнике, заботились об обеспечении войск материальными запасами, осуществляли контроль за выполнением отданных приказов и распоряжений.

Офицеры политотдела во главе с Богомоловым, партийные и комсомольские организации вели большую партийно-политическую работу. Пропагандист политотдела майор П. С. Попов и фотограф лейтенант Н. Г. Чиж выпустили серию листовок «Сражайтесь, как они». Одна из листовок посвящена разведчикам Соколову, Кочемазову и Низамутдинову. В ней подробно рассказывалось о том, как эти храбрецы спасли боевое знамя бригады и штабные документы.

В другой листовке говорилось о том, как радисты Сергей Кестер, Владимир Войкин и шофер Николай Тестоедов в разгар боя смело вступили в схватку с группой фашистов, сумели их обхитрить и спасли радиостанцию штаба бригады.

Политотдел провел слет истребителей танков, в ротах и батареях прошли партийные и комсомольские собрания.

Партийное собрание состоялось и в штабной организации, на котором я сделал доклад «Учиться на опыте каждого боя». Коммунисты Полубояров, Предеин, Баранов, Гаськов и другие в своих выступлениях анализировали проведенные бои, обратили внимание на повышение бдительности и дисциплины, призвали товарищей тщательно подготовиться к предстоящим боям.

…Получен приказ. Штаб спланировал боевые действия. Разработаны вопросы управления подразделениями, налажено тесное взаимодействие внутри рот и батарей, а также с приданными и поддерживающими подразделениями.

Поздним вечером 20 марта 1944 года подразделения бригады скрытно сосредоточились на исходных позициях для наступления.

Нехотя наступало промозглое утро. Мокрый снег ложился на грязный асфальт, горками рос на броне танков, закрывая смотровые щели. Лейтенант Ясиновский в кювете нарвал жгут прошлогодней травы и, сметая с брони снег, возбужденно сказал:

— Чтоб лучше видеть врага да точнее бить его.

А немцы совсем рядом. До них — рукой подать. Но фашисты не ожидают нас здесь. Они полагают, что мы, перерезав и оседлав шоссе Проскуров — Тернополь, дальше не осмелимся наступать, побоимся оторваться от своих тылов. Взятый в плен разведкой корпуса гитлеровский солдат сообщил, что вдоль дороги на Скалат расставлены противотанковые орудия, «тигры» и «пантеры», имеются хорошо оборудованные опорные пункты. Судя по всему, схватки будут горячими, и немцев не так-то легко будет сбивать с занятых рубежей.

В 9.30 ударила наша артиллерия. Снаряды просвистели над нашими головами и разорвались где-то южнее, в расположении немецко-фашистских войск. Залп повторился еще раз. А вскоре танки головной походной заставы скрылись за поворотом. За ними начали продвигаться основные силы бригады. Фашисты пытались огнем нескольких орудий расстроить наш боевой порядок. Беспорядочная стрельба внезапно прекратилась. Танк младшего лейтенанта Кулешова первым достиг расположения огневых позиций и с ходу подмял два длинноствольных орудия, очередями из пулемета уничтожил рассыпавшихся по полю фашистских артиллеристов.

Оборона треснула, раскололась. Под натиском челябинцев гитлеровцы попятились назад. Временами они отчаянно сопротивлялись. Из-за засад били тяжелые танки. С высоток, возвышавшихся по сторонам шоссе, фаустники обрушивали на нас смертоносный огонь. На пути — заминированные участки. Над головами челябинцев проносились пристрелочные снаряды. Но мы шли и шли вперед.

Скалат, районный город Тернопольской области, был освобожден еще 13 марта. Но так как не было сплошного фронта, немцы, отступавшие на запад, вновь захватили его.

Мы спешим. Впереди — Гримайлов, Гусятин, Каменец-Подольский. Там наши земляки, братья, отцы, дети. Мы идем освобождать их. Челябинцы взламывают сопротивление врага, с необычной ненавистью сминают их небольшие отряды. Боль по надруганной земле заставляла позабыть о еде и сие, об усталости.

На подходе к Скалату наши подразделения попали под сильный огонь. Немцы жестоко сопротивлялись.

— Будем левее обходить Скалат, — решили мы в штабе.

Наша задача — перерезать, захватывать дороги. Совершая рейд по тылам, рассекать на отдельные группы вражеские группировки.

Идем восточнее Скалата. Моросит назойливый колючий дождь. По размокшей дороге передвигаться нелегко. Надрывно ревут танковые двигатели.

С наступлением темноты бригада ворвалась в село Остапе. Немцы бросили танки в контратаку. Маневрируя между хатами, «тридцатьчетверки» вплотную столкнулись с фашистами. Завязалась ожесточенная схватка. Вспыхнули дома, загорелись скирды соломы. Слева ударили по нашим танкам «пантеры». Трудно было понять, где враг, а где свои.

Натиск немцев нарастал с каждой минутой. Противник обрушил на подразделения бригады шквал артиллерийского огня. Фаустники начали подбираться к танку старшего лейтенанта И. Любивца. Офицер при свете ракет обнаружил немцев в огороде и пулеметной очередью уничтожил их.

Механик-водитель повел машину вперед. С ходу раздавил расчет тяжелого пулемета. Танк, маневрируя по огородам, первым вышел на южную окраину деревни. Из засады ударил фаустник. Языки пламени лизнули трансмиссионное отделение. Вот-вот вспыхнут баки с горючим. Любивец бросился сбивать пламя. Пулеметная очередь полоснула по броне машины. Офицер на миг спрятался за башню. Потом снова начал сбивать пламя. Фашисты окружили «тридцатьчетверку» и хотели членов экипажа живыми взять в плен. Старший лейтенант вынул из-за пазухи гранату и швырнул ее во врага. В один миг он вскочил в танк.

— Вперед, дави! — крикнул Любивец механику.

Машина рванулась по полю. В течение минуты с группой гитлеровцев покончено. Сбито и пламя, опасность позади.

К утру 22 марта весь немецкий гарнизон был уничтожен. Танки бригады начали вытягиваться по улице. Еще дымились сожженные хаты; во дворах, в огородах валялись трупы немецких

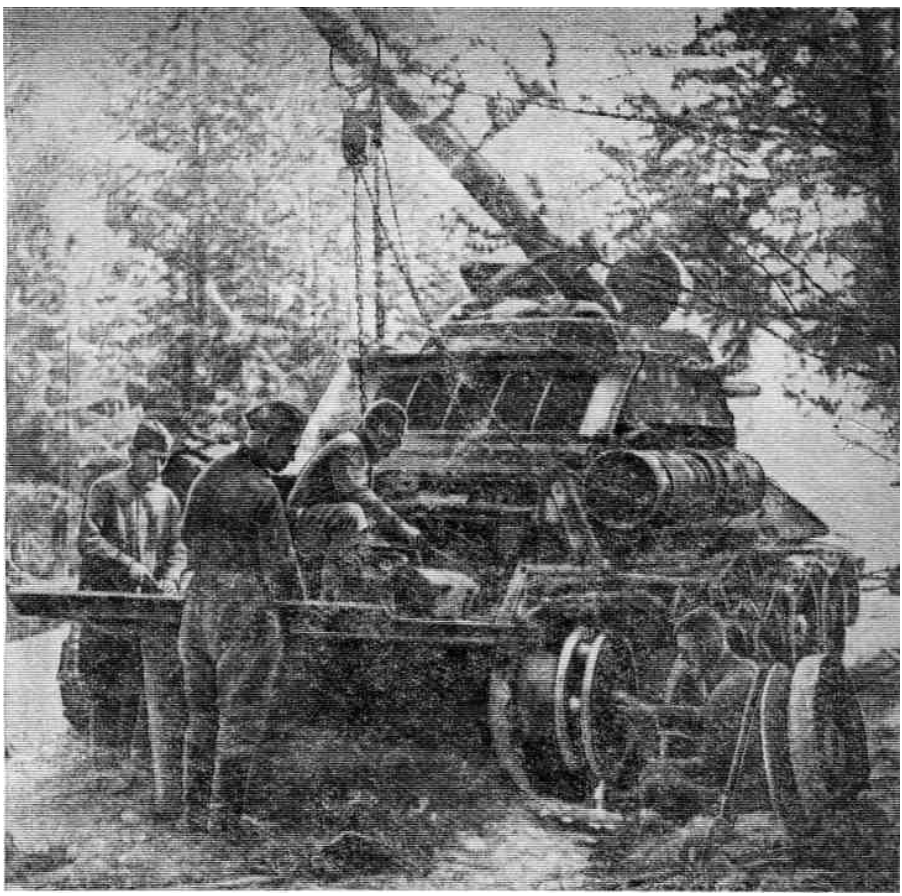
солдат. Раненые лошади беспомощно бились в упряжке. Под конвоем понуро брели на север около двадцати пленных эсэсовцев.

Небо прояснилось, и вдруг на нем одна за другой появились черные оспинки. Они приближались. По звуку нетрудно было определить: летят «юнкерсы». Где-то сзади нас подали голос зенитки.

— Рассредоточить танки, — приказал я.

«Тридцатьчетверки» расползлись по огородам. «Юнкерсы» сделали заход с юга и один за другим устремились в пике. Бомбы беспорядочно посыпались на село. С новой силой вспыхнул пожар. Горели прошлогодние стога соломы, покрытые камышом хаты. Пламя вихрилось над оставленными немецкими машинами.

Из-за туч вынырнули два «мессершмитта». Трассы разрывных пуль потянулись к земле, застучали о броню танка. «Юнкерсы», сопровождаемые истребителями, ушли на запад.



Ремонт танка в полевых условиях.

Я открыл люк танка, высунулся наружу. Село горело, едкий дым полз по земле. Тороплюсь на окраину населенного пункта. Надо выяснить, какие потери понесла бригада. По пути встречается раненый боец. Он, прихрамывая на правую ногу, тихо идет в тыл, к санитарной машине. Кто-то ему наспех перебинтовал голову, но сквозь бинт густо проступает кровь.

Рукой дотрагиваюсь до лейтенанта Ясиновского. Он понял меня и приказал механику остановить танк. Я окликнул солдата. Он медленно повернул голову в нашу сторону, из-под бинта взглянул на меня.

— Товарищ комбриг, слушаю вас.

Солдат подошел к машине и, придерживаясь левой рукой за скобу, пытается правую руку вскинуть к забинтованной голове. Узнаю рядового Беляева, автоматчика из роты старшего лейтенанта Сидорова.

— Откуда вы появились? Вас ведь ранило в Романувке и, если не ошибаюсь, увезли в медсанбат.

— Было такое, товарищ подполковник. Только пустяковое ранение — пуля царапнула правую ногу. А сейчас осколком полоснуло. — Беляев, сокрушаясь продолжает: — Ну, ладно, подлечусь — и назад в бригаду. Свидимся еще, товарищ комбриг. И не позже, как через месяц-два. Не думайте, найду. По указателям. По надписям «хозяйство Фомичева». Так-то. — Слова автоматчика звучат убедительно и торжественно, как клятва. Он уходит, а я еще долго смотрю ему вслед. Возле сожженной избы танк остановился. Во дворе — уцелевший из самана то ли сарайчик, то ли летняя кухня. Мы с командиром танка лейтенантом Ясиновским вошли в домик. На деревянной скамейке сидела старушка. Она бросилась нас крестить, причитая:

— Нэхай вам бог поможе в бою. Швидчэ нимцив прогоняйте.

На улице вокруг танков собрались местные жители. Они тепло приветствовали красноармейцев. Женщины и девушки, одетые в национальные костюмы, спешили угостить челябинцев пирогами, молоком, вареной картошкой. Бойцы лукаво подмигивали девушкам, а те озорно переглядывались, прячась друг дружке за спину. Кто-то из солдат задорно кричит:

— А ну-ка, смуглявая, покажись. Вернусь из Берлина и, гляди-ка, обвенчаемся.

Девушки хохочут, шутка им понравилась. Они тоже кричат:

— С перьмогой вертайтесь, тоди будэ выдно.

Мы подошли к толпе. Люди расступились, затем окружили нас. Сыплются вопросы. Спрашивают, как дальше им быть. Когда создадут колхозы? Как поступить с полицаями? Я поздравил

жителей с освобождением, пожелал им быстрее восстановить разрушенное колхозное хозяйство, посоветовал, не теряя времени, приступить к весенним полевым работам.

Вперед вышел давно не бритый мужчина. Из-под насупленных бровей жадно глядели черные глаза.

— Прошу, пан, мэнэ выслухаты.

— Я товарищ, а не пан, — прервал я мужчину.

На смешанном украинско-польском языке он просил совета, как ему быть. У него осталось две коровы, не заберут ли одну из них. Может, справочку ему дадут, что обе коровы действительно его.

— А у вас есть скот? — спросил я стоявшую рядом женщину.

— Нэма, германец угнал.

— А у вас?

— Тоже нэма, — ответила старушка.

— Вот что, — сказал я мужчине, — одну себе оставь, а одну отдай старушке. Так будет по-совести.

— Я же их берег от германца.

— Правление колхоза разберется. А пока что, товарищи, — обращаюсь к населению, — всячески помогайте Красной Армии в разгроме ненавистного врага. Кто чем может: продуктами, одеждой, деньгами. Помогайте чинить дороги, вытаскивать застрявшие машины, подносите боеприпасы. Мы на вас надеемся.

Я шагнул к своей машине, взобрался на броню:

— Вперед!

Взревели двигатели. Бойцы на прощанье приветливо машут освобожденным людям, а те в ответ тепло кивают головами, дарят уральцам веселые улыбки.

После короткого отдыха усталость как рукой сняло. Настроение отличное. Потери бригады небольшие. Связываюсь с комкором. Слышимость хорошая, и я доложил генералу Е. Е. Белову о наших успехах. Выслушав меня, генерал сказал:

— Продолжайте выполнять поставленную задачу.

Бригада рвется к Гримайлову — районному городку. За нами следует Пермская бригада. Танки идут на предельных скоростях. С ходу они таранят груженые немецкие автомашины, оставленные повозки с награбленным добром, подминают небольшие заслоны.

Батальон капитана Федорова должен захватить мост через реку Збруч, рассекающую город на две части. В головной походной заставе рота Акиншина. Три его танка уже на подходе к Гримайлову. Он радостно мне докладывает:

— В триплексе замелькали домики Гримайлова. Вижу станционные постройки. Спешу захватить вокзал.

А через минуту-две он взволнованно сообщил:

— Товарищ комбриг, танки роты встречены сильным огнем артиллерии. У моей машины перебита гусеница. Повреждение устраняем.

— Постарайтесь пробиться к мосту. Обходите справа станцию. Не задерживайтесь.

— Вас понял. Выполняю. Уже заменили трак, а разбитый оставили для музея. — В голосе Акиншина звучат шутливые нотки. Даже в бою он остается верен себе: быть в хорошем настроении. А это много значит!

Выдвигаю к вокзалу часть танков первого батальона майора Гоя. Силами бригады ведем бой за станцию, которая расположена на северной окраине города Гримайлов. Рота старшего лейтенанта Коротеева одной из первых вышла к вокзалу. Гусеницы танков лязгнули о рельсы. На вагонах выведены мелом надписи: «Штеттин, Бреслау, Лейпциг». Туда предназначалось награбленное добро.

Автоматчики завязали бой за отдельные дома и попали под сильный огонь. Положение создалось не из приятных. Пора бы уже овладеть станцией, а мы все еще топчемся у пристанционных построек. Связываюсь со старшим лейтенантом Коротеевым, уточняю ему задачу. Его танки тут же выходят на прямую наводку и начинают обстрел дзота.

Откуда-то гитлеровцы подтянули свежие силы. Вдоль железнодорожного полотна неожиданно появились два тяжелых танка с черно-белыми крестами на бортах, а за ними в полный рост двигалась рота пехоты. Я тут же уловил замысел контратакующих: фланговым ударом рассеять наши планы, на какое-то время задержать наше продвижение вперед.

— Слева «тигры», товарищ комбат, — крикнул лейтенант Ясиновский.

— Вижу их, — опуская бинокль, сказал я.

Танкисты заметили атакующие роты и открыли по фашистам огонь. В это время по рации слышу взволнованный голос капитана Федорова:

— Мост успели захватить. Удержим до вашего подхода.

У меня отлегло от сердца. Позже узнал, что Федоров с несколькими танками, маневрируя по закоулкам, пробился к реке Збруч, перебил охрану и захватил уцелевший мост.

А тут в районе вокзала шла ожесточенная перестрелка. Наш танк выскочил из-за угла дома: мы торопились в роту Коротеева.

Однако продвигаться вперед было рискованно. Со стороны станции вели интенсивный огонь противотанковые орудия, и снаряды рвались где-то рядом. Тогда мы попытались ехать вдоль насыпи. Наткнулись на солдата, возле которого усердствовала

девушка-санинструктор. У бойца были перевязаны голова, руки и нога. Девушка пыталась оттащить раненого в безопасное место, но тот всячески сопротивлялся.

Я выскочил из танка, подбежал к раненому. Он весь лежал в крови. Осколки разорвавшейся мины разбили челюсть, впились в обе руки и ногу. Санинструктор Тамара Костина упрашивала солдата, называя его по имени:

— Думаешь, без тебя Гримайлов не возьмем? Возьмем! Поверь мне, а теперь, родненький, разреши тебя в санвзвод отнести.

Боец отрицательно мотает головой.

— Не слушается, — сказала мне девушка, когда я подошел. — Весь искалеченный, а рвется в бой. Куда ему — ходить даже не может.

Солдат смотрит на меня, что-то хочет сказать, шевеля побледневшими губами. Потом он потянулся в карман, вынул огрызок карандаша и запекшимися в крови пальцами с трудом вывел слова на измятом солдатском треугольнике:

> «Троих в рукопашной уложил, а четвертый гад убежал. Жаль. Коммунист Акимов».

В нескольких метрах разорвался снаряд. Взрывной волной меня бросило на кучу прогнивших шпал, обдало грязью. Немцы, видимо, нас заметили и открыли огонь. Вскочил на ноги. С санинструктором Костиной подхватили раненого Акимова и оттащили за железнодорожную насыпь.

К этому времени подоспели танкисты Пермской бригады, подошли истребительно-противотанковый полк и 29-я мотострелковая бригада. Через час станция полностью была очищена от гитлеровцев. На здании затрепетал красный флаг.

Направляюсь к вокзалу, на пути встретилась группа солдат. Они с интересом что-то осматривали. Я попросил лейтенанта Ясиновского остановить танк. Дзот, вокруг которого собрались челябинцы, огромного размера. Он втиснут в железнодорожную насыпь, снабжен одним орудием и двумя тяжелыми пулеметами. Крепость была разворочена, и груды металла еще дышали жаром. Тут же валялись обгоревшие трупы фашистов.

Кто-то дотронулся до ствола исковерканного орудия, произнес восторженно:

— Ничего себе, штучка, теперь поминай как звали. Уральцев работа. То-то же!

Раздавались отдаленные разрывы. В центре города вели бой подразделения нашей, Пермской и Унечской бригад. Капитана Федорова я нашел в разбитом кирпичном домике. На полу

валялось битое стекло, обрывки грязной бумаги, куски кирпича. Из проема окна капитан следил, как развивался бой. Василий Александрович доложил мне, что немцы подбили его танк и экипаж устраняет повреждения. В батальоне всего два раненых, других потерь нет. Федоров сообщил довольно неприятную весть: сгорела машина моего заместителя майора Кришталя.

— А как экипаж?

— Кажется, кто-то ранен. Видел, как на носилках унесли в дом, что на противоположной стороне.

В сопровождении капитана Федорова и лейтенанта Ясиновского перебежал улицу. У входа в подвал нас встретил заместитель начальника оперативного отделения бригады капитан И. П. Гаськов.

— Кришталь ранен в ногу, — сообщил он.

В освещенном углу на пружинном матраце лежал майор. Старший фельдшер роты управления лейтенант М. Д. Мостовов забинтовывал ему ногу. С трудом сдерживая стон, майор корчится от боли. Мостовов успокаивает его:

— Не шибко, товарищ майор. Заживет.

Кришталь мучительно кривит лицо, просит пить. Заметив меня, вяло улыбнулся и, словно в оправданье, тихо сказал:

— Не повезло, товарищ комбриг. Надо же так — из-за угла «фердинанд» резанул. В упор. И ему не поздоровилось. Я успел выстрелить.

Майор умолк. Я наклонился, попрощался с ним:

— Еще встретимся, выздоравливай.

Но встретиться нам больше не пришлось. Через несколько дней я с болью в душе узнал, что ранение оказалось смертельным. Мы потеряли храброго офицера. О майоре Кришталe у меня сохранились самые светлые воспоминания. Он был хорошим помощником во всех делах.

Мы вышли из подвала. Бой уже шел на южной окраине города. Кое-где шлепались шальные снаряды, горели дома, рушились крыши. От копоти и дыма почернели каменные стены. У выхода нам путь преградил автоматчик.

— Улицу переходить опасно, бьют засевшие на крышах снайперы, — предупредил он нас.

Я не успел еще ничего сообразить, как мимо уха чирикнула пуля. Вбегаем в соседний дом. От разорвавшегося снаряда качнулись стены и обгоревшие балки потолка рухнули на пол. Мы отделались легкими ушибами. Карабкаемся по развалинам, окольными путями добираемся до машин.

По улицам трудно проехать. Горят немецкие трехосные машины, автобусы. Лоб в лоб, уткнувшись, стоят наш танк и

«тигр». У разбитого 81-миллиметрового миномета трупы фашистских солдат. Возле брошенного «опеля» орудуют два наших солдата. Один из них сидит за рулем, другой лихо вращает заводную рукоятку.

Едем на южную окраину. Город освобожден. Из подвалов с поднятыми руками выходят уцелевшие гитлеровцы. Небритые, уставшие, с опухшими от бессонницы глазами. Один из фашистов с наброшенной на плечи шалью подозрительно пятится назад. Кто-то из наших бойцов толкает его в бок:

— Куда глядишь?

С него спадает шаль.

— Братцы, так это же власовец, — крикнул солдат.

Фашист пытался поспешно сорвать нашивку с буквами «РОА».

— Куда тянешься, предатель, — остановил его солдат, и власовца взяли под особый конвой.

Штаб бригады на время разместился в полуразрушенном домике. Ординарец Собко невесть откуда принес охапку соломы и, расстелив на ней плащ-накидку, стал готовить ужин. Он вывалил несколько банок консервов, буханку черствого хлеба. Присели начальник штаба Баранов, начальник политотдела Богомолов, капитан Гаськов, начальник связи бригады капитан Никифоров. Чадит коптилка. От усталости не хочется есть.

— Постойте, постойте. — В дверь протискивается начпрод капитан Юмышев. — Все-таки догнал вас. Законные сто граммов полагаются, — и он, подав Баранову флягу со спиртом, начал стягивать с себя полушубок.

— Не раздевайтесь, у нас не очень жарко.

Налили в солдатские кружки.

— За взятие Гримайлова, — успел предложить тост начальник штаба, как на улице возле дома разорвался снаряд. Потом второй, третий.

Я подозвал лейтенанта Ясиновского:

— Выясни, в чем дело.

Офицер бросился к выходу, но тут же был отброшен в сторону взрывной волной. В открытую дверь дохнуло жарким пламенем. Снаряд угодил в угол дома, загорелась крыша. Потухла коптилка. Мы поспешно начали менять место штаба. Немецкая дальнобойная артиллерия, потревожив нас, минут через десять прекратила стрельбу.

— Прокоротаем ночь у танков, — предложил подполковник Я. М. Баранов.

Богомолов не соглашается:

— Лучше в холоде, да под крышей.

Сунулись в ограду какого-то одноэтажного дома, хлюпаем в

луже сапогами. Словно из-под земли на крыльце вырос старик в исподнем белье:

— Проше, панове. — Он уступил нам дорогу. В небольшой комнате с закопченным потолком на полу валяются стреляные гильзы, пустые бутылки от шнапса, обрывки топографической карты. На подоконнике — полевой телефон, кожаное снаряжение. В печке потрескивают дрова. Поляк поясняет, что час назад здесь квартировали немцы.

— Право же, полный комфорт, — снимая полушубок, говорит М. А. Богомолов и укладывается на ночлег. Входит Ясиновский. Меня вызывают к рации. Старший сержант Виктор Колчин уступает мне место. В трубке слышится голос полковника А. Г. Лозовского.

— Где остановились? — интересуется начальник штаба корпуса.

Докладываю координаты. В свою очередь он называет координаты штаба корпуса (это где-то в двух-трех километрах от нас) и приказывает прибыть в штаб.

В минуту отдыха.

На «виллисе» петляем по темным и незнакомым улицам Гримайлова. Нам повезло: на одном из перекрестков девушка-регулировщик, проверив наши документы, показала рукой:

— В том доме расположился штаб корпуса.

Генерал-лейтенант Е. Е. Белов, выслушав мой рапорт о прибытии, молодо шагнул навстречу и крепко пожал руку. В небольшой комнате уже было порядком накурено. Евтихий Емельянович сел за квадратный стол, на котором была разостлана топографическая карта-склейка. Почти одновременно подъехали другие командиры бригад 10-го Уральского добровольческого корпуса. Комкор с начальником штаба полковником Лозовским что-то обдумывали над картой. А мы негромко беседовали с комбригами в углу, дымя папиросами.

— Прошу поближе, — Евтихий Емельянович поднялся из-за стола. Карту хорошо освещает коптилка, и мне видна красная стрела, нацеленная строго на юг.

— До Каменец-Подольского — рукой подать, — восторженно заговорил комкор. — Поднажмем и через денька два будем в нем. Но не забывайте, что мы в тылу врага. Немцы попытаются приостановить нас. Надо позаботиться и о тылах, о их прикрытии, хотя это не значит, что мы должны на них оглядываться. Пробиваться только вперед, на юг, и как можно быстрее. По-прежнему перерезайте, захватывайте дороги, тесните противника, давите и сбрасывайте его технику в грязь.

Комкор взглянул на карту:

— А теперь слушайте задачу. Бригада Фомичева пройдет через фронт 1-й гвардейской танковой армии генерала Катукова в районе Копычинцы и затем ударит с северо-западного направления на Скала-Подольскую, Оринин, Каменец-Подольский.

Другим бригадам корпуса предстояло наступать на город Гусятин.

Я уже собрался уходить, когда меня остановил генерал Белов.

— Отличившихся много? — спросил комкор.

— Считайте, вся бригада.

— Молодцы челябинцы, наиболее отличившихся представьте к награде.

Заполночь я возвратился в штаб. У домика какое-то оживление, саперы снуют с миноискателями. На ногах все офицеры штаба.

— В чем дело?

Подполковник Я. М. Баранов возбужденно рассказал:

— Легли отдыхать. Слышу: тик-тик-тик. Думаю, что же это. Позвал командира сапвзвода. «Так это же мина замедленного действия», — сказал лейтенант Лившиц и извлек из-за иконы деревянный ящичек. Говорит: «Через час было бы уже поздно. Поминайте, как звали». А старик утек, очевидно, из украинских

националистов, — заключил начальник штаба.

Саперы обследовали дом. Так до утра из нас никто и глаз не сомкнул, На рассвете возвратились разведчики.

— Убегают немцы, — доложил исполняющий обязанности командира разведвзвода Александр Ярошенко. — Тьма-тьмущая техники на дорогах в сторону Гусятина. Надо торопиться, пока не ушли далеко.

Танки рванулись по широкому шоссе. По сторонам замелькали омытые дождями белые домики, по самую стреху обнесенные заборами. Немцы почти не оказывали нам сопротивления. На дорогах — уйма машин с пустыми бензобаками. Нагруженные обозы. Бездомно бродят по полю, пощипывая траву, рослые лошади.

Группа немцев бросила оружие, расступилась по сторонам. Они улыбаются, выкрикивая слова «гут, гут, русс». Их конвоируют в тыл.

— Противно смотреть, завшивели, — сказал Ясиновский и сплюнул на землю.

Перекресток дорог. Бригада поворачивает на юго-запад, на Копычинцы. Там уже идет бой. Это танкисты 1-й гвардейской армии рвутся к Днестру.

Копычинцы. Тянет дымом — горят дома. Разрушены многие здания. На тротуаре, распластав руки, лежит убитый офицер-эсэсовец. На пальцах — кольца. Изрешеченный пулями автобус. Обгоревшие танки с крестами на башнях.

На улицу выбежали освобожденные люди. Они бросают танкистам моченые яблоки, тепло приветствуют бойцов Красной Армии.

Наступление идет дальше. Без сна и отдыха.

Впереди Скала-Подольская. Танки с ходу таранят бронированные фашистские машины, врываются в городок. Гитлеровцы мечутся в панике. Со всех сторон слышится пулеметно-автоматная трескотня, рвутся мины, снаряды. Немцы уцепились за небольшую речушку. Лениво бьют их пушки. Покосившиеся опоры моста вот-вот обрушатся.

Бригадная разведка нашла брод. Мне невооруженным глазом видно, как «тридцатьчетверки» плавно преодолевают трясину, а вскоре их гусеницы заскользили по каменистым берегам речушки. Поднимая деревянную ограду, одна из машин устремилась к замаскированной пушке. Немцы врассыпную. Но куда там! Их настигают меткие пули. Безмолвно застыло орудие.

Гитлеровцы после короткого боя поспешно отошли на юг. Танки с десантом — за ними. Страшно захотелось пить. К остановившимся у колодца машинам бегут ребятишки. Треплю

кудряшки мальчонке лет десяти:

— Как зовут?

— Грицько.

Я достал несколько кусочков колотого сахара:

— Бери-ка, Гриша, и тащи ведро.

Парнишка стремглав побежал домой. Я подозвал к себе девочку пяти-шести лет, тоже угостил сахаром.

Народу прибавлялось все больше и больше. Вдруг из-за облаков вынырнули два «мессершмитта». Резкий стук пулеметов, посыпались бомбы. Люди с ужасом кинулись в стороны. Крик, стоны, плач.

У колодца, зажав в маленький кулачок кусочек сахара, осталась лежать девочка. По лицу стекает ручеек крови. Я схватил девочку на руки — она была мертва.

Раненых оказалось человек шесть-семь. Разыскали нашу санитарную машину. Капитан Кириллов и его подчиненные принялись осматривать раненых, а мы поспешили в подразделения.

Бригада рвется к Оринину — небольшому городку, ютившемуся по обеим сторонам реки Жванчик. Рваные черные тучи висят над головами, временами идет холодный нудный дождь. Мелькают квадраты небольших полей. К дороге прижимаются лесные массивы.

До Оринина шли почти без боев. Небольшие заслоны сминали без особого труда. На подходе к городу головная походная застава попала под сильный артиллерийско-минометный огонь. Завязалась перестрелка. Гитлеровцы вскоре откатываются на юг, пытаются закрепиться на естественном рубеже — реке.

Атакуем немцев с нескольких сторон, и к обеду 23 марта полностью овладеваем городом.

Короткий отдых. Дозаправлены танки, пополнены боеприпасы. Трогательные встречи с местным населением. Вокруг танков — немало народу. Обмениваются адресами, кто-то из танкистов уже начинает объясняться в любви. Шутки, смех, веселье. Наши танкисты надолго запомнили эту встречу и часто в боях вспоминали о ней. А иной раз из Оринина и письма к нам в бригаду приходили.

Нами овладел азарт наступления. Прикидываю на карте: до Каменец-Подольского не больше тридцати километров. Если поднажмем, вечером будем в городе. По разведданным, вражеский гарнизон насчитывал 5 тысяч человек, в распоряжении которого тяжелые танки, самоходные орудия, минометы. Мы с начальником штаба склонились над топокартой:

— Не худо у нас получается, Михаил Георгиевич, — говорит он.

— Пока да. За сутки по 50—70 километров проходим, — соглашаюсь я. — А как лучше освободить Каменец-Подольский, уберечь его от разрушений, ума не приложу.

Собираем солдат на митинг. Его открывает начальник политотдела. Богомолов краток. Он предоставляет мне слово. Говорю о той чести, которая выпала нам, челябинцам, — первыми войти в областной город, призываю коммунистов и комсомольцев, весь личный состав беспощадно бить фашистов.

Урчат танковые двигатели. Колонна вытягивается по шоссе. Валит густой снег, ограничивая видимость. И вдруг меня осеняет мысль: включить фары, это морально будет воздействовать на врага.

По рации связываюсь с комбатами. Включены фары, свет с трудом пробивает снежную толщу. Машины мчатся на максимальных скоростях. Давим немецкие обозы. Порой приходится двигаться по узкому коридору между трофейными автомашинами, пушками, автобусами. Бросая технику, гитлеровцы стягиваются к Каменец-Подольскому.

С наступлением ночи врываемся в Должок — пригород Каменец-Подольского и почти без боя овладеваем им. Нам достались богатые трофеи: около пяти тысяч машин разных марок. Улицы запрудили шикарные «опель-капитаны», трехосные грузовики, толстопузые штабные и санитарные автобусы.

С зажженными фарами въезжаем на западную окраину города, старая часть которого раскинулась на высоком, обрывистом полуострове. Танк младшего лейтенанта П. Кулешова первым выскочил на мост. На броне танка — разведчики. Рядовой В. Кочемазов на немецком языке кричал: «Каменец-Подольский окружен Красной Армией».

Охрана в панике разбежалась. В темноте танкисты в упор расстреливали «тигры», «фердинанды», «пантеры», давили установленные на перекрестках противотанковые пушки.

Гитлеровцы в нижнем белье выскакивают на улицу, но тут же их настигают меткие пулеметные очереди челябинцев. Фашисты не поймут, откуда появились русские танки. Ведь еще утром им говорили, что русские от города за сотню километров и им не быть в Каменец-Подольском.

Знаменитая крепость XIV—XVII веков — памятник старины. Ведем бой за крепость. Фашисты контратакуют нас со всех сторон. Мы осторожно продвигаемся вперед, очень беспокоимся, чтобы огнем из орудий не разрушить старинные сооружения.

Прижимаем фашистов к реке. Под покровом темноты

челябинцы неожиданно врываются в дома, на огневые позиции. Подчас в рукопашной схватке смело очищают город от фашистской нечисти.

Где-то рядом с нами ведут бои Свердловская и Унечская бригады, другие части корпуса. Город полыхает в огне. Вдоль улиц бьют тяжелые гаубицы. Рушатся здания. Больно смотреть, как на твоих глазах город превращается в руины.

На рассвете небольшая группа фашистов просочилась на наш левый фланг. Командир взвода коммунист лейтенант Митько первым поднялся в атаку.

— За мной, вперед, челябинцы!

За командиром бросились солдаты. Сблизившись с немцами, воины в упор расстреливали наседавших гитлеровцев.

Днем 25 марта бои не утихали. Приходилось драться за каждый дом, каждую улицу. Поредели ряды челябинцев, однако их удары все ощутимее и ощутимее. С криками «ура» они смело идут в атаку, незаметно подбираются к засевшим на чердаках и в подвалах гитлеровцам, штыком, гранатой уничтожают их.

Наш танк идет мимо сожженного дома, перед руинами которого опустился на колени солдат. Мы подошли к воину. Лейтенант Ясиновский мне шепчет:

— Это танкист Михаил Эльфонд, местный, каменец-подольский.

— Не успели, товарищи, — обращается к нам солдат. — Три года я ждал этой минуты. В этом доме жили мать, отец, сестра Мариам. Теперь нет их…

Прибежали соседи. Михаил бросается к старухе:

— Тетя Броницкая, а мои где?

Она успокаивает Михаила:

— Мать и отец ушли из дома еще до прихода немцев. А Мариам, — старуха уткнулась в грудь солдата, рыдая, — Мариам, бедная. Фашистский кат Гайдун загубил ее.

В этом городе Эльфонд родился, на этой земле он сделал свои первые шаги, здесь прошла его юность. А теперь он стоит на еще дымящихся развалинах.

Эльфонд не плачет, он смотрит на нас неподвижными глазами:

— Товарищ комбриг, дайте мне самое опасное задание, сегодня дайте, сейчас. — Вскинув автомат, воин побежал туда, где шел жестокий бой.

А вокруг нас уже собралось немало людей. На глазах блестят слезы восторга. Ко мне подходит маленькая девочка в рваном пальтишке и в истоптанных не по размеру башмаках. Она удивленно смотрит на меня, неожиданно обращается с просьбой:

— Червону зирку хочу.

Лейтенант Ясиновский роется в карманах. На счастье звездочка нашлась. Схватив ее худенькими ручонками, девочка с радостью побежала домой.

Торопимся и мы. Огненное кольцо постепенно сжимается. Части нашего добровольческого танкового корпуса настойчиво теснят немцев. Фашисты пытаются пробиться на западную окраину. Их многочисленные войска наседают на нашу бригаду. Челябинцам приходится туго.

Наш танк занял огневую позицию в развалинах сожженного дома. В проем окна выглядывает лишь ствол пушки. Со стороны Турецкого вала показалась «пантера», за ней крадутся десятка два солдат. Их замысел нам ясен: враг пытается незаметно обойти одну из наших танковых рот.

Лейтенант Ясиновский становится у прицела. Как всегда, он спокоен. На его лице ни тени волнения. Оборачивается ко мне, подмигивает:

— Подпустим поближе. Чтобы наверняка.

Ствол пушки начал медленно перемещаться влево. Резкий выстрел. Снаряд угодил в цель. «Пантеру» заволокло дымом, и в ту же секунду вспыхнуло пламя.

Пехота, прижатая пулеметным огнем, залегла на мостовой. Выползла еще одна «пантера» с ребристыми полосами.

— И этот номер не пройдет, — говорит Ясиновский.

Внимательно наблюдаем за поведением гитлеровцев. На танк к нам взобрался начальник штаба. По лицу Баранова вижу — он чем-то взволнован.

— Приходько сообщил: немцы отрезали дом, в котором обороняется взвод лейтенанта Митько. Просит помочь артиллерией.

В те дни подобных случаев было немало. Мы теснили немцев, а они порой пробивались через наши боевые порядки, окружали наши подразделения, пытались приостановить наступление советских войск.

Позже стало известно о подвигах солдат взвода Митько. Когда взвод оказался отрезанным от роты, лейтенант в трехэтажном доме организовал круговую оборону. Гитлеровцы постепенно проникли в дом. Бой завязался на лестничных клетках, перенесся на второй и третий этажи. Горстка храбрецов устояла против сотни гитлеровцев, удержала дом до подхода подкрепления. Командир взвода и солдаты были награждены орденами и медалями.

…К утру 26 марта бой несколько ослаб. Гитлеровские вояки целыми ротами сдавались в плен. К обеду город Каменец-

Подольский был освобожден.

Богомолов приглашает осмотреть крепость, Было радостно, что нам удалось помешать гитлеровцам превратить ее в руины.

С обрывистого берега реки Смотрич хорошо видна юго-западная часть города. Еще горят дома, среди брошенной техники по улицам снуют наши танки, самоходные орудия.

Каменец-Подольский освобожден, но мы знаем: бои еще за него не закончились. Пока что войска 1-го Украинского фронта лишь расчленили группу немецко-фашистских армий «Юг»: ее 4-я танковая армия отброшена на запад, а левофланговые соединения 1-й танковой армии — на восток.

Таким образом, севернее Каменец-Подольского окружена большая группировка в составе десяти пехотных, девяти танковых, одной моторизованной дивизий и нескольких других частей. Кольцо окружения было не сплошным и недостаточно прочным. Между флангами частей и соединений существовали разрывы. Ясно, что враг попытается выбиться из окружения.

Вечером, утомленный боями, я упал на какой-то топчан, расположенный в углу штабного подвала, и крепко уснул. Сквозь сон слышу — меня кто-то треплет по плечу. С трудом раскрыл глаза.

— Не время спать, товарищ подполковник. — Узнаю по голосу — говорит командир Свердловской бригады полковник Жуков. Откуда? Каким ветром? Ведь его бригада левее от нас километрах в двух-трех.

Отбрасываю в сторону тулуп, обнимаюсь с комбригом, здороваюсь с его начальником политотдела подполковником И. Скопом. В это время передают сводку Совинформбюро. Диктор читает:

> «…в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты овладели областным центром Украины городом Каменец-Подольский — сильным опорным пунктом немцев на Днестре. В боях за овладение городом Каменец-Подольский отличились части полковника Смирнова, полковника Жукова, полковника Денисова, полковника Фомичева…»

Не послышалось ли «полковника Фомичева». Может быть, ошибка?

— Я только из штаба корпуса, — упреждает меня Жуков. — Тебе присвоено звание «полковник».

Куда девался лейтенант Ясиновский? Где ординарец Собко? А вот он, калачиком свернулся в углу и спит крепким сном. Тихонько толкаю Марка Наумовича за плечо. Не слышит. Устал

тоже. Почти семь суток не смыкал глаз.

Нащупал вещмешок, с которым ординарец даже во сне не расставался, вынул консервы. Подсели Богомолов, Баранов, Гаськов. Начали ужинать. И в эту ночь спать не пришлось. Нас срочно вызвали в штаб корпуса.

А на утро 27 марта начались бешеные атаки немцев. Шел снег, и фашисты незаметно подкрадывались к нашим позициям, пытались прорваться через кольцо. Нередко завязывались рукопашные схватки. Мы начали испытывать нехватку боеприпасов: тылы далеко поотстали и были отрезаны противником. Ко мне то и дело обращались командиры батальонов и рот:

— Боеприпасы на исходе. Хватит на один день, не больше.

Надо было искать выход. Вызываю начальника артснабжения старшего лейтенанта Иванкова и приказываю собирать трофейное оружие и боеприпасы.

Из тыловиков, санинструкторов были организованы две группы по сбору трофейного оружия. Одну из них возглавил Иванков, а вторую — спецкорреспондент «Челябинского рабочего» Львов. Вскоре в роты начали поступать немецкие пулеметы, автоматы, пушки и к ним боеприпасы. Трофейным оружием челябинцы начали бить наседавших врагов.

Вместе с начальником связи капитаном В. Никифоровым и исполняющим обязанности командира взвода разведки старшим сержантом В. Тимофеевым отправились на передний край. Ночью прошел мокрый снег, и мы с трудом передвигались по сугробам от солдата к солдату, от танка к танку. Поредели ряды челябинцев. Наша оборона жиденько насыщена огневыми средствами. Мало танков, мало орудий.

Только прошедшей ночью мы потеряли чуть ли не все орудия батареи 76-миллиметровых пушек. На огневой позиции, куда мы прибыли утром 2 апреля, нас встретил командир первого взвода лейтенант Игошин. Приложив забинтованную руку к головному убору, он доложил, что батарея готова сражаться до последнего солдата. Возле разбитого орудия в окопе лежал раненый солдат, рядом плащ-накидкой были накрыты несколько трупов.

Я приподнял плащ-палатку. В одном из солдат я узнал рядового Литовченко.

— На рассвете убило. Прямым попаданием. А командиру расчета Тарасову все зубы выбило, — сказал лейтенант Игошин.

Я хорошо знал рядового Литовченко. Из Полтавской области родом. Помню, он обратился ко мне с необычной просьбой: отпустить на день домой. «От Киева — рукой подать», — убеждал меня солдат. Через два дня Литовченко возвратился сияющий.

Родители живы-здоровы. Марийку, сестричку свою, обнял. Выжили в неволе, прятались в лесах. В городе Гримайлов этот отважный наводчик два танка подбил. Тогда я приказал к ордену Отечественной войны его представить. А теперь вот он, лучший наводчик, лежит, иссеченный осколками.

Возле другой пушки возится ее командир старший сержант Левшунов. Высокий, худой. Густая щетина на впалых щеках. Знаю, недавно он получил сообщение, что и второй его сын погиб.

— Петр Андреевич, здравствуйте.

Присели на станину. Виду не подает, что устал. Впору бы отдыхать, а он месяцами не выходит из боев. Прошу рассказать о только что прошедшем бое. Петр Андреевич прячет израненные руки: на ладонях свежие следы от осколков.

— Обычный бой был, товарищ полковник. Много их на нас шло. Жаль ребят — пять убитых и пять раненых. Еще не успели в санчасть отправить.

У ног валяются еще не остывшие гильзы, пустые деревянные ящики, пропитанные густой кровью бинты.

— «Тигры» находились в 120 метрах от нас. Вначале расчет вел огонь бронебойными — не берет. Из неприкосновенного запаса вытащили последний ящик с подкалиберными. Выстрелили. «Тигр» закружился на месте. Другой «тигр» пытался его взять на буксир, но Литовченко и его подбил. Третий «тигр» вывел из строя двух наводчиков. Тогда я стал у прицела и заставил «тигра» замолчать. Потом появилась пехота. Гитлеровцы шли в полный рост. Четыре раза они бросались вперед, и четыре раза мы отбрасывали их.

Подходит командир минометного полка корпуса подполковник Зыль:

— Храбро дрались твои челябинцы. Выручили нас. Фашисты так и не прорвались к огневым позициям батареи, оставили на поле боя более сотни убитых солдат и офицеров и три танка «тигр».

Мы прощаемся с артиллеристами. Идем дальше. На перекрестке полевой дороги — подбитая «тридцатьчетверка». Возле нее сидит и плачет механик-водитель старший сержант Н. С. Балашов. Изнутри машины высовывается вымазанный башенный стрелок рядовой Н. Стремилов.

— Амба, все сгорело.

— Не вовремя, товарищ комбриг. Подбили три танка. Фаустник подполз и по нас. Буран, не видно…

Успокаиваю бойцов:

— Скоро получим новые танки.

Танкисты берут автоматы и идут в бой. В штаб бригады мы возвратились поздно вечером. Подполковник Баранов сообщает печальную весть:

— 29 марта убит Смирнов.

Прощай, боевой друг! Командир Унечской гвардейской. Почти год мы шли плечом к плечу. Воевали рядом, а встречались временами в штабе корпуса. Неудержимо лихой комбриг. Всегда шел с мотострелками в боевых порядках. Прилег отдохнуть в доме. Из-за низких облаков вынырнул «фокке-вульф», сбросил бомбу. Дом разрушило.

В то время, когда основные силы бригады отражали бешеные атаки фашистов, рвавшихся в город Каменец-Подольский, отдельные группы, отрезанные от нас, кочевали по тылам противника. Застрявший танк превращался в огневую точку, тыловые подразделения смело преграждали путь отступающим фашистам. В те дни многие челябинцы, оказавшиеся в окружении гитлеровцев, показали образцы беззаветной храбрости, мужества и геройства.

…Начальник автобронетанкового имущества капитан Тисенин собрал солдат.

— Нас немного, двадцать три человека. Будем стоять насмерть. Мой заместитель лейтенант Белоусов, командир танка.

В группе оказались храбрые солдаты и офицеры. Лейтенант Хватин — помощник по технике командира роты, гвардейцы В. Дубов, В. Козлов, А. Козлов, экипаж подбитого танка — лейтенант Белоусов, сержанты Синец, Рыжов и другие.

Утром 3 апреля небольшой отряд направился в деревню Лясковцы. Шли лесом. По пути встретился расчет 45-миллиметрового орудия на конной тяге. Теперь набралось 27 человек. Вошли в деревню.

— У нас полным-полно немцев, — сказала хозяйка крайней хаты. — Только сейчас фашисты схватили двух партизан, готовят им виселицу.

— Освободить! — распорядился капитан Тисенин.

Челябинцы скрытно пробрались по огородам.

Атака. Расположившиеся на отдых фашисты повыскакивали из хат. Бегут в нижнем белье, в наспех повязанных шарфах, в накинутых на плечи украинских шалях.

На коне скачет по улице фашистский офицер. Капитан Тисенин из пистолета сбил его. Гитлеровцы заполнили улицу. Свинцовый огонь хлестнул им в лицо.

Десятки солдат из команды, расположившейся в деревне, подняли руки. Сотни трупов усеяли деревенские улицы. Только солдат Балашов убил не менее тридцати фашистов.

Освобожденные партизаны тепло обнимали гвардейцев-челябинцев.

УДАР НА БУЧАЧ

Рано утром меня разбудил ординарец.

— Товарищ полковник, к вам офицер.

В наспех оборудованную землянку с трудом протиснулся рослый капитан — связной из штаба корпуса.

— Едва нашел вас, — отряхивая снег с полушубка, сказал офицер.

— Небесная канцелярия подвела, — невесело пошутил я.

Действительно, в те дни после взятия Каменец-Подольского погода нас не баловала. Неожиданно повалил мокрый снег, зачастую подымался сильный буран. Немцы скрытно подбирались к позициям, в яростных атаках пытались расстроить наши боевые порядки.

Нам приходилось туго. Мы не имели достаточного количества танков и артиллерии. Испытывали нехватку в боеприпасах и горючем.

Добровольцы помнят, когда в один из дней неожиданно на полевой дороге появился длинный обоз немцев. Неистовствовала пурга, снег слепил глаза. Мне звонит адъютант старший третьего батальона офицер Злобин.

— Товарищ комбриг, — доносится в трубке его взволнованный голос, — немцев тьма-тьмущая. Обозы, пешие колонны немцев идут напролом.

— Анатолий Терентьевич, не дайте им проскочить.

Навстречу приближавшемуся обозу рванулся шквал свинцового огня. Наперерез противнику устремились «тридцатьчетверки». С огневых позиций заговорили 76-миллиметровые пушки. На головы фашистов посыпались мины. Уже в первые минуты колонна была рассечена надвое, передние повозки, наткнувшись на огневую стену, беспорядочно растекались по полю и увязали в снегу и болоте. Враг попятился назад, но уже было поздно: танки начали сминать хвост. Кольцо сжалось, немцы подняли руки. Богатые трофеи достались нам. Мы пополнили недостающие боеприпасы и продовольствие.

Справа от нашей бригады свердловчане добивали разрозненные немецкие части. Рядом в упорных боях Пермская бригада изматывала потрепанные фашистские подразделения. Наша оборона выстояла, не изломалась. Надежды окруженных вырваться из огненного кольца рухнули.

Настроение хорошее. Радостно на душе от того, что через день-два мы снова пойдем вперед, близок час полного освобождения родной советской земли.

Связной вручает пакет. Читаю депешу. Нашей бригаде приказано преследовать немцев в направлении города Бучач.

Связисты поспешно сматывают телефонный кабель. Снимаются с огневых позиций артиллеристы, минометчики, пехотинцы оставляют наспех оборудованные окопы.

Машины, оставляя глубокие следы на мягкой пахоте, вытягивались в колонну вдоль обочин. На «виллисе» спешу в голову колонны. Навстречу попадается спецкор «Челябинского рабочего» Михаил Львов.

— Едем с нами, Миша, — приглашаю поэта.

— С радостью, Михаил Георгиевич, но сейчас не могу.

— А кто же нам будет помогать трофейные боеприпасы собирать? — шутливо спрашиваю.

Михаил широко улыбается. Мы прощаемся. Этот отважный человек помогал, как мог. И в атаку ходил с мотострелками. И стихи читал разведчикам, и вместе с саперами проходы проделывал в минных полях, и был инициатором сбора трофейного оружия и боеприпасов.

Бригада стремительно движется по шоссе. По сторонам дороги — куча битой немецкой техники. Зияют рваные дыры в хваленых «тиграх», опрокинуты в кювет зенитные пушки, беспомощно застряли в грязи тяжелые грузовики, возле которых уже орудуют сельские жители.

Ночью подразделения бригады заняли исходные позиции. Дороги подсохли, и немцы, подтянув резервы, усиленно сопротивляются. Бригада наносит удары с юга. Из засад бьют фаустники. Порой свинцовый ливень из оборудованных дзотов прижимает солдат к земле. Нелегко челябинцам. Мы несем большие потери.

Впереди — деревня Зелена. Подполковник Баранов испытывающе смотрит на топографическую карту.

— Трудновато нам придется. На пути — высота.

Не скрою, и я с опаской поглядывал на отметку 199,4, обозначающую высоту. Она господствует над прилегающей к деревне местностью. Обойти ее? Не удастся. В мокрых снежных сугробах погубим всю технику. Решили на рассвете атаковать высоту. На опушке леса расположились несколько танков. Подтянули батарею 76-миллиметровых орудий. Роют окопы автоматчики, позади них оборудуют огневые позиции бригадные минометчики.

Час назад в сторону высоты ушли разведчики с группой автоматчиков. От них пока никаких вестей. Саперы соорудили шалаш, и офицеры штаба, зябко кутаясь в полушубки, трудятся над бумагами.

Далеко за полночь. Возвратились разведчики и автоматчики, привели пленного. Нескладно длинный, в короткой шинели, разбитых сапогах, гитлеровец не то от страха, не то от холода дрожит. Он хорошо осведомлен об организации обороны высоты, расположенных на ней огневых средствах и охотно отвечает на все вопросы, задаваемые переводчиком рядовым В. С. Кочемазовым. Пленный называет довольно внушительное число: на высоте окопалось более двухсот солдат, десять орудий, оборудовано более десяти дзотов.

Разведчик гвардии старший сержант А. С. Бабкин.

Пленного увели. Старший сержант А. С. Бабкин что-то не уходит, на лице — непонятная грусть.

— Афанасий Сергеевич, радоваться надо. Видную птицу взяли в плен. А ты нос повесил.

На глазах у отважного разведчика появились слезы.

— Товарища потеряли, автоматчика Исабетинского, моего друга-земляка. Разрывная навылет.

…Вырыли яму и опустили в нее обернутого в плащ-накидку рядового Исабетинского, Троекратные выстрелы разведчиков сливаются с орудийными раскатами и автоматной трескотней. Челябинцы начали штурм высоты.

Штаб снимается с места. Иду возле свежевырытой могилы. На холмике установлена дощечка. Кто-то из солдат химическим карандашом написал:

«Здесь похоронен доброволец Исабетинский, из Челябинска. Погиб 11 апреля 1944 года».

Нас осыпают осколки разорвавшегося снаряда: гитлеровцы открыли ответный огонь. Над головой щелкают разрывные пули. Недалеко от нас упал солдат. К нему бегут санитары…

Постепенно накал атаки начал спадать. Слишком неравны силы. В оврагах залегли автоматчики, за бугорками укрылись танки. Перестрелка не утихает. Нам неожиданно повезло. На полевой дороге появилась «катюша».

— Выручай, браток, — обратился я к вышедшему из кабины офицеру. — Люди под огнем гибнут, ударь-ка по высоте.

— Минуточку, — отвечает капитан.

Следуют короткие команды. Грохот взрыва. Дым, пламя. Огненные языки потянулись к высоте, а вскоре бригада без особого труда ворвалась в деревню и почти полностью пленила фашистский гарнизон.

На утро меня вызвали в штаб корпуса, а к обеду мы возвращались в бригаду. На заднем сиденье дремали два автоматчика. «Виллис» с трудом переваливал заболоченные лощины. Впереди появилась машина. Подъезжаем. Вижу — «студебеккер» нашей бригады. У пушки с разведенными станинами солдаты. В одном из них без труда узнаю старшего сержанта Левшунова. Он, вытирая паклей масляные руки, неторопливо рассказывает о только что прошедшем бое.

Расставленные вдоль дороги «пантеры» помешали с ходу пробиться вперед. Однако устоять под напором челябинцев не смогли.

— Глядите, вон некоторые из них навсегда остались на поле украинском.

На краю неубранного кукурузного поля еще чадили две «пантеры».

— И нам досталось маленько. Осколком порван шток накатника. Что делать — ума не приложу.

В нескольких метрах от дороги расположился медсанвзвод. Раненых немного — человек семь-восемь. Медики им уже успели сделать перевязки. Я подзываю к себе Петра Андреевича Левшунова.

— Бери раненых и езжай на своем «студебеккере» в госпиталь. Там где-то корпусные склады. Возьмешь запчасти для пушки и боеприпасы. И назад в бригаду.

— Есть, товарищ полковник!

Наш «виллис» катит дальше. Где-то недалеко идет стрельба. Дорога взбегает на бугорок. Слева от нас показывается какая-то машина. Она быстро приближается к нам. Останавливаемся. Вскидываю бинокль. Своя или чужая — не поймешь. На кузов накинут тент.

Вроде бы «шеврале». Метрах в сорока от нас грузовик остановился, и на землю спрыгнули несколько автоматчиков. Дружные автоматные очереди вспороли тишину. Я плюхнулся в небольшую воронку и в сторону машины бросил «лимонку». На землю упали убитые фашисты, загорелась машина. Два оставшихся в живых гитлеровца подняли руки.

Вечером мы нагнали подразделения бригады.

Утром снова бой. Перед обедом меня разыскал Левшунов. Старший сержант едва передвигался. Короткая, не по росту шинель с оборванной полой была изрешечена осколками. Понурив голову, он сказал:

— Не выполнил ваш приказ, товарищ комбриг. Судите.

— Докладывай, что случилось.

Из беседы с Петром Андреевичем выяснилось вот что. В госпиталь они доехали благополучно, а возвращаясь назад, попали под бомбежку. Загорелась груженная боеприпасами машина, осколками ранило Колосаева и Виноградова, оторвало ногу Уфимцеву, убит Мартынец.

Старший сержант, рискуя жизнью, оттащил раненых в безопасное место, оказал им первую медицинскую помощь, а затем на попутной санитарной машине отправил друзей в тыл.

Командир орудия умолк.

— Благодарить тебя надо, Андреевич, людям жизнь спас, — и я крепко пожал руку отважному воину.

Обоюдные атаки продолжались еще несколько дней. Немецкая авиация почти ежедневно наносила удары по частям бригады, по другим соединениям. Но безуспешно.

На Подольщине бесславно закончили свое существование многие части из группировки армий «Юг».

По раскисшим дорогам брели пленные. А мы торжествовали: над Советской Подольщиной взвились красные флаги.

В один из дней нашей бригаде были переданы все уцелевшие танки армии. Мой заместитель по технической части майор Дуэль недовольно бурчит:

— Металлолом челябинцам передали.

Успокаиваю заместителя:

— Подлатаем, товарищ Дуэль, — а у самого на душе кошки скребут. «Тридцатьчетверки» сильно поизносились. У многих из них моторесурсы на исходе. Им бы в пору в капитальный ремонт.

Ночью занимаем оборону северо-западнее города Коломыя.

С трудом разыскал командира стрелкового полка. Его командный пункт расположился в сосновом бору. В землянке, уже хорошо обжитой, мне навстречу поднялся рослый полковник. Оглаживая редкие усы, он настороженно осмотрел меня, на

секунду задержал взгляд на танковых эмблемах:

— Вы из штаба армии?

— Никак нет, моя бригада прибыла вас сменять.

— Легки на помине. Рады вас приветствовать, — и полковник крепко пожал мне руку. — Мы тут с начальником штаба только что вели об этом речь. Из штаба армии шифровку вчера получили. — Полковник позвал к себе ординарца:

— Петро, у нас гости, готовь стол.

Солдат проворно бросился в угол, из-под деревянного топчана извлек несколько консервных банок. На столе, покрытом небольшим обрывком фронтовой газеты, появился зеленый лук, редиска, куски толстого украинского сала.

От обилия яств заныло в животе (завтракал часов двенадцать тому назад на марше). Поесть соблазн был велик, но наступал вечер, и мне хотелось быстрее познакомиться и принять участок обороны. Пытаюсь отказаться от ужина. Полковник категорически мотает головой. Перекусили наспех.

«Виллис» петляет по лесной дороге. Из-за кустов выходит солдат:

— Дальше ехать нельзя.

Мы отправляемся пешком. На опушке леса окопалась пехота. Редкие цепи глубоко зарылись в землю.

— Это наше хозяйство, принимайте, — сказал полковник.

На утро стрелковый полк был отведен в тыл. Бригада заняла оборону на широком фронте, и танкисты сразу же приступили к ремонту машин.

Впереди — небольшая речушка. Мы с майором Дуэль шагаем по передовой. Под ногами валяются стреляные винтовочные гильзы, рваные обрывки солдатской газеты, консервные банки. Почти пустуют окопы, траншеи, хода сообщений. Их начинают обживать мотострелки батальона капитана Приходько, которых осталось немного. Ждем пополнение изо дня на день. А пока что надеемся на свои силы. Да и вряд ли немец рискнет форсировать реку.

Мелколесье сбегает к реке. Хорошо виден противоположный берег, а далее все скрывается в туманной дымке.

— Товарищ полковник, — негромко останавливает меня солдат. — В полный рост ходить небезопасно. Фашист временами постреливает.

В рослом пулеметчике узнал коммуниста рядового Пяткина. Храбрый солдат, отважный. Своим огнем он немало уничтожил немцев. При отражении только одной контратаки в селе Романувке уничтожил не менее двадцати гитлеровцев.

— А где командир роты?

— Только был здесь.

— Слушаю вас, товарищ комбриг, — словно из-под земли появился старший лейтенант Сидоров.

— Что известно о противнике?

Из полевой сумки офицер извлекает топокарту. На ней уже десятки пометок в районе обороны немцев.

— Откуда данные?

— Со слов сменившегося командира роты.

— Уверены вы в их точности?

— Будем уточнять. Уже выставлены наблюдатели. Рядовой Пяткин на рассвете засек пулемет. Вот его расположение. Совпадает с данными нашего предшественника.

— Добро, действуйте. Кстати, рядового Пяткина не забудьте тоже представить к награде, — посоветовал я командиру роты.

— Не забудем, товарищ полковник, — расплываясь в широкой улыбке, ответил старший лейтенант. — Такие достойны.

Пробираемся по низкорослому сосняку, выходим на поляну. За небольшим бугорком укрылась «тридцатьчетверка». Издалека на башне видна надпись «Гвардия». У разбитой гусеницы хлопочет Федор Сурков.

— Чиним, товарищ комбриг, — пальцы поизносились. — Старший сержант поспешно сплюнул папиросу, каблуком ботинка вдавил ее в мокрый песок. — К обеду с гусеницами покончим. Потом к мотору доберемся. Хочу, чтобы у меня она до Берлина дотянула.

Он испытующе смотрит на меня и, словно пытаясь меня убедить, авторитетно заявляет:

— Дотянет, товарищ комбриг!

Федор Сурков — храбрый танкист. За год тяжелых боев он возмужал, приобрел опыт. Еще на Орловско-Курской дуге коммунист Сурков отличился в боях. Ни разу он не дрогнул перед гитлеровцами и в боях за освобождение Правобережной Украины.

— А об охранении и позабыл, — упрекнул я танкиста.

— Все предусмотрено.

Из командирского люка высунулся стрелок-радист старшина Александр Марченко:

— Я во все глаза смотрю, товарищ полковник.

Подошел старший лейтенант Акиншин. Командир роты выглядел усталым. Мы тепло поздоровались.

— Технику приводим в божеский вид, — доложил он мне. — Ремонтников бы сюда.

— Пришлем.

— И боеприпасов подбросьте.

— Дадим. Через день-два.

Ремонт техники шел полным ходом. Но где бы мы ни появлялись с майором Дуэль, у нас настойчиво просили запчасти, горючее, боеприпасы. А где их взять? Пока обходились тем, что сами кое-что делали в ремонтном подразделении капитана Дирипенко.

Лишь к вечеру я возвратился в штаб. В приземистой землянке трудились офицеры штаба. Им было не до сна и не до отдыха. Они уже планировали учебные занятия, кратковременные сборы офицеров и сержантов, уточняли вопросы взаимодействия в обороне, организовывали сбор данных о противнике.

Из подразделений уже начали поступать наградные листы. Просматриваю некоторые из них. Читаю:

> «Левшунов Петр Андреевич. Командир противотанкового орудия…»

Нелегко сложилась судьба этого воина. Он потерял двух сыновей. Василий погиб под Москвой, а Прокопий — в районе Курска. Отец был убит горем, но не пал духом. В боях он показал себя храбрейшим человеком.

Еще один наградной лист.

> «Рядовой Чижов П. А., водитель. Представляется к ордену Красной Звезды».

В распутицу, в самое трудное время, рискуя жизнью, он доставлял нам боеприпасы. Наградных листов уже много. Представлены к награде офицеры Кулешов, Акиншин, Пупков, Коротеев, солдаты и сержанты Сурков, Марченко, Веселовский и другие. Читая наградные листы, я словно вновь пережил те бои, в которых участвовала бригада в марте и апреле 1944 года на Правобережной Украине. Взволнованный, вышел на улицу. Было необычно тихо, лишь где-то в ночном небе гудел немецкий самолет-разведчик. Закурил, пряча папиросу в рукав, присел на пень. Минут через десять собрался уходить. Со стороны противника донесся свист, и в тот же миг у моих ног упал снаряд. Упал и… не разорвался. Посчастливилось. Утром саперы извлекли его из земли.

В те дни в бригаду начало прибывать пополнение, в основном из ранее оккупированных немцами сел и городов. Люди не были обучены военному делу. Штаб разработал учебный план занятий. Поочередно батальоны отводили в тыл и учили личный состав вести огонь из автоматов, пушек, пулеметов.

Политработники Денисов, Курманалин, Карамышев, Шлыков, Яковлев и другие усилили агитационную работу. В групповых и

индивидуальных беседах политотдельцы повседневно разъясняли воинам политику нашей партии, благородные цели и справедливый характер Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, конкретные задачи личного состава.

Политотдел выпустил несколько фотоплакатов, которые были посвящены коммунистам автоматчику Пяткину, танкисту Суркову, артиллеристу Левшунову и другим. Политотдел корпуса обратился к воинам-новичкам со специальной листовкой. В ней были такие строки:

> «Товарищи красноармейцы! Вы и ваши близкие пережили все ужасы гитлеровского ига, много дней страдали под сапогом фашистов. Это они, немецкие грабители, разрушили и сожгли твой дом, угнали в проклятую Германию твою сестру или любимую. Отомсти врагу. Будь храбр в бою, не дай немцу унести ноги с родной Украины!»

Перед молодыми солдатами часто выступали бывалые воины. Коммунист Сурков поделился опытом вождения машины в бою, автоматчик Василевский — как надо применять оружие в бою.

Политотдел заботился об учебе агитаторов, о их политическом образовании. С ними были проведены однодневные сборы. Перед агитаторами выступали опытные политработники.

Были проведены семинары комсоргов и парторгов рот, с молодыми коммунистами велось изучение Устава партии. По инициативе политотдела были подготовлены письма родителям воинов, награжденных орденами и медалями. Письма зачитывались перед строем.

Серьезное значение штаб придавал учебе офицерского и сержантского состава. Штаб разработал и провел занятия с офицерами по темам: «Усиленная танковая рота в наступлении», «Ведение боевых действий в лесистой местности» и «Бой в горах и населенных пунктах».

С младшими командирами проводились инструкторско-методические занятия по темам: «Атака переднего края», «Отделение в ночном поиске и засаде», «Бой в населенном пункте».

Немцы нас порой беспокоили. Над нашими позициями часто появлялась авиация. Воины из нового пополнения держались стойко. Но были и такие… Со стороны немцев раздались хлопки минометных выстрелов. Через минуты две в районе обороны мотострелкового батальона начали рваться мины. Один из солдат выскочил из траншеи и пытался бежать в тыл. Его кто-то удержал.

— И чего ты, Яковенко, испугался, — донесся до меня чей-то голос. — Гляди, рядом с тобой пулеметчик Пяткин. Так он, брат, от самой Москвы в боях и не дрогнул ни разу. Тебя сейчас могло убить. А в траншее надежнее.

Подошел к бойцам. Облокотившись на бруствер, возле автоматчика стоял белобрысый лейтенант. Что-то не узнаю, кто он.

Заметив меня, лейтенант вытянулся в струнку. На нем ладно лежало новенькое обмундирование, сбитую фигуру плотно обхватывала кожаная портупея.

— Лейтенант Белоусов?

— Так точно!

Этот офицер прибыл к нам несколько дней тому назад на должность парторга мотострелкового батальона. Сам он из Златоуста. Работал старшим мастером в ремесленном училище № 4. В мае 1943 года поступил в военно-политическое училище. По его окончании добился, чтобы его направили в нашу бригаду.

— Что у вас тут?

Солдат растерянно смотрит на меня, виновато переминается с ноги на ногу:

— Як гаркнуло, и мэни стало страшновато.

— Запомните, у страха глаза велики. В нашей бригаде трусов не было.

Я попросил парторга помочь солдату преодолеть робость.

Возвращаюсь на командный пункт. В лесу дымит солдатская кухня.

— Заверни-ка к тыловикам, — приказываю водителю.

«Виллис» резко останавливается.

На подготовку к последующим боям времени было мало. Отделения, экипажи и расчеты продолжали пополняться воинами. Каждая свободная минута использовалась для учебы.

В землянках, в окопах проходили партийные и комсомольские собрания. Беспрерывно заседала партийная комиссия. Желающих идти в бой коммунистами было очень много.

СМЕЛЫЙ МАНЕВР

В первых числах июля 10-й добровольческий корпус снялся с места. Движемся строго на север. На дорогах появились указатели с надписью «На Львов». Иногда беспокоит вражеская авиация, но особых потерь нет. «Юнкерсы» и «хейнкели» беспорядочно сбрасывают свой груз и поспешно удаляются на запад. Некоторые из них, подбитые огнем зенитной артиллерии, оставляя густой след из черного дыма, стремительно падали на землю.

На марше стало известно: нам предстоит освобождать Львов. Смотрю на карту. Линия фронта дугой охватывает город. До него — добрая сотня километров. Местность резко пересеченная, лесистая. Мы уже знали, что нам придется иметь дело с группой армий противника «Северная Украина» под командованием генерал-полковника Й. Горне. Она занимала оборону от Полесья до Карпат, противник за лето создал глубоко эшелонированную оборону. Враг построил три полосы обороны, они состояли из густой сети траншей, соединенных ходами сообщения. На пути — немало водных преград. Это реки — Западный Буг, Золочевка, Билка и другие.

От солдат мы не скрывали, что предстоят жаркие летние бои. Провели короткие митинги. Наступательный дух у челябинцев особенно высок: впереди — граница.

14 июля 1944 года после обеда грохот канонады возвестил о начале нового наступления 1-го Украинского фронта.

В тот же день бригада участвует в прорыве вражеской обороны, а затем идет в передовом отряде корпуса. Мой позывной «Самара». Меня непрерывно беспокоит комкор. Он торопит.

Второй день моросит дождь. Короткий бой. Прорываемся в узкую горловину возле села Тростянец. Немцы бьют из засад, упорно сопротивляются. К вечеру форсируем реку Стрыпу. Неприятель несколько раз переходит в контратаки, которые мы успешно отбиваем.

Ночью наступление продолжалось. А утром мы ворвались в дымящийся Золочев. На улицах идут бои. Челябинцы настойчиво теснят немцев. К железнодорожному вокзалу первым прорвался танк старшего лейтенанта Потапова.

Вскоре бой перенесся за город. Танки несутся по шоссе на Львов. На подступах к населенному пункту Словита бригада попала в очень трудное положение. Из засад нас встретил огонь тяжелых танков и закопанных орудий. Справа — открытое поле, а слева — горы, покрытые лесом. Мгновенно пришло решение: батальону автоматчиков обойти немцев слева, ударить с тыла.

Вызываю капитана Приходько. Он возбужденно рассказывает о своих гвардейцах, которые славно дрались на улицах Золочева. Комбинезон капитана, туго обхваченный ремнем, прострелян в нескольких местах. Перехватив мой взгляд, офицер поспешно сказал:

— Малость задело. На то и война. Только я в госпиталь не пойду.

И тут я только заприметил, что капитан немного прихрамывает: пуля прострелила правую ногу, но кости не задело.

— Все нормально, товарищ комбриг. Медики уже свое дело сделали.

— Я хотел доверить тебе одно задание, а вот сейчас опасаюсь.

— Товарищ полковник, за что же так?

— А нога?

— Пустяковая царапина, не о ней сейчас должна идти речь.

Я расстелил на капоте «виллиса» топокарту…

Через несколько минут мотострелки скрылись в лесу. Пока есть время, мы произвели дозаправку машин, пополнили боеприпасы.

Связываюсь по рации с Приходько. Он докладывает:

— Через пять минут начинаем бой. Оседлали дорогу Золочев — Львов. Взяли в плен двух офицеров и солдата.

Отыскиваю на карте место. Это где-то за Словитой в 1—1,5 километрах. Не теряем времени. Одновременно начинаем атаку с фронта. Немцы поначалу ничего не поняли, но тут же разгадали наш замысел и быстро снялись с огневых позиций, поспешно стали отходить на запад. Бригада — за ними. От капитана Приходько приходят одна за другой тревожные вести. Немцы потеснили батальон. Самоотверженно дрались автоматчики. Они смело бросали под гусеницы танков связки гранат. Отличился пулеметчик коммунист рядовой Пяткин.

Мы спешим на помощь батальону Приходько. Танки второго батальона капитана Федорова мчатся по улицам Словиты. Убегающих немцев настигают меткие очереди. Из-за угла дома показался фаустник. Услышав шум мотора нашего танка, он быстро упал в кювет, изготовился к бою. Лейтенант Ясиновский опередил врага.

Часть немцев сумела прорваться через позиции мотострелкового батальона и ушла на запад.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

№ 33 (7325) от 12

Политотдела походной части полевой почты № 65367.

13 июня 1944 г.

ТВЕРДЫЕ СЛОВА ДАЛИСЬ ЛЕГКО, ТВЕРДЫЕ ДЕЛА...

В ПЕРВЫЙ БОЙ.

С рассветом машина противника стала таранить доставшийся трофеем истребитель. Пришлось выбросить его с ходу сигнальной ракетой.

-:-

Гвардейский офицер Советской Армии не может допустить, чтобы помещения-склады оборудовали фашистские оккупанты.

Так думается в один прекрасный день, отдав в трофейных газетах о том, что советской земли за 150 километров севернее и восточнее.

Второго немецкого штаба. Только экстренным вмешательством командования удалось вырвать отдел из противника остатки пехотинцев, артиллерию, все три пт расчета.

Все в этом деле было хорошо. Но в тактике без хитрости смертельным оружием.

С орденом в честь моего дня рождения-вышел в первого боя с двух врагов застрелил трусливый офицер.

Первый опыт, столкнулся с опытным офицером Вермахта. Выполнив задание, вернулся невредимым.

Офицер успешно заменил командира стрелковой роты.

-:-

Когда сержант заполнения этого дела хотел вернуть свой самолет от своих, чтобы он видел, командир танкового полка приказал сесть с машиной к врагу, спастись во весь опор, бросая мирод, таская за собой пехотинцев.

Армия требовала победой наших автоматчиков.

-:-

На Юго-Западе Украины.

Гвардейский танковых офицеров политрук в составе сержантов: Васильев, Волков и Гончаров своим танком в составе 60-ти вышестоящих солдат и офицеров, одну пушку, автомашину, захватил и их уничтожил.

-:-

Так отдан противника офицер рассказал сержантам об этом и поставил их в затруднение.

-:-

Редактор Н. Чех.

Утром на командный пункт бригады приехал командарм генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Его сопровождал комкор генерал Е. Е. Белов.

— Хорошо челябинцы воюют! — сказал командарм. — Тебе, Фомичев, поручается новое задание: первым прорваться к юго-западной окраине Львова. Завтра к вечеру быть в городе. Это очень важно. Конкретную задачу получишь от комкора.

Генерал Белов провел на карте стрелу. Нам предстояло прорваться через оборону противника и совершить смелый рейд

по тылам врага.

Как лучше пробиваться ко Львову? Идти в лоб по шоссе — бессмысленно. Впереди небольшой хуторок. Есть ли там немцы?

— Я уже послал разведчиков, — доложил начальник штаба.

Вскоре группа воинов, возглавляемая только что прибывшим из госпиталя коммунистом Соколовым, возвратилась с двумя пленными.

Старший сержант возбужденно рассказывал:

— Мы подползли по ржи незаметно к крайнему домику. Глядим, один верзила сидит на завалинке и пьет молоко, а второй — роет окоп. Рядом телефонный аппарат, от него уходит красная нитка. Разведчик Николай Лавриков перерезал провод. Внезапно выскакиваем на поляну:

— Хэнде хох!

Со слов пленных мы узнали, что в хуторе расположен полк, усиленный танками и самоходными орудиями.

С начальником штаба Барановым и инженером Полубояровым выехали на рекогносцировку местности. Немцы обнаружили наш бронетранспортер и обстреляли. Командир бронетранспортера сержант Иван Будницкий прильнул к пулемету. Приказываю водителю Ивану Рехину укрыть машину. В это время рядом разорвался снаряд, осколок впился в голову Будницкому. Полубояров подхватил на руки безжизненное тело гвардейца. Мы поспешно возвратились назад.

Влево от хутора в лес уходила тропинка. По ней можно обойти хутор. Рискнем, что ли?

Подошел начальник политотдела подполковник Богомолов. Посоветовались с офицерами штаба. Пришли к одному мнению: идти по тылам в обход больших дорог. Собрал командиров батальонов и рот, довел до них задачу.

В 10.00 утра второй батальон капитана Федорова обрушил шквал огня на деревню, в которой засели немцы. Приданная 37-миллиметровая зенитная батарея старшего лейтенанта Иволгина поддержала батальон. Дым окутал деревню. Человек двести немцев ушли в лес, в горы.

— Вперед!

Танки бригады, вытянувшись в колонну, свернули на лесную тропинку. Вплотную подступают высокие деревья. Тропинка то взбегает в гору, то стремительно сбегает в низины.

Справа от нас остается деревня Лагодов. Не встречая сопротивления, достигаем шоссе Перемышляны — Львов. Вдруг мне по радио сообщили:

— Со стороны Перемышляны движутся семь самоходок.

Подозвал к себе командира приданного взвода тяжелых

танков лейтенанта Никогосова.

— Прикроешь фланг бригады, пока танки перевалят шоссе.

Самоходные орудия, не подозревая опасности, продолжали двигаться по шоссе и угодили под огонь наших тяжелых танков.

Вброд форсируем реку Свирж. Продвигаемся по 10—12 километров в час. 20 июля утром бригада с ходу ворвалась в село Водники, вышла на шоссе Ходоров — Львов. Завязалась ожесточенная схватка. Со всех сторон наседали немцы. Они значительно превосходили нас и в живой силе, и в технике. Немцы занимали очень выгодные позиции, и каждый метр вперед стоил больших усилий. Наши танкисты проявили изумительную храбрость и отвагу.

Экипаж младшего лейтенанта Александра Семено, расстреливая фашистов из пушки и пулемета, одним из первых ворвался на позиции обороняющихся. И вдруг резкий удар о башню. Механик-водитель старший сержант Аким Басинский продолжал вести машину. Неожиданно умолк пулемет. Басинский оглянулся. Заряжающий Разгонюк перевязывал командиру голову.

— Поворачиваю назад! — крикнул по танко-переговорному устройству механик.

— Только вперед! — ответил Семено и снова встал у прицела.

Заговорил пулемет. Танк достиг высоты, когда вновь раздался оглушительный взрыв. Танк остановился, мотор заглох. На какое-то время сознание потерял и механик. Когда Аким Басинский очнулся, языки пламени уже лизали броню машины, забрались в моторное отделение. Аким напряг силы, с трудом сбил пламя. Бой стих. Прислушался — голоса. Немцы! Механик бросился к пулемету. Длинная очередь оказалась меткой. Немцы рассыпались по ржи.

Четверо суток коммунист Басинский провел один среди погибших друзей. Похоронил их, соорудил небольшой памятник. Четверо суток, превозмогая боль и усталость, он ползал по машине и чинил каждый проводок. Четверо суток без пищи, без санитарной помощи, в постоянной опасности. И лишь на пятые сутки завелся двигатель. Ослабевший танкист нагнал своих.

Механик-водитель гвардии старший сержант А. Басинский.

Тем временем бригада рвалась ко Львову. Фашисты предприняли ряд ожесточенных контратак. Вражеская авиация беспрерывно бомбила подразделения бригады. Приходилось рассредоточиваться в лесу, а это задерживало наше продвижение вперед.

Впереди движется второй батальон. В головной походной заставе взвод старшего лейтенанта Дмитрия Мефодьевича Потапова с группой разведчиков. В бригаде коммунист Потапов не так давно. У нас быстро завоевал авторитет и уважение. Избрали его парторгом второго танкового батальона.

Головной походной заставе нелегко. Она первой принимает

на себя удары. Прямым попаданием снаряда порвало гусеницу в танке экипажа коммуниста младшего лейтенанта Евгения Алексеева. Два других танка в это время огнем прикрыли друзей. Они расстреливали в упор наседавших гитлеровцев.

Повреждение устранено. Продолжают продвигаться вперед.

— Встретили артиллерийскую батарею, — докладывает старший лейтенант Потапов. — Виднеются и несколько танков.

— Опрокинуть заслон! — распорядился я.

Но сделать это не так-то легко. Слышу вновь взволнованный голос командира разведдозора:

— Перед нами опорный пункт. У нас создалось тяжелое положение.

Оказывается, танк лейтенанта Кулешова с ходу раздавил орудие противника, расстрелял прислугу. С закопанными танками пришлось завязать упорный бой. Тогда ему на помощь поспешили другие танки батальона.

На обочине дороги мне встретился обгоревший танк. Возле него на плащ-палатке труп механика-водителя сержанта Мурзина. Под густой кроной дерева сидит младший лейтенант Алексеев. Его уже успели перевязать, лицо полностью забинтовано. Услышав мой голос, Алексеев поднялся.

— Товарищ комбриг, не заметили «тигра», он нас с близкого расстояния…

После короткого боя бригада овладела небольшим населенным пунктом Давыдов. В бинокль уже видна окраина Львова. Еще одно усилие — и мы в городе. Тороплю второй батальон, на танках которого десант.

— Воздух! — докладывают наблюдатели.

Больше десяти «юнкерсов» на небольшой высоте шли в нашу сторону. Приказываю рассредоточиться. Почти в ту же минуту посыпались бомбы. Мы не досчитались трех танков, более десяти солдат и сержантов.

18.00 21 июля 1944 года. Мы на окраине Львова.

— «Киев», «Киев»! Я «Самара». Достиг окраины «Розы», продолжаю выполнять задачу, — доложил я комкору.

«Роза» — это Львов. Мы в старинном украинском городе. Учащенно забилось сердце. В суровый 1941 год я отходил с танковым полком по этим местам. А теперь вот возвратился.

АЛЕКСАНДР МАРЧЕНКО И ЕГО ТОВАРИЩИ

— Скорее, скорее берите «Розу», — подгонял меня по радио комкор генерал Белов.

Стих дождь. Из-за туч выглянули лучи заходящего солнца. Танки бригады рассредоточились в небольшой роще. Капитан Гаськов расстелил топографическую карту. Отчетливо видны улицы, переулки, площади.

— Иметь бы сейчас человека, кто бы хорошо знал Львов, — произнес один из офицеров штаба.

— Из местных жителей бы, — предложил подполковник Баранов.

— Смельчаков сесть на броню много найдется, — возразил подполковник Богомолов, — на такое ответственное дело нужен проверенный человек.

Смотрю на капитана Гаськова. Офицер усиленно трет рукой лоб, словно пытается что-то вспомнить. Вдруг он оживился.

— Если память не изменяет, у нас есть такой солдат, — неожиданно сказал он.

Капитан Гаськов быстро исчез в штабном автобусе, а спустя минуты три-четыре сияющий появился в дверях.

— Гаськов редко ошибается, товарищ комбриг, — крикнул он. — Старшина Александр Марченко, стрелок-радист.

И тут я припомнил этого невысокого, стройного с грустными глазами танкиста. С ним-то я почти с одним из первых познакомился, когда принял бригаду.

— Вызвать ко мне Марченко!

Минут через тридцать старшина доложил о своем прибытии.

— Львов хорошо знаешь? — спросили его.

— Вроде бы неплохо, — ответил гвардеец.

— А ну-ка, взгляни на карту.

Старшина неловко пожимает плечами.

— В карте не очень силен, — сконфуженно признался он. — Без нее могу обойтись.

И он рассказал, что Ходоровское шоссе, по которому мы шли к городу, упирается в улицу Зеленую. Это — рабочая окраина.

— А к центру бы мог провести головной дозор? — спросил я у Александра.

— Товарищ комбриг, даже с закрытыми глазами.

Экипаж, в котором служит Марченко, решили назначить в головной дозор. Я вызвал командира танка коммуниста лейтенанта А. Додонова. Он — в бригаде новичок. Недавно из военного училища. Сам из города Ленинграда. Родители погибли

в блокаду.

Лейтенант выстроил экипаж. Механик-водитель старший сержант Федор Сурков. Стрелок-радист старшина Александр Марченко. Заряжающий рядовой Николай Мельниченко.

— На вас, товарищи, на ваш экипаж «Гвардия», — сказал я, — возлагаются трудные, но очень важные и почетные задачи: первыми пробиться к центру города и поднять над ратушей красное знамя — символ освобождения Львова. Дорогу вам будет показывать коммунист старшина Марченко.

Я крепко пожал танкистам руки и передал алое полотнище. Саша Марченко срубил молодой дубок и, гладко обстрогав его, прикрепил к нему знамя.

Уже начало темнеть, когда комбат капитан Чирков ставил конкретную задачу. Рядом оказался наш фотограф Николай Григорьевич Чиж.

— Сфотографируй товарищей, — попросил я Чижа.

Щелчок. Пять человек оказались в кадре.

Экипаж танка «Гвардия». Слева направо командир танка гвардии лейтенант А. Додонов, стрелок-радист гвардии старшина А. Марченко, заряжающий гвардии рядовой Н. Мельниченко, командир танкового батальона гвардии майор Б. Чирков, механик-водитель гвардии старший сержант Ф. Сурков.

В 12 часов ночи танк «Гвардия» первым ушел вперед. Стояла

лунная ночь. Справа роща Погулянки. Танкисты движутся медленно. Связь работает безупречно.

— «Гвардия», «Гвардия», торопитесь! — кричал я в микрофон.

— Все идет хорошо, все идет отлично, — сообщал лейтенант Додонов.

Потом на этой волне начала доноситься музыка, чужая речь. Но связь мы не теряли. Экипаж в сопровождении 15 автоматчиков скрытыми путями к рассвету вышел к улице Зеленой.

— Впереди танки и пушки, — радирует мне Додонов. — Прислуга отдыхает, только часовые.

— Атакуйте, поддержим.

Раскаты орудийных выстрелов взорвали утреннюю тишину. Танк Додонова с ходу раздавил орудие, меткими выстрелами подбил один за другим два танка.

— Слева атакуют пять танков, — вновь докладывает мне Додонов. — Открываем огонь.

Выстрелы гвардейцев на редкость оказались меткими. Все пять танков были подбиты. Загорелись баки, начались взрываться боеприпасы. Во Львове немцы объявили тревогу. Слышу по радио:

— Русские с тыла атакуют.

Со всех сторон нас начали осаждать гитлеровцы. На левый фланг на перекрестке улиц поставил 76-миллиметровую батарею старшего лейтенанта Шабашова.

Продвигаться вперед нельзя. Бьют тяжелые минометы. Из-за угла двухэтажного дома огонь ведет «пантера». Со свистом проносятся снаряды.

Фашисты упорно атакуют левый фланг. Батарея старшего лейтенанта Шабашова оказалась в тяжелом положении. Выдвигаю танковый взвод Потапова, который шел вплотную за разведдозором.

— Попытайтесь удержать натиск гитлеровцев, — просил я старшего лейтенанта Потапова. — Обеспечьте левый фланг бригады.

Выслушав меня внимательно, офицер четко ответил:

— Удержим, товарищ полковник.

— Не медлить, быстрее спешите на помощь Шабашову.

Потапов бегом направился к своим машинам. Вскоре он скрылся в танке. Маневрируя по узким переулкам, взвод Потапова продвигался вперед. Опасность подстерегала на каждом шагу. Танк Потапова выскочил на перекресток. Из-за угла ударила «пантера». Снаряд, коснувшись брони, срикошетил. Механик-водитель сержант Федор Кожанов увел машину в укрытие. Танкисты решили выжидать. Фашисты вначале молчали. Минут через пять-семь из-за угла выползла «пантера». Башенный стрелок

сержант Мартьянов в упор выстрелил по гитлеровской машине, и «пантеру» в ту же секунду охватило пламенем.

Коммунист старший сержант Левшунов подбил самоходное орудие «фердинанд», осколочными снарядами рассеяло приближавшихся гитлеровских пехотинцев.

Однако гитлеровцы скрытым путем обошли батарею старшего лейтенанта Шабашова и ворвались на огневую позицию. Завязалась рукопашная схватка. Батарейцы убили более двадцати солдат и пленили человек восемь. В неравном бою были убиты старшина Алексюк и рядовой Паномарев, тяжело ранены Ф. Ширшов, орудийные номера Скобликов и Канарский.

А тем временем головной дозор с боем продвигался к центру города. Когда наступили вечерние сумерки, мы приостановились: продолжать наступление было небезопасно, фашистские фаустники могли принести нам немало беды.

Командный пункт бригады расположился в каком-то старинном особняке, обнесенном высоким железным забором. Мы наспех перекусили и с начальником штаба отправились к экипажу лейтенанта Додонова. На ближайших перекрестках были расставлены наши «тридцатьчетверки». Почти за каждым углом капитан Приходько расположил станковых пулеметчиков. Бригада прочно заняла оборону на ночь.

Члены экипажа лейтенанта Додонова восторженно нас встретили. Впереди в нескольких метрах немцы, и танкисты нас предупредили быть поосторожней. Пришлось укрыться за углом многоэтажного дома.

— Молодцы, — похвалил я танкистов, — быстро продвигались вперед. На рассвете продолжайте выполнять задачу.

— Спасибо механику-водителю Суркову, — сказал лейтенант. — Целы благодаря его смекалке.

Александр Марченко пояснил, что до центра уже рукой подать.

— Успехов вам, товарищи! — Мы крепко пожали танкистам руки и отправились на командный пункт. Решили произвести разведку в направлении наступления.

Вызвал к себе старшего лейтенанта Иванова и поставил ему задачу. В разведку был послан командир взвода лейтенант Анатолий Дмитрюк и несколько солдат. Часа через два разведчики возвратились. На плащ-палатке лежал окровавленный лейтенант. Я посветил карманным фонариком. На безжизненном лице виднелись пулевые пробоины. Оказывается, разведчики наткнулись на засаду и попали под сильный перекрестный огонь.

Старшина Соколов показал на топокарте, где примерно расположены огневые точки.

— Невдалеке заметны были и танки и орудия, — доложил разведчик.

На рассвете вспыхнул бой. Разведдозор быстро проскочил вперед, с ходу уничтожил орудие, а затем танк. Отбивая натиск с флангов, бригада рано утром пробилась к центру города.

«Гвардия» первой подошла к зданию ратуши. Из окон тянулись трассы пуль: фашисты открыли огонь по смельчакам.

— Не отрываться от автоматчиков, — напутствовал лейтенант Додонов.

Александр Марченко молча пожал танкистам руки и, взяв алое знамя, побежал к зданию. По ступенькам поднялся к парадному входу. За ним — автоматчики. По лестнице побежали вверх. Благополучно достигли третьего этажа. Вбежали в коридор. Преградили путь несколько гитлеровцев. Автоматчики быстро с ними расправились.

Александр побежал к башне, вылез на крышу и укрепил красное знамя.

Вниз воины спускались радостные и счастливые. Старшина Марченко первым выскочил на улицу и направился к танку. Вдруг из какого-то окна раздалась автоматная очередь. Две пули впились в грудь гвардейца. Марченко упал на мостовую. К нему подбежали лейтенант Додонов и старший сержант Сурков. Они бережно подняли истекавшего кровью Марченко, положили на танк и хотели отвезти в безопасное место. В это время вблизи танка разорвался снаряд. Осколок попал в голову Марченко. Из виска хлынула кровь.

К машине уже спешили другие автоматчики. Подбежал к танку санинструктор рядовой К. И. Рождественский. Он начал делать перевязку тяжело раненному в грудь и голову старшине. Откуда-то выстрелил снайпер. Рождественский тихо склонил голову на грудь товарища.

Санинструктор гвардии рядовой К. И. Рождественский.

Мы с болью восприняли весть о гибели двух отважных сынов бригады. Когда я подъехал со штабом к ратуше, на которой развевалось красное знамя, вокруг убитых собрались танкисты, мотострелки, артиллеристы и минометчики. Они застыли в тягостном молчании.

Мы похоронили коммуниста Александра Марченко в сквере на улице Кохановского (ныне улица Маяковского) и оставили на его могиле надпись:

> «Здесь похоронен танкист-уралец Александр Марченко, первым поднявший Красное знамя над освобожденным Львовом. Поклонись могиле героя, прохожий! Мы отомстим за него».

Бригада продолжала освобождать Львов. Мы отбивали улицу за улицей. К обеду 23 июля связываюсь по рации с впереди идущим батальоном.

— Ерофеев вас слушает, — докладывает мне начальник штаба второго батальона.

— Связь со взводом Потапова есть?

— Оба танка подбиты и сгорели. Потапов и Кулешов тяжело ранены. Их подобрала подошедшая пехота соседней части.

На душе неприятно. Несем большие потери. К обеду подошла на помощь Пермская бригада. Связываюсь с полковником Денисовым. Он сообщает свои координаты. Оказывается, мы рядом. Встречаемся. Коротко ввожу его в обстановку, организуем

взаимодействие. Комкор по радио поставил нам задачу: во что бы то ни стало захватить вокзал.

На улицы города высыпали толпы народа. Все машут, кричат. Я тороплюсь в бригаду. Она где-то впереди ведет бой. Нас останавливают женщины и ребятишки. Перегорожено пол-улицы, на дощатом заборе выведены дегтем крупные буквы:

«Товарищи Червона Армия, астарожно, тут мины».

Петляем по каким-то переулкам. Вскоре догоняем бригаду.

— Нам приказано брать вокзал, — говорю начальнику штаба.

Подполковник Баранов развернул карту. До вокзала не так далеко. Но, судя по всему, в том районе большое скопление гитлеровцев.

— Удастся ли прорваться?

Подполковник отвечает не сразу:

— Туда я выслал группу разведчиков во главе со старшиной Шевченко. Вот-вот должны вернуться. Да вот они идут.

Старшина Шевченко дал точные сведения о противнике, рассказал, как лучше продвигаться к вокзалу.

К вечеру начинаем штурмовать вокзал. Нам придан батальон автоматчиков майора Ишмухаметова из 29-й Унечской бригады. Бойцы ворвались на вокзал. На путях десятки груженых эшелонов. На платформах — пушки, танки, машины. Все это теперь наши трофеи.

24 июля взят вокзал. Бригаде поставлена новая задача: разгромить артиллерийские батареи гитлеровцев на Высоком Замке и уничтожить их бронепоезд, курсировавший между железнодорожными станциями Львов — Подзамче и Львов — Лычаков.

Вперед снова уходит танк «Гвардия». Он движется к Высокому Замку от улицы Русской. Удастся ли смельчакам подняться в гору?

Когда танк взбирался в гору, он неожиданно наткнулся на фашистское орудие. Гитлеровцы в упор выстрелили. Снаряд разорвался у башни. Взрывом сорвало люк командира, был убит лейтенант Додонов и ранен рядовой Мельниченко.

Механик-водитель старший сержант Сурков быстро увел машину в укрытие и с сержантом Терентьевым, сменившим Марченко, вытащил из танка Додонова и тяжело раненного в грудь Мельниченко.

Теперь гвардейцы остались вдвоем. Снова вперед. Терентьев обнаружил противотанковое орудие. Но было уже поздно. Гитлеровцы опередили. Снаряд ударил в борт танка. Осколками ранило Терентьева. Машина остановилась. Фашисты бросились к

ней. Тогда у прицела встал Сурков. Выстрел, второй. «Пантера» загорелась.

Пламенем охватило и танк Суркова. Тяжело раненный старший сержант Сурков с трудом выбрался из танка, а отойти от него не успел. В горящей машине стали рваться снаряды. Сильная взрывная волна отбросила Федора далеко в сторону…

27 июля 1944 года к утру город Львов усилиями многих частей 1-го Украинского фронта был освобожден. Правда, кое-где еще шла небольшая перестрелка. Это наши гвардейцы добивали засевших в домах и подвалах эсэсовских головорезов…

Командный пункт перемещается ближе к частям бригады, занявшим оборону на северо-западной окраине Львова. Нам встречаются несколько санитаров. Узнаю — наши. Они несут кого-то на носилках. Механик-водитель остановил танк.

— Убит?

— Ранен. Майор из соседней бригады.

Спрыгиваю с танка на землю, приподнимаю шинель.

Ахмадул Ишмухаметов. В течение многих дней его батальон был придан бригаде, и я видел в боях этого офицера. Отважен и смел.

Ахмадул слабо улыбнулся, тихо проговорил:

— Выживем, товарищ комбриг. Еще повоюем.

Угасал вечер. Над городом реяли алые флаги. Население ликовало. Бойцы торжествовали, а меня не покидала тоска по товарищам, павшим в боях за Львов.

В те дни отличились многие. Храбро дрались подчиненные офицеров Чиркова, Федорова, Коротеева, Акиншина, Пупкова, Приходько и других. Многие были отмечены орденами и медалями.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГРАНИЦА ОСТАЕТСЯ ПОЗАДИ

Несмотря на раннее утро, город был похож на растревоженный муравейник. На улицы Львова вышло буквально все население. На броню танков падали букеты живых цветов, танкистам на ходу вручали небольшие плетеные корзинки, доверху наполненные спелыми вишнями, крыжовником, клубникой.

Еще дымились развалины, а в садах и скверах солдаты раскидывали палаточные городки — места расположения военных госпиталей.

По улицам трудно было проехать. Они уже были заполнены подошедшими другими частями и соединениями Советской Армии. Отовсюду неслись приветственные возгласы, слова благодарности.

Мы спешили. Бригада получила новую задачу. Ночью, когда Совинформбюро передало сводку об освобождении Львова, меня вызвали в штаб корпуса. Генерал Белов ввел меня в обстановку. Соседняя 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко устремилась к реке Сан, имея задачу к исходу дня ее форсировать и ступить на территорию Польши.

Некоторые немецкие дивизии, боясь полного окружения, еще 24 июля начали поспешно отходить на юго-западном направлении на Самбор, пытаясь быстрее уйти в Карпаты. На пути фашисты оставили мощные заслоны. Заминировали дороги, мосты, переправы.

Нашей бригаде предстояло идти в передовом отряде корпуса и в первых числах августа ворваться в город Самбор. В конце беседы генерал сказал:

— Челябинцы вновь себя показали. Надо подумать, кого к званию Героя представить. Храбрецов у вас много.

От теплого напутствия, от приятных слов усталость как рукой сняло. До утра никто из офицеров штаба и политотдела не сомкнул глаз. Мы вновь склонились над склейками топокарт, а политотдельцы пошли в подразделение.

Львов позади. Танки бригады в стремительном марше рванулись в сторону Самбора. По сторонам шоссе колосились густые хлеба. Местами виднелись небольшие прямоугольники полей кукурузы и подсолнечника. На дороге — груда битой техники: следы бомбардировки нашей авиации. Хорошо поработали славные соколы!

Впереди шли танкисты третьего батальона, в головной походной заставе — рота старшего лейтенанта М. Ф. Коротеева.

На подходе к небольшому населенному пункту Вел. Любень танки Коротеева попали под сильный огонь фашистской артиллерии. Заминированной оказалась и дорога: подорвался танк головного дозора.

— Обходите село левее, не ввязывайтесь в бой, — приказал я командиру роты.

Слева овраг. Рота начала совершать маневр, и снова ее обстреляли противотанковые орудия. Стало ясно: фашисты в предгорьях Карпат намерены хотя бы на время задержать наше наступление.

Пришлось усилить головную походную заставу взводом 76-миллиметровых орудий, в котором обязанности командира исполнял старший сержант Петр Левшунов. Туда срочно я выслал взвод разведки старшины Соколова и отделение саперов во главе с лейтенантом Лившицем.

специальный выпуск красноармейской газеты

ВПЕРЕД НА ВРАГА

Вторник

25

июля 1944 года

В бой пошли коммунистами

Сильно пересеченная местность позволяет неприятелю довольно упорно оборонять отдельные рубежи. Фашисты оказали нам огневое сопротивление на подступах к небольшому городку Рудки. Пришлось развернуть почти всю бригаду. 30 июля первыми ворвались на южную окраину города танки старшего лейтенанта И. Любивца. С северной окраины немцев потеснила рота старшего лейтенанта И. С. Пупкова. Искусно маневрируя, вскоре в город с боем пробились подчиненные старшего лейтенанта М. Г. Акиншина.

Чистый красивый городок. В зелени утопали аккуратно выбеленные хаты, обнесенные живыми изгородями из деревьев. И очень жалко было смотреть, как некоторые из домиков

превращались в груды битого кирпича. Фашисты без разбора вели огонь по краснозвездным «тридцатьчетверкам», тяжелыми танками утюжили неубранные огороды.

Промелькнул указатель: «Самбор — 32 км». Пройдено полпути. Короткий привал. Батальоны расположились вдоль шоссе, выставив охранение, а штаб бригады обосновался в небольшом саманном домике, спрятавшемся в глубине обширного двора. Из колодца мы пили холодную ледяную воду, утоляя жажду. Хозяин дома — уже в годах мужчина — угощал нас свежим вареньем из клубники, хозяйка наварила молодого картофеля.

Мы разговорились. Старик с нескрываемой радостью говорил нам, с каким нетерпением местные жители ожидали прихода Советской Армии.

— Товажищ офицер, — взволнованно говорил он, — побачьте, яка спына.

Он поднял рубашку. Вся его спина была в кровавых подтеках.

— Оцэ германское клеймо. Утик я от них вчора из Самбора.

По словам хозяина дома, на северо-восточной окраине Самбора расположены десятка два-три танков, на перекрестках улиц — длинноствольные орудия, в огородах — минометы. Мы понимали, что дальнейшее наше продвижение по шоссе будет связано с лишними потерями. Нет, мы не могли рисковать людьми и техникой.

— Надо что-то предпринимать, — обратился я к начальнику штаба подполковнику Баранову.

Яков Михайлович взглянул на часы:

— Скоро должны возвратиться наши разведчики. Они сообщат кое-какие сведения.

На квадратном столике, расположенном под ветвистой яблоней, начштаба расстелил огромную склейку топокарты крупного масштаба. На ней ярко были обозначены населенные пункты, квадраты лесных массивов, отдельные дома и полевые дороги.

В это время во дворе появились в маскировочных халатах разведчики со старшиной Александром Соколовым. Командир взвода подошел к карте и доложил:

— В Хлопчинцах до батальона немецкой пехоты и до двадцати танков и самоходок. Вдоль шоссе, вот здесь, — он обозначил карандашом точку, — расположилась артиллерийская батарея.

Данные не весьма утешительные. В десяти километрах от нас закрепились немцы. Если ввяжемся в бой, не скоро дойдем до Самбора.

— Пойдем по лесам, — сказал я. — Южнее сел Хлопчинцы, Калинов и с юго-востока ворвемся в город.

— А Днестр? Как его форсировать? — поинтересовался капитан Гаськов. — Брод надо искать.

Старик слышал наш разговор. Он подошел ко мне, несмело спросил:

— Дозвольте вас проводить.

Не из организации ли украинских националистов? Нет, не похоже.

Вперед ушла рота старшего лейтенанта А. Сидельникова. На одном из головных танков сидел наш хозяин. Полевая дорога вскоре уперлась в реку Днестр. Нашли брод: старик нам его указал. Танки форсировали водную преграду. Двигались осторожно. К вечеру 6 августа вышли к селу Дубляны. Штурмовать село решили с двух сторон — со стороны Дрогобыча и Самбора.

Справа в наступление пошел первый батальон, а слева — второй. Третий батальон я пока оставил в резерве. Танки вытянулись по двум улицам, вдоль которых зеленели высокие деревья. В огородах стояли немецкие подводы, во дворах — автомашины, груженные продуктами, боеприпасами.

Мы застали немцев врасплох. Возникла перестрелка, гитлеровцы заметались в панике. Они бросали в упряжке лошадей и наутек разбегались по садам и огородам. Рота Сидельникова захватила штаб полка, взяла в плен несколько офицеров.

Второй батальон стремительно прорвался на восточную окраину населенного пункта. Первый батальон перекрыл все улицы на северо-западной окраине. Немцы оказались в ловушке. Челябинцы в упор расстреливали танки, бронемашины, давили обозы, которые пытались вырваться из кольца.

К десяти часам вечера подошли и другие части соседней армии. 7 августа село было освобождено. По пустынным улицам побрели колонны пленных. И вдруг, словно сговорившись, из подвалов и укрытий повыходили местные жители, на тротуары высыпали дети. Приветственные улыбки. Теплые рукопожатия. Велика радость освобожденных.

Танки бригады сосредотачиваются в небольшом лесу. В этот район выезжает и штаб. Вокруг танка старшего лейтенанта Сидельникова почему-то сгрудились солдаты.

Выхожу из машины. Лицо у старшего лейтенанта Сидельникова расстроено.

— Проводник убит, — сообщил он. — Даже фамилии его не знаем.

На корме машины в безжизненной позе застыл наш хозяин.

Пуля вражеского снайпера оборвала ему жизнь.

Решили похоронить с воинскими почестями. Саперы вырыли могилу. Тело старика бережно опустили в могилу. Раздался троекратный винтовочный залп. Прощай, патриот Родины!

Уже при ярких звездах подошли другие подразделения бригады. Командир третьего батальона возбужденно докладывает:

— Товарищ полковник, третий батальон уничтожил 5 танков, 10 орудий, пленил 100 гитлеровцев, захватил 2 средних танка, 12 повозок…

— Погоди, погоди, ведь твой батальон шел во втором эшелоне?

— А я вижу, первый батальон отвернул вправо, а второй — влево. Решил: двинем-ка в промежутки. И вдруг на улицу выбежали немцы. Видимо, стрельба их подняла на ноги. Ну, мы и давай их колотить. Потому и задержались немного.

Несмотря на жаркий бой, бригада особых потерь не имела. Фашисты подбили всего лишь два танка, один из которых сгорел, и одну приданную самоходку. Мы гитлеровцам нанесли большой урон, пленили несколько сот солдат и офицеров, захватили много боевой техники. Короткий отдых. Повар, старший сержант Шевченко, накрыл для нас стол. На плащ-палатке появились куски жареного мяса.

— И когда ты это успел, Иван?

— Пока вы немцев выковыривали из села, мы и постарались.

Горячий ужин получили и солдаты. Не могу не упомянуть теплым словом моего заместителя по тылу подполковника Хохлова и начальника продслужбы капитана Юмышева. В трудных условиях фронтовой жизни они сумели хорошо наладить службу тыла. Личный состав регулярно получал питание, обмундирование, даже нательное белье.

Помнится такой случай. На подступах ко Львову бригада завязала тяжелый бой. И вдруг к командному пункту подъехал грузовик. Кто же к нам пожаловал? Из кабины выскочил старший лейтенант П. Ф. Марков. Он подбежал ко мне и доложил, что привез обмундирование, обувь, чистое белье для личного состава.

Завскладом коммунист В. З. Тарасов и писарь Надя Пинегина быстро перегрузили имущество в штабные машины, и я их отправил в тыл.

Нередко было и так. Между боем короткая пауза. Глядишь, и на передовой появляется походная кухня. Как-то в районе Каменец-Подольского, когда бригада отбивала яростные контратаки, в расположение мотострелкового батальона приехала походная кухня. Валил густой снег, видимость ограниченная.

Младшие специалисты тыла этим и воспользовались, незаметно пробрались на передовую. Утомленные бойцы с жадностью набросились на кашу. В это время очередная контратака. За автоматы схватились и тыловики. Особенно отличился старший сержант Иван Шевченко. На него набросились четыре здоровенных эсэсовца, выбили из рук автомат и пытались взять в плен. Старшему сержанту удалось вытащить из чехла нож. Ловким ударом он убил двух гитлеровцев, а двух пленил. За смелость, проявленную в том бою, старшего сержанта мы наградили медалью «За отвагу».

И вот она красуется на его гимнастерке, поблескивает при луне. Для Ивана — это дорогая награда. Он не раз мне говорил:

— Приеду в родной Киев, стыдно будет перед земляками.

— Почему?

— Разве в поварах награду заслужишь. Будут говорить: Иван в тылах всю войну кашеварил. Нет, товарищ комбриг, больше не могу. Переведите в боевой экипаж.

— Пойми, — убеждал я его. — Ты здесь нам очень нужен. Лучше тебя эту работу никто не сделает. Кормить солдат — почетное дело.

Шевченко славился своим кулинарным мастерством. Еще до войны он работал в одном из киевских ресторанов, любил свое дело. И все же ему хотелось в боевой экипаж. Он и сейчас ко мне обратился с прежней просьбой.

— Война скоро кончится, а я все кашеварю, — и подал очередной рапорт.

Не успел я с Шевченко поговорить, как подбежал радист начальника штаба старший сержант Кестер.

— Товарищ полковник, передают приказ Верховного Главнокомандующего.

Все мы оставили ужин и бросились к штабной радиостанции. Приказ читал Левитан:

> «Сегодня, 7 августа, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Самбор, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий».

Ко мне протиснулся начальник моей радиостанции старший сержант Колчин:

— Товарищ полковник, вас просят на переговоры.

Я одел головные телефоны. По голосу узнал, что говорит новый начальник штаба корпуса полковник П. Д. Белов. Он поставил бригаде новую задачу.

Через двадцать минут бригада снялась с места и по шоссе, идущему на северо-запад к Мостиске, начала совершать форсированный марш. Туда устремились и другие части нашего 10-го танкового корпуса. Вдоль шоссе все еще дымились подбитые фашистские танки. Горели опрокинутые штабные автобусы, уныло плелись небольшие колонны гитлеровских вояк.

Нас торопили. Немцы предприняли яростные контратаки и пытаются сбросить советские части в реку Сан. На отдельных участках создалось довольно угрожающее положение. Противник из Жешува подтянул свежие резервы, бросил в бой крупные танковые силы. Вражеская авиация беспрерывно бомбит передовые части. Фашисты отчаянно контратакуют.

Совершив семидесятикилометровый марш, бригада на рассвете прибыла в район пограничного села Медика. Впереди река Сан. Мерно катят волны, свидетели недавнего боя. Понтонеры уже навели переправы. Нам предстоит переправляться на западный берег по наплавному мосту.

Граница. Кто-то уже успел установить пограничный столб. Ждем у переправы очереди. Танки и автомашины бригады рассредоточены в редком лесочке, выходящем клином к реке Сан.

— Братцы, неужели впереди заграница, — говорили бойцы, и многие из них аккуратно завертывали в тряпочки горсть родной земли.

— Теперь не остановимся до Берлина, — ликовали челябинцы.

Последний рубеж на родной земле: территория нашей страны полностью освобождена. Мысленно прощаются с любимой Отчизной, с милыми для сердца перелесками, полями в надежде в скором времени вернуться в родные края. Из раздумья выводит начальник политотдела подполковник Богомолов.

— Только что получил из политотдела корпуса, — говорит Михаил Александрович и протягивает мне вскрытый пакет. В нем оказались материалы для докладов и бесед на темы: «Современная Польша», «О советско-польских отношениях» и другие. Партийно-политическому аппарату и нам, командирам, предстояло значительно усилить агитационно-массовую работу среди личного состава. Находясь за рубежом родной страны, мы обязаны были высоко нести честь советского воина-освободителя.

— Я уже наметил план работы. Сейчас политотдельцы разойдутся по ротам, — сказал Богомолов. — Правда, мы уже беседы о Польше провели. Люди ясно сознают свой интернациональный долг, — добавил подполковник.

То там, то здесь группы танкистов. Они внимательно слушали политработников. Подошел и я к танкистам роты

Коротеева. Посыпались вопросы. Интересовались, по какому пути развития пойдет послевоенная Польша, что из себя представляет нынешнее польское правительство.

Время шло. На переправе — скопление различных родов войск. Мощные тягачи буксируют дальнобойные пушки, подошла колонна тяжелых танков, вперед рвутся груженые обозы, идут вторые армейские эшелоны матушки-пехоты, которая приотстала от стремительного броска танковых частей.

Жарко. Не терпится на противоположный берег.

— Мы со вчерашнего вечера ждем очереди, — говорит мне полковник, командир какого-то корпусного артиллерийского полка.

— «Юнкерсы» часто навещают?

— Всю ночь не давали покоя. Несколько раз сбрасывали осветительные ракеты, бомбили, но мимо переправы. — Полковник потянулся к портсигару. — Да вот глядите, легки на помине…

На высоте двух-трех тысяч метров шло до двух десятков вражеских бомбардировщиков. Ударила наша зенитная артиллерия, застрекотали крупнокалиберные пулеметы. Одного из «юнкерсов» охватило пламя. Оставляя густой дым, самолет стремительно падал на землю. В небе вспыхнул еще один костер. В полосе дыма показался белый купол парашюта.

Сильный заградительный огонь не позволил фашистам подойти близко к переправе. Воздушные пираты, сбросив беспорядочно бомбы, отвернули на запад. Вдогонку им помчались краснокрылые «ЯКи».

К обеду нашей бригаде удалось пристроиться в хвост какой-то колонне. Противоположный берег. Вздыбились разрушенные доты, обгоревшие коробки «тигров» и «пантер», разбитые орудия.

Спешим к Перемышлю (Пшемысль). Шоссе запружено войсками. Танки идут стороной, подымая густые клубы пыли. Улицы города украшены красно-белыми польскими знаменами. Население приветливо нас встречает. Мой головной танк превратился в яркий букет: он осыпан цветами.

— Нэх жие Раджецка Армия! — кричит кто-то из толпы.

— Да здравствует Красная Армия! — уже по-русски выкрикивает другой поляк.

— Ура-а!.. Ура! — несется отовсюду.

Также тепло встречали нас поляки в освобожденных Жешуве, Кольбушова, Мелеце. В это время ожесточенные бои развернулись в районе города Сандомира. С ходу форсировав в нескольких местах реку Вислу, наши войска прочно закрепились на плацдарме. Немцы предпринимали отчаянные контратаки,

стремясь ликвидировать плацдарм и восстановить оборону по Висле.

9 августа ночью мы переправились по наведенным мостам через Вислу, и к рассвету бригада заняла оборону западнее города Сташув.

Вечером 10 августа командир корпуса меня предупредил: по данным разведки, немцы в районе Хмельника сосредоточили крупную группировку и намереваются нанести удар по нашим войскам.

Ночью в тыл врага ушел Саша Соколов с несколькими разведчиками. Вскоре они вернулись и привели пленного. Он подтвердил, что на рассвете гитлеровцы намерены нас контратаковать. Старшина Соколов сообщил, что по шоссе со стороны Хмельника движутся колонны танков, мотопехоты, часть которых уже рассредоточилась на опушке леса, что перед нашей обороной.

На рассвете появились фашистские танки. На подразделения бригады был обрушен шквал артиллерийско-минометного огня. Связываюсь с левофланговой ротой старшего лейтенанта Сидельникова.

— Подбили три средних танка, — докладывает офицер. — Немцы нажимают крепко. Пока держимся.

К обеду на отдельных участках бригады немцам удалось вклиниться в нашу оборону. На угрожаемое направление я успел выдвинуть 76-миллиметровую батарею и приданную батарею самоходно-артиллерийских установок. Самоотверженно дрались челябинцы. Дальнейшие попытки развить удар в направлении Сташув разбились о стойкость советских воинов.

Несколько дней противник бешено контратаковал наши позиции. Но безуспешно. Мы уже начали глубоко зарываться в землю. Образовался так называемый Сандомирский плацдарм за Вислой — 75 километров по фронту и 50 километров в глубину.

Настали дни, о которых в сводках Совинформбюро сообщалось:

> «На некоторых участках фронта — поиски разведчиков и бои местного значения».

За этой короткой фразой скрывались напряженные фронтовые будни. Немцы нередко прощупывали нашу оборону, они все еще надеялись сбросить нас в Вислу. Нам было нелегко. Позади почти месяц непрерывных боев. Вновь поредели ряды челябинцев, уцелевшие танки можно было сосчитать по пальцам. Ждем пополнение. А пока что добровольцы роют траншеи, хода сообщения, землянки.

В молодом сосняке расположился штаб. В землянке при свете фронтового «электричества» — фитиля, вставленного в гильзу из-под снаряда, мы подолгу корпели над составлением учебных программ, продумывали, как наладить учебу с пополнением, которое вот-вот к нам придет из Челябинска и других городов Урала.

В один из таких вечеров, 23 августа, меня вызвали к аппарату.

— Поздравляю тебя, Фомичев, и всех челябинцев, — зарокотал в трубке голос комкора генерала Белова. — Слушай Указ Президиума Верховного Совета СССР… — и он прочел, что наша бригада за успешные действия при освобождении Львова награждена орденом Красного Знамени.

25 августа памятный для нас всех день: на нашем гвардейском знамени появился первый боевой орден. Его нам вручил командир корпуса.

Ровно через месяц к нам вновь приехал генерал Е. Е. Белов, начальник политотдела корпуса полковник И. Ф. Захаренко и начальник штаба полковник П. Д. Белов, как его в шутку прозвали солдаты, Белов Маленький.

Приказано выстроить личный состав бригады. Ровными рядами замерли челябинцы.

— Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР…

Генерал Е. Е. Белов начал читать. Полковнику Фомичеву Михаилу Георгиевичу присвоить звание Героя Советского Союза. Такого высокого звания удостоены и офицеры бригады Павел Кулешов и Дмитрий Потапов, старший сержант Федор Сурков. Первые Герои… В бригаде — торжество.

20 ноября добровольцы принимали гостей. Приехала из Челябинска делегация во главе с В. С. Коржевым — заместителем заведующего военным отделом обкома партии. В составе делегации — рабочие, колхозники, актеры. Они привезли подарки, письма.

…Импровизированная сцена. Встреча челябинцев с делегацией. Коржев вручает мне подарок Челябинского обкома КПСС — никелированную саблю. На ней надпись:

> «Герою Советского Союза полковнику Фомичеву Михаилу Георгиевичу».

По списку вызывают офицеров. Подходит подполковник В. И. Хохлов. Он только на днях вернулся из госпиталя после ранения во Львове. Ему вручают подарок.

В это время левее полевого «клуба» шлепнули несколько мин. На передней поднялась пальба.

Коржев наклоняется ко мне, спрашивает:

— Часто такое бывает в обороне?

— Почти ежедневно.

— Старший лейтенант Сидельников, — вызывает начальник штаба.

Из «зала» кто-то кричит:

— Задерживается.

— Его рота на передовой, это она ведет бой, — пояснил я Коржеву.

Через три часа, когда утих бой, в землянку к нам был приглашен старший лейтенант Александр Сидельников. Коржев тепло с ним поздоровался и, вручая подарки, спросил:

— Значит, это и есть смелый танкист?

— Что я особенного сделал, — смущенно пробормотал офицер. — Федя Сурков — иное дело.

— Расскажи гостям хотя бы о сегодняшнем бое, — попросил я командира роты.

— Что там рассказывать. Обыкновенный бой был, такой же, как вчера, позавчера… Значит, сидим мы в танках, — начал Александр, — смотрим в приборы наблюдения. Вдруг мне докладывает лейтенант Бирюков: «Слева — танки!» Хитер же немец. Решил нам во фланг ударить. Думаю про себя: «Не выйдет у тебя, фашист, и эта затея». Быстренько развернул танки влево. Свою машину поставил в кустах. Немец жмет, а когда до его «тигров» осталось двести пятьдесят метров, скомандовал: «Бронебойным — огонь!» Дали немцам прикурить. Четыре «тигра» подожгли, а те, жаль конечно, удрали.

— Стало быть, сильный бой был? — не сдержался кто-то из членов делегации.

— Что там сильный. Бой местного значения.

Командир танка гвардии лейтенант Н. И. Бирюков.

Через три дня делегация уехала, а вместе с ней уехала в Челябинск и делегация нашей бригады, чтобы дать отчет землякам, рассказать, как добровольцы выполняют наказ жен, отцов, матерей, братьев, сестер.

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

Бригада отводится с передовой линии. Находясь во втором эшелоне обороны, мы начали усиленно готовиться к новым боям. Днем и ночью проводили занятия с танковыми и стрелковыми ротами.

…На опушке леса залегла стрелковая рота старшего лейтенанта Ермакова. Впереди показались цели. Огонь открыли артиллеристы 76-миллиметровых пушек. С первого снаряда поражал цели действовавший за наводчика коммунист старший сержант Петр Левшунов. Пехота пошла в атаку. Впереди — танки. Челябинцы отрабатывали вопросы взаимодействия…

Короткий отдых между «боями». В соснах тщательно замаскированная «тридцатьчетверка». Читаю надпись: «Александр Марченко». Товарищи чтут память павших в боях.

Я подошел к танкистам.

— Смирно! — мне навстречу шагнул капитан Чирков.

— Вольно, товарищи. Отдыхайте.

В руках у младшего лейтенанта Суркова (ему на днях присвоили это звание) развернутый лист бумаги.

— Домой письмо пишешь?

— Другу, товарищ полковник. Помните Александра Мордвинцева, командира орудия нашего экипажа.

— Как же, его тяжело ранило в Львове.

— Так он в Львове и остался, — продолжал Сурков, — по нашей просьбе поступил учиться в государственный университет имени И. Франко. На днях от Саши письмо получили. Послушайте, что пишет:

— «…Зачислен студентом 1-го курса филологического факультета. Очень доволен… Львов — город хороший, красивый, почти весь сохранился, чувствуется, что и освобождали-то его красиво, по-добровольчески, по-уральски. И все-таки меня очень тянет к вам, на фронт. Скучаю о друзьях-товарищах… Учеба дается легко, изучаю латинский, французский, русский, украинский… Привет всем, всем. И бате Фомичеву передайте мой низкий поклон. Целую, ваш Саша Мордвинцев».

— А вот что мы товарищу пишем, — и Сурков прочел текст письма: — «Дорогой Саша! Прими от друзей сердечный фронтовой привет. Ты сейчас студент одного из старейших университетов. Это делает нам честь, и мы гордимся тобой.

Будь, Саша, гвардейцем и в учебе. Докажи на деле, на что способны лучшие сыны нашей Отчизны — коммунисты, сменившие танк на книги. Докажи всем маловерам, что тем и

сильна наша Родина, что вчерашний фронтовик-гвардеец является передовиком учебы, примером дисциплины и организованности. Пусть знают, как крепнет наша дружба гвардейцев и сильна связь боевых друзей фронта и тыла.

Жми, Саша, на полные обороты, не давай пробуксовки и холостого хода. Пусть все чувствуют по ухватке и стилю работы, что ты бывший фронтовик.

Помни наш гвардейский наказ: не сдавать позиций без боя. Помни наш гвардейский закон: там, где наступает гвардия, — враг не устоит, там, где обороняется гвардия, — враг не пройдет!

Учеба — это тоже бой, бой разума, сознания. Бой за овладение вершинами науки. Желаем тебе успехов в учебе. Ты не одинок. Твои друзья тебе помогут.

Целуем тебя, твои боевые друзья: Чирков, Денисов, Кулешов, Сурков, Пупков, Сидельников, Ерофеев, Литвенко, Лисьих…»

Сурков аккуратно сложил лист бумаги.

— Мы решили помочь студенту, — заговорил капитан Чирков. — Собрали «фронтовую надбавку» к стипендии. Пусть приоденется немного. Семь тысяч рублей.

— Хвалю за смекалку, товарищи, — сказал я. — Это и есть закон войсковой дружбы!

Невдалеке расположилась еще группа солдат. Доносится голос старшего лейтенанта Ермакова, командира роты автоматчиков. Оказывается, идет комсомольское собрание. Командир роты остро критиковал солдат, которые недостаточно упорно осваивали военное дело. Помнится, темпераментно выступали комсорг роты старшина Засанский, автоматчики-рядовые Салов, Сартюхов, Зимин, комсорг батальона старшина Доломан и другие.

Затем рассматривались заявления желающих вступить в ряды ВЛКСМ.

— Впереди у нас серьезные бои, — сказал я в своем выступлении. — Сейчас задача номер один — овладеть искусством ведения современного боя. Поэтому наш долг — каждую свободную минуту использовать для учебы.

В бригаде не ослабевала партийно-политическая работа. Политотдел и штаб заботились об идейно-теоретической подготовке командиров. Офицеры изучали директивы и указания Ставки Верховного Главнокомандования, произведения классиков марксизма-ленинизма.

Много внимания уделялось учебе политработников, парторгов рот и батарей. Например, на семинарах с парторгами рот и батарей были такие темы, как «Марксистско-ленинское учение о партии», «Задачи парторганизаций по воспитанию

молодых коммунистов», «Работа парторга с партийным активом», «Расстановка партийных сил в бою», «Партбюро — орган коллективного руководства», «Партийное руководство комсомолом».

Работникам штаба нередко приходилось выступать и перед агитаторами, редакторами боевых листков, низовыми активистами. Корпусная газета «Доброволец» и армейская «Вперед на врага» ярко рассказывали о подвигах героев, помещали фотоснимки лучших воинов. Во многих статьях и корреспонденциях на страницах газеты командиры делились опытом ведения наступательного боя в лесистой местности и в населенных пунктах, поднимали вопросы о взаимодействии, о ведении встречного боя и т. д.

Как-то к нам в бригаду приехал редактор газеты 4-й танковой армии полковник В. Е. Федотов. Он побывал в ротах и батареях, говорил с добровольцами, вникал в жизнь и быт солдат, сержантов и офицеров. А вскоре на страницах газеты «Вперед на врага» появилась серия очерковых материалов под рубрикой — «Так бьют врага челябинцы-добровольцы». Рассказывалось о коммунистах-офицерах А. Сидельникове и М. Акиншине, старшине А. Соколове, старшем сержанте П. Левшунове и других.

Личный состав бригады упорно готовился к боям.

Наступил январь 1945 года. Бригада скрытно выдвигается на передовую. Теперь у нас новенькие «тридцатьчетверки». Полностью укомплектованы личным составом. Наконец-то мне дали заместителя. Им стал полковник Алаев. Сменились и комбаты. На первый батальон назначен старший лейтенант Егоров, на второй — капитан Чирков, на третий майор Бондарев. Вместо капитана Приходько прибыл майор Г. И. Старостин.

Звонок из штаба. Комкор генерал Е. Е. Белов пригласил нас к карте.

— Немцы бьют союзников в Арденнах, — без всяких предисловий начал он. — Черчилль обратился к Сталину с просьбой — ускорить наступление Советских войск на нашем фронте.

— Фомичев, когда готов к наступлению? — спрашивает комкор.

— В любую минуту, хоть сейчас.

— Как с боеприпасами, горючим?

— Всем обеспечены, не жалуемся.

— А вы, товарищ Жуков? — обратился генерал к комбригу 61-й Свердловской бригады.

— Свердловчане готовы!

…11 января вечером в штабной землянке собрались офицеры

бригады.

— Завтра в бой. Бригада — передовой отряд армии. Наша ближайшая задача — войти в прорыв, форсировать реку Чарна Нида и захватить город Хенцины. В дальнейшем наступать на Петркув-Трыбунальски. Готовность к 12.00 ночи.

В полночь мне докладывали комбаты:

— Все готово!

…Легкий морозец, два-три градуса. За ночь выпал снег. Тихо-тихо. И вдруг в 6 часов 15 минут разом ударила наша артиллерия. 240 стволов на каждом километре! Сотни, тысячи снарядов. Сплошная канонада стояла в течение часа.

В воздух полетели красные ракеты. По радио разнесся сигнал:

— Вперед! Вперед!

По полю рассыпалась пехота.

В 14.00 бригада устремляется в прорыв. Вперед вырывается первый батальон капитана Егорова. Фашисты отчаянно огрызаются. Все места, доступные для движения, заминированы. Широкие противотанковые рвы.

Оборона прорвана. Тороплю первый батальон, чтобы он скорее прорывался к Малешуву. Комбат мне докладывает:

— Встретил сильное сопротивление. Развернул батальон.

На рубеже Гуменице — Малешува немцы установили до десяти танков, несколько самоходных орудий. Все подступы заминированы.

Принимаю решение — выдвигаю вперед танки-тральщики. Поддерживаем их огнем. Короткий бой. В два часа ночи врываемся в Малешува. За сутки пройдено более тридцати километров.

Бригада, обходя узлы сопротивления, стремительно продвигается к городу Хенцины. Временами нас беспокоит вражеская авиация. Где-то правее продвигаются свердловчане и пермяки.

Слева от нас наступает передовой отряд 3-й армии под командованием полковника И. И. Якубовского. Мы тесно взаимодействуем с соседями, вовремя информируем друг друга.

У фашистов поднялась паника. Гитлеровцы спешно выдвинули из Кельце танковый полк, который занял оборону на западном берегу реки Чарна Нида. Разведка точно доложила: мосты взорваны, берега заминированы. Город Хенцины превращен в опорный пункт. На улицах баррикады, угловые каменные здания превращены в доты. Город опоясан широким противотанковым рвом.

Я выехал в первый батальон, который остановился в сосновом лесу.

— Егоров, твой батальон пойдет в передовом отряде, — сказал я комбату. — Постарайтесь найти брод через реку Чарна Нида.

В деталях обговорили предстоящую задачу.

— Чей взвод пойдет в головном дозоре?

Старший лейтенант ответил не сразу. Он знал: дозор пойдет на опасное дело и такая задача по плечу лишь наиболее смелым.

— Лейтенанта Цыганова пошлем.

Петр Иванович Цыганов к нам прибыл на Сандомирском плацдарме. Рослый, симпатичный, немного смуглявый, он и впрямь походил на цыгана. Бывший слесарь-инструментальщик одного из московских заводов, он быстро завоевал авторитет среди воинов.

По неровной полевой дороге танк Цыганова, искусно маскируясь в кустарнике, первым продвигался вперед. В триплексах промелькнули полосатые гитлеровские танки.

— Останови машину, — приказал лейтенант механику-водителю.

Над рекой висела туманная дымка. Фашисты, не подозревая об опасности, грелись у костра. Цыганов навел орудие. Выстрел. Уцелевшие гитлеровцы бросились к танкам. Еще два выстрела и загорелась «пантера».

— Вперед!

Фашисты обрушили на взвод страшный огонь. Поле вздыбилось темными фонтанами. Но механики-водители, маневрируя на поле, уводили машины из-под огня. Достигли реки. Удача сопутствовала смельчакам. Река обмелела, и подо льдом было совсем немного воды. Вброд переправились на противоположный берег.

Вслед рванулись танки роты старшего лейтенанта Ивана Любивца. С восточной окраины Хенцины ударили тяжелые орудия. Слева открыли огонь закопанные танки. Появилась группа пикирующих бомбардировщиков. Сотрясая воздух, рвались бомбы. Загорелась одна из «тридцатьчетверок», но другие танки роты Любивца уже втягивались в городскую черту.

Тем временем танки лейтенанта Цыганова уже вели уличные бои. «Тридцатьчетверки» словно заколдованные, шли вперед. На пути — уличная баррикада. Цыганов, чтобы не нарваться на мины, произвел по ней два выстрела и с ходу таранил баррикаду броней.

Из-за угла ударил «королевский тигр». Потом показался еще один такой танк. Положение осложнилось. Лейтенант открыл ответный огонь и подбил одну гитлеровскую машину, но второй «тигр» успел разбить гусеницу нашего танка, Ранило лейтенанта.

Загорелось на броне в запасных бачках горючее.

Механик-водитель и радист-заряжающий бросились сбивать пламя, а офицер продолжал вести огонь по гитлеровцам. Лишь с пятого снаряда он подбил и второй танк.

«Тридцатьчетверку» охватило пламя.

— Оставить машину, — приказал Цыганов членам экипажа и сам выбрался через нижний люк наружу. Хотел отползти за баррикаду, но гитлеровцы открыли сильный пулеметный огонь. Члены экипажа оказались отрезанными от своих.

Начали отбиваться от наседавших врагов. В ход пустили гранаты. Вторично был ранен Цыганов. Рядом — фашисты, а в дисках автоматов по десять-двенадцать патронов.

Вдруг возгласы: «Ура!», «Ура!»

— Наши идут, держись, ребята, — сказал лейтенант членам экипажа и в упор открыл огонь по группе приближавшихся немцев. Цыганов уничтожил еще 15 гитлеровцев.

В это время экипаж младшего лейтенанта Бирюкова несколькими выстрелами из орудия проломил стену в доме, затем его протаранил насквозь и выскочил за баррикаду. Гвардейцы были спасены.

За проявленный героизм Петр Иванович Цыганов был представлен к высокой правительственной награде — званию Героя Советского Союза.

Командир танка Герой Советского Союза гвардии лейтенант П. И. Цыганов.

Весь день 15 января прошел в уличных боях. Нашей бригаде удалось перехватить все дороги, ведущие к Хенцинам. Отступать

врагу было некуда. Части 17-й фашистской танковой дивизии оказались в огневом кольце. Подошедшие бригады корпуса добили оставшихся в живых гитлеровцев.

Особенно сильный натиск нашей бригаде пришлось выдержать на северной окраине города. Перерезав шоссе Варшава — Краков, мы тем самым отрезали пути отхода группировке немцев из Кельце. Это было несколько неожиданно для врага. Фашисты решали прорваться по шоссе. Подразделения бригады были подвергнуты бомбовому удару. Через некоторое время со стороны Кельце появились отступающие части противника.

Тяжелое положение создалось на участке третьего батальона. До тридцати танков врага атаковали батальон. В разгар боя начальник штаба батальона капитан Злобин доложил:

— Из строя вышли три танка. Отражаем атаки.

Я связался по рации с подполковником Табелевым, командиром приданного бригаде 72-го гвардейского Львовского тяжелого танкового полка. Полк находился на северо-западной окраине Хенцины.

— Перебрось на северную окраину две роты, — приказываю ему. — Туго приходится моему третьему батальону.

Вскоре тяжелые танки пришли на помощь челябинцам. Непрерывные контратаки врага разбились о стойкость гвардейцев.

Вечером получаем новую задачу: бригада должна первой ворваться в Пшедбуж, а затем стремительным броском выйти на юго-западную и западную окраины Петркув-Трыбунальски и отрезать пути отхода гитлеровцам.

До Пшедбужа по шоссе не менее 70 километров, а напрямик намного меньше — 50 километров.

— Будем продвигаться вне дорог, — сказал я офицерам штаба. — Опыт есть, местность проходимая.

Накануне выпал обильный снег. Но он особенно не препятствовал нашему продвижению. На рассвете мы с ходу без труда освободили деревню Лопушно. Небольшой немецкий гарнизон не ожидал появления русских. Враг не оказал нам ни малейшего сопротивления.

Вброд форсировали небольшую речушку Чарна и к обеду 17 января подошли к Пшедбужу, расположенному на западном берегу реки Пилица. Нам повезло: немцы не успели взорвать мост, и мы любезно им воспользовались.

Первым влетел на мост танк младшего лейтенанта Бирюкова, шедший в головном дозоре. Экипаж уничтожил охрану и ворвался на окраину города. Вскоре мы потеряли связь с головным

дозором. Мне не дает покоя мысль: что же с младшим лейтенантом Бирюковым? Связываюсь с командиром головной походной заставы старшим лейтенантом Сидельниковым.

— Что у вас случилось? Где Бирюков?

— У нас порядок, товарищ комбриг! Рота уже на западном берегу Пилицы, а Бирюков где-то в городе уже ведет бой.

Основные силы спешат к городу. Подтягиваются батальоны. Спустя несколько минут Сидельников взволнованно докладывает:

— Фашисты прижали нас к реке. Спешите на помощь.

Позже удалось выяснить, что танк младшего лейтенанта Бирюкова далеко оторвался от роты. Бирюков всегда действовал решительно и смело, внезапно, как снег на голову, обрушивался на врага, беспощадно уничтожал гитлеровцев. А тут допустил ошибку. В городе оказались довольно большие силы вражеской техники и пехоты. Немцы увидели, что на улице один лишь советский танк. Они быстро подтянули на восточную окраину несколько танков и пехотных рот, прижали роту Сидельникова к реке, успели организовать оборону.

По счастливой случайности экипаж Бирюкова остался в живых. Но нам ошибка командира разведдозора стоила дорого. Бригада не смогла сходу овладеть Пшедбужем. Рота старшего лейтенанта Сидельникова была вынуждена отойти на восточный берег.

— Немцы подтянули очень много артиллерии, — доложил мне Сидельников. — Южнее моста расположены самоходные орудия.

Только закончился этот короткий разговор, как с запада в нашу сторону ударили орудия. Вокруг нас рвались снаряды.

— Пшедбуж с ходу не удалось взять, — доложил я командиру корпуса. — Мешает сильный артиллерийский огонь, и нет смысла зря губить технику.

Генерал Е. Е. Белов знал, что у нас почти нет артиллерии. Он сообщил, что севернее нас в тридцати километрах к реке подошли подразделения Свердловской бригады, и приказал:

— Будете форсировать Пилицу на участке 61-й бригады.

Подразделения бригады повернули строго на север. В головной дозор я выделил три «тридцатьчетверки», а командиром назначил помощника начальника штаба первого батальона коммуниста старшего лейтенанта Петухова. Дул неистовый ветер, а вскоре пошел густой снег. Мы с трудом пробивались сквозь белесую пелену. Не продвинулись мы и километров пять, как Петухов по рации доложил:

— Товарищ комбриг, захватил целехоньким деревянный мост. Для танков вполне пригоден. Мы уже на западном берегу.

— Молодец, Петухов, это по-гвардейски! — похвалил я офицера. — Спешим к вам.

Старший лейтенант Петухов потом рассказывал:

— Продвигаемся на север, гляжу, вроде бы движется обоз. Куда бы это? Ага, к мосту. Ну мы и шарахнули по гитлеровцам. Они и руки вверх. Двенадцать подвод досталось нам, и взяли в плен двадцать власовцев.

Мы подходим к пленным. Понурив головы, они прячут глаза. Кто-то из добровольцев сует одному из пленных под нос кулачище. Гляжу, это старший сержант Касымов. Один из лучших командиров пулеметных взводов.

— Ты что ж это, Касымов?

Он подходит ко мне и чуть не плачет:

— Да я бы их гадов сейчас пустил бы на тот свет. Погань такая. Разрешите, товарищ комбриг, их пустить в расход?

— Без нас найдут на них управу, а нам некогда, надо добивать фашистов, — успокоил я Касымова.

Бригада продолжала наступать. К вечеру следующего дня вышла на шоссе Ченстохова — Петркув-Трыбунальски севернее деревни Воля-Нехицкая. Шоссе оказалось заминированным. Подорвался танк первого батальона. И все-таки старший лейтенант Егоров повернул танки строго на северо-запад на Петркув, и вскоре батальон был встречен прицельным артиллерийским огнем.

— Нам нечего ввязываться в бой, — решили мы в штабе. — Ударом на Белхатув отрежем пути отхода немцев.

До города Белхатув, который расположен западнее Петркува, 20—25 километров. Это на час-два перехода.

Смеркалось, когда мы вошли в деревню Грохолице — по существу окраина Белхатува. Поляки тепло нас встретили.

— Мы ждали вас, — говорили они, — но не думали, что вы придете так внезапно.

Ко мне подошел пожилой человек.

— Я добже по-русски мовлю, пан офицер, — сказал он. — Воевал в Красной Армии в Первой Конной. Рад пшиятеле видеть.

— В Белхатуве немцы есть? — спросил я поляка.

— Дуже богато. Штабы, тылы.

В руках у челябинцев появились кринки с молоком, сало, моченые яблоки. Я вижу, как хмурится пулеметчик Пяткин — заводила и весельчак. Знаю, ему хочется растянуть меха баяна, да нельзя. Не время.

Я пригласил командира разведвзвода старшину Соколова.

— Точными данными о противнике мы не располагаем. Пока ужинаем, проведи разведку, что там в Белхатуве.

— Я об этом уже позаботился, товарищ полковник, — сказал мне старшина. — Послал на задание сержанта Анатолия Романова и двух разведчиков. Вернутся, доложу.

Повар Шевченко подносит тарелку с едой. Отварная картошка, куски жареного сала и мяса.

— Для начальства стараешься? А людей чем кормишь, Иван, небось «бронебойной»?

— Нет, товарищ полковник, с солдатского котла. Всем одинаково — картофель с салом.

Подошел командир первого батальона старший лейтенант Егоров. Он отводит глаза в сторону:

— Извините меня, товарищ комбриг. Хотел как лучше, но малость оплошал, полагал, что удобнее идти на Петркув.

— Подобные штучки в боевой обстановке плохи, — сказал я офицеру. — Прежде всего надо было посоветоваться.

Старший лейтенант ушел, а я все еще думал об этом случае. Конечно, разумная инициатива похвальна, но ведь Егоров имел определенное задание — оседлать шоссе и ждать дальнейших указаний. Благо, все обошлось благополучно.

Возвратились разведчики.

— Разрешите доложить, товарищ полковник? — обратился ко мне сержант Романов.

— Садитесь, пожалуйста, ешьте и докладывайте.

— Да, это не мешает, — присаживаясь, говорит сержант. — Сутки во рту не имел даже крошки.

— В городе полным-полно гитлеровцев, — откусывая кусок сала, говорит разведчик. — Много пушек, но в основном это тыловые подразделения какой-то дивизии. Есть и танки.

— Покажите на карте, где танки стоят.

— В основном на восточной и северо-восточной окраинах.

— А как ведут себя гитлеровцы?

— Они нас не ожидают. Пьют шнапс, веселятся.

Прошу Колчина связать меня со штабом корпуса. Колчин усердно крутит рукоятку настройки, что-то колдует возле радиостанции.

— Батареи сели, что ли? — в сердцах себя спрашивает радист. — Ан, нет. «Киев», «Киев», «Киев», — кричит в трубку старший сержант. — Пожалуйста, товарищ полковник.

Докладываю генералу Е. Е. Белову, что достиг окраины Белхатува. Он несколько секунд молчит, видимо, смотрит в топокарту.

— Вот так артисты челябинцы, — доносится его любимое выражение. — И когда же вы это успели? Ну, хорошо, штурмуй город, мы не удивимся, если ты завтра скажешь: я на окраине

Берлина. Ладно, ни пуха ни пера.

Танковая лавина направилась к городу. Ночь светлая, лунная. И вдруг в эту тишину ворвались звуки орудийных выстрелов, пулеметных очередей. Этот внезапный и сильный огонь вызвал среди немцев панику. Я видел, как во двор метнулся рослый гитлеровец, потом, словно споткнувшись, упал возле подводы.

Прислушиваюсь к звукам. Где-то рядом дробно застучал немецкий пулемет и вдруг захлебнулся: видимо, фашиста настигла пуля уральца.

Тотчас же позади нас выстрелила пушка, стрельба поднялась справа и слева. Вдоль улицы прошелестели снаряды. Перед нами неожиданно взметнулись языки пламени: разорвалась мина.

На какое-то время в городе все смешалось: было трудно понять, где свои, где враг. Потом постепенно стрельба утихла. Первый батальон без особых потерь овладел восточной окраиной, а третий — вышел на западную окраину и перерезал пути отхода гитлеровцам.

Возле углового коттеджа — группа солдат. Свои или чужие? По голосам узнаю — наши. Мне навстречу выбегает старший сержант Касымов:

— Майор Старостин оставил нас на этом перекрестке. Ни один фашист не унес ноги целыми. Вон их сколько на мостовой.

Командир батальона автоматчиков уже в первые минуты боя выслал на западную окраину пулеметный взвод. Касымов на перекрестке сходящихся улиц занял оборону. Гитлеровцы стали убегать на запад и угодили под огонь наших пулеметчиков.

Я соскочил с танка и с начальником штаба подошел к пулеметчикам, чтобы поблагодарить их за смекалку и отвагу. В это время ко мне подбегает солдат:

— Товарищ полковник, гляжу в доме горит свет. Думаю, а кто же там? Открыл дверь и чуть ли не ахнул. Фашисты семью вырезали.

Вошли в коттедж. На полу полураздетая женщина, в груди ее немецкая финка. Возле женщины сидит девочка трех-четырех лет. Увидев нас, она закричала в отчаянии. Кто-то ласково обратился к ней, протянул руки. Девочка заплакала, прижимаясь к безжизненному телу зверски убитой матери. Прибежали и соседи. Старый поляк, подошел к девочке.

— Ядвига, — позвал он и взял ребенка на руки. — Это семья пана Казимира. Германцы зло надругались.

— Мы им и за ваших людей, и за наших отомстим, — сказал Богомолов.

Я первым вышел на улицу. Неожиданно раздалась пулеметная очередь. Стоявший рядом со мной солдат Мальцев

схватился за грудь. На снегу появились черные пятна.

— Куда ранен? — спросил я солдата, поддерживая под руки.

Автоматчик Мальцев ответить не успел: он скончался. Ко мне подошел комбат Старостин и доложил:

— Убит командир взвода Касымов. Мы потеряли отважного командира, храброго коммуниста, — едва сдерживая слезы, промолвил он.

В садике, среди оголенных вишен, хоронили мы Касымова.

— Прости, дорогой друг, что не уберегли тебя. То, о чем ты так мечтал, верим — сбудется. Мы дойдем до Берлина и сполна отомстим врагу за наши слезы и горе. Спи вечным сном, отважный челябинец, — сказал над могилой командира взвода Михаил Александрович Богомолов.

— Ты многого заслужил, храбрый из храбрейших, у нас нет времени, чтобы похоронить тебя с воинскими почестями, но мы тебя не забудем, — рыдал командир батальона майор Георгий Иванович Старостин.

Из свежей земли вырос холмик.

Командир мотострелкового батальона гвардии майор Г. И. Старостин (1945 г.).

Бой продолжался. Враг спешно начал отходить на северо-запад, в сторону города Лодзь. И я торопил челябинцев. Надо было выиграть время, не давая врагу опомниться, бить его, преследовать, с ходу уничтожать подходящие резервы.

По сторонам — лесные массивы. Высланный вперед разведдозор во главе со старшим лейтенантом Петуховым где-то

в пяти-семи километрах от нас. Петухов — штабной работник, но его я вторично уже послал в разведку. Он хорошо ориентируется на местности. «Читает» топокарту. Хитер и смекалист. Может под носом у противника незаметно пройти.

— Иду на Злочев, — хрипит в телефонах голос Петухова. — Уже в триплексах показались крутые берега Варты. Будем искать брод до вашего подхода.

Только я закончил разговор с Николаем Ивановичем, как старший сержант Колчин передает мне микротрубку.

— Это Белов. Где находишься? — спрашивает комкор.

Называю координаты:

— К Варте подходим напротив Злочева.

— Опаздываешь, Фомичев. Свердловчане уже на западном берегу. Буженином овладели. Только что доложили. Так что поворачивай на север и переправляйся на участке свердловской бригады.

Форсирование реки — нелегкое дело. Мы не стали рисковать и поддались соблазну: как-никак переправа уже обеспечена.

Повернули на северо-запад. Через полчаса старший лейтенант Петухов радирует мне:

— Вижу целехонький мост. Но перед ним расставлены фашистские танки и орудия.

— Что ты? Это наши, не путай.

— Товарищ комбриг, мне же ясно видны черные кресты на танках, а возле орудий бегают немцы.

Я выехал вперед. Остановились на опушке леса. Метрах в пятистах виднелись танки. Чьи они? Вскинул бинокль. В самом деле, немецкие — полосатые, с крестами на башне. Немцы чем-то встревожены. Они скрытно передвигаются, жерла орудий направлены на восток.

— Прав ты, Петухов? Не пойму одного: где же свердловчане?

Вдруг созрело решение: внезапно атаковать неприятеля.

— Твое дело, Петухов, к мосту прорываться. Головой отвечаешь за его сохранность. Иначе Варту не преодолеем.

Заговорили наши пушки. Танки стремительно помчались к немецким огневым позициям. Немцы не успели, как говорят, и глазом моргнуть. Загорелась одна, вторая «пантера». Колеса левофлангового орудия полетели в сторону.

От опушки к мосту вела прямая дорога. По ней помчался экипаж танка, в котором сидел старший лейтенант Петухов. За ним — танк Бирюкова. Рота Любивца уже утюжит траншеи, танки Акиншина подминают прислугу орудий.

Хорошо видно, как передняя «тридцатьчетверка» ворвалась на мост. Ее огнем поддерживала батарея 76-миллиметровых пушек.

У моста огневую позицию занял танк Бирюкова. Оставили мы здесь для охраны еще два орудия.

На левом берегу — город Буженин. Туда уже ворвались танки первого батальона с десантом на броне. Старший лейтенант Егоров мне радирует: «На улицах баррикады, противник ведет огонь». Ответил ему радиограммой: «Обходите баррикады, быстрее выдвигайтесь на западную окраину».

К обеду город Буженин оказался в наших руках. Немецкие танки, которые уцелели, ушли на северо-запад в сторону Серадза. Искусно проведенный маневр позволил нам избежать лишних потерь, захватить мост через реку Варту, сохранить город от разрушений. В этом бою погиб заместитель начальника оперативного отделения капитан Гаськов, которого мы все очень любили.

В небольшой роще мы остановились на короткий отдых. Люди заметно устали, но виду не подавали. Собравшись в кружок, они вели задушевные разговоры, курили, угощали друг друга трофейным шоколадом.

И не только люди — машины устали. Черные, покрытые грязью танки и низкорослые самоходки остывали, медленно отдавая тепло окружающему снегу, превращая его в грязь.

А мы в штабе уже прокладывали новый маршрут. И я мысленно видел — весь удар направлен в самое сердце Германии. Пройдет еще день-два, и мы ступим на вражескую территорию, а там недалеко и Берлин. Главное — не терять времени. Пока что наши танки опережают отступающего противника. Фашисты никак не поймут наш замысел. Они не успевают оседать на промежуточных рубежах, в панике мечутся от одной бреши к другой.

Начальник штаба лукаво мне подмигивает:

— Здорово мы сегодня ошарашили немцев.

В открытую дверь автобуса врывается команда «Смирно».

— Лелюшенко к нам приехал, — сказал Богомолов, который стоял у автобуса.

Я пошел навстречу командующему.

— Товарищ генерал, Челябинская бригада, овладев городом Буженин, готовится к новым боям…

Генерал на меня смотрит удивленно.

— Как ты здесь оказался? А где же подполковник Зайцев?

— Понятия не имею. Не встречался.

— Как, он же нам доложил, что его бригада освободила город.

Недоуменно пожимаю плечами. Позже все выяснилось. Утром 61-я Свердловская бригада подошла к Буженину. Подполковник

Василий Иванович Зайцев, назначенный вместо погибшего Н. Г. Жукова, поспешил доложить: город взят. Но тут бригада, встретив сильное огневое сопротивление, вынуждена была отойти в северо-западном направлении в лес, где и готовилась для повторного удара. Мы ее опередили, атаковали во фланг, опрокинули гитлеровцев и с ходу овладели городом.

Командующий внимательно выслушал меня, а затем сказал:

— Твоя бригада действует в направлении главного удара. Нами перехвачены немецкие радиограммы. Они ждали прямолинейного развития наступления, а мы им попутали карты, резко меняя направление танкового удара. Теперь готовься идти на Злочев, далее на Лютутув. Фашисты ждут, что мы пойдем на Калиш. А мы пойдем значительно южнее.

Я склонился над картой. Теперь нам предстояло идти на юго-запад, прорваться к Одеру.

Прощаясь, Дмитрий Данилович тепло пожал нам всем руки. Пожелал удачи.

К шести часам вечера бригада с приданными 72-м тяжелым танковым полком, артиллерийским полком, дивизионом «катюш» и саперной ротой устремились на юго-запад. Шел мокрый снег. По единственной полевой дороге танки беспрепятственно подошли к Злочеву. Небольшой немецкий гарнизон сдался без боя.

Потом на Лютутув. Широкое шоссе. Головная походная застава нагоняет немецкий обоз. Офицер Любивец приказывает открыть огонь. Над фашистскими повозками просвистели снаряды. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, подняли руки.

Любивец мне радирует:

— Захватил 50 повозок и 80 гитлеровцев из команды фолькштурм. Куда их деть, ума не приложу.

— Оставь автоматчиков для охраны.

Без боя был взят Лютутув. Позади остаются другие города. Движемся на удалении 70—80 километров впереди общевойсковых соединений. На рассвете 21 января выходим к польско-германской границе. Бригада собрана в кулак. Перед нами первый немецкий город Шильдберг. Перед нами — чужая жизнь. На размышления — минуты. Приданный артиллерийский полк немного отстал. Что делать? Ждать артиллерию, упустить время? Нет. На это мы не могли пойти.

Посоветовавшись, решили обеспечить атаку своими силами, огнем танков. Третий батальон я развернул вдоль железнодорожной линии. Рядом заняла огневые позиции минометная рота. Два других батальона с десантом на броне подтянул к виадуку.

— По фашистской нечисти — огонь!

Третий батальон открыл дружный огонь. Два других батальона на больших скоростях ворвались в Шильдберг. Немцы преспокойно спали. Работает почта, телеграф, вокзал. Разукрашены витрины магазинов. Вывеска «Комендатура города». Во дворе красивый черный лимузин «ганомак». К машине подбежал солдат, вскинул автомат.

— Постой, постой, — остановил его замполитех роты старший лейтенант Владимир Седов, — для комбрига пригодится.

Новенький «ганомак» мне безотказно служил до самой Праги.

В городе преобладали чистенькие коттеджи с глухо закрытыми ставнями: немцы не очень хотели встречаться с воинами Советской Армии.

Вот она, Германия! Мы ступили на вражескую землю. Трудно нам пришлось до нее добираться. Но добрались, одолели все препятствия. Одних только рек пришлось форсировать более десяти.

Иду по улице. Немецкая аккуратность видна везде. Узенькие улицы чисто подметены. Город словно вымер. Возле углового магазина толпятся солдаты.

— Что там церемониться, бей-ка витрину, — доносится чей-то голос. — А не то, дай я. — Солдат снимает автомат, хватает его за ствол. Вижу: сейчас ударит прикладом.

— Это что еще такое?

Автоматчик удивленно смотрит на меня. Приказываю солдатам уйти в подразделение.

Политотделу бригады пришлось в те дни много работать. Мы призывали солдат гуманно относиться к немецкому населению. Разъясняли, что за развязывание войны, за все те зверства и грабежи, творимые гитлеровцами на нашей земле, виновны фашистские главари, а не старики и дети, оставшиеся в занятых нами городах и селах. Мы призывали наших солдат и офицеров соблюдать честь и достоинство советского человека.

Снова спидометры танков отсчитывают километры. Танки первого батальона с автоматчиками на броне, шедшие в авангарде, вслед за Пермской бригадой первыми подошли к Одеру. Короткий зимний день 21 января был на исходе. Вот он, Одер! Фашистское командование намерено на этом рубеже задержать наступление советских войск.

В те часы мы не представляли себе всей опасности, таившейся за этой широкой рекой. Западный берег был утыкан железобетонными надолбами, перепоясан траншеями, ходами сообщений. Гитлеровцы на этот рубеж стянули колоссальное количество танков, самоходных орудий, орудий различных

систем — от 88-миллиметровых зенитных пушек до дальнобойных орудий, врытых в землю.

Командир корпуса генерал Белов распорядился форсировать реку севернее Штейнау. Саперы начали делать переправу. Лед был оторван от берега метра на два-три, и саперы, по грудь в воде, соединяли лед и берег досками, бревнами.

Ночью началось форсирование реки. На лед ступили стрелки 29-й Унечской мотострелковой бригады. Севернее — на левый берег устремились бойцы 6-го механизированного корпуса нашей армии.

Немцы открыли ураганный огонь. Гулко ударили тяжелые орудия. Но уже ничто не могло остановить наступающие подразделения. Судьба германской реки была предрешена. На левый берег ступили советские солдаты. Русское «ура» прокатилось вдоль многоводной реки. Плацдарм расширился.

НА ПОСЛЕДНИХ РУБЕЖАХ

Над Одером клубился серый, как вата, туман. Гитлеровская дальнобойная артиллерия ведет интенсивный обстрел переправы. Тяжелые снаряды беспорядочно рвутся по сторонам моста. С ходу бригада вступает в бой. Наша задача — идти вдоль реки строго на юг и совместно с другими частями захватить Штейнау.

Нам приходится туго. Вторые сутки ведем изнурительный бой. Фашисты яростно контратакуют. Их танки неожиданно появляются из-за укрытий, в упор расстреливают «тридцатьчетверки».

Рота старшего лейтенанта Акиншина за день отбила девять контратак, но ни на шаг не отступила назад. Раненый Акиншин не ушел с поля боя. Погиб недавно прибывший из штаба 4-й танковой армии командир третьего батальона майор Бондарев. Пал смертью храбрых и его заместитель по политчасти капитан Мошев. Исключительное мастерство управления боем показывают офицеры Любивец, Пупков и Коротеев. Храбростью отличается и майор Старостин. К нам он прибыл недавно, на Висле, но и за это короткое время показал себя настоящим организатором общевойскового боя.

…Стоял пасмурный день. Южный ветер принес тепло, и снег на глазах таял. Я собрал командиров батальонов, развернул перед ними карту:

— Вот в этой точке мы находимся. В трех километрах от нас вот за этим леском — деревня Лампенсдорф. Мы за день иной раз продвигались по 70—80 километров, а сегодня надо преодолеть три километра и захватить Лампенсдорф. Нелегко это сделать, но надо. Сумеем ли?

Первым нарушил молчание майор Старостин:

— Согласны с вами, что теперь другая обстановка. Фашисты успели заковать себя в бетон и сталь. И все-таки сумеем.

А как это лучше сделать? Разведка бригады донесла, что деревня превращена в сильный опорный пункт. На ее восточной и северо-восточной окраинах имеются блиндажи с железобетонными колпаками, надолбы, или, как их называли, «зубы дракона». Хорошо продумана и система огня. Все подступы искусно заминированы.

— Обстановка сложная. Идти в лоб, пожалуй, бессмысленно, — сказал капитан Чирков.

— Зачем в лоб? А мы зайдем с запада и внезапно ударим, — поспешил высказаться майор Старостин.

— Этот вариант приемлем, хотя он и таит в себе большую

опасность, — заключил я. — Можем оказаться в тисках немцев. Мы с начальником штаба об этом думали.

Пришли к одному решению. Впереди пойдут танки второго батальона с автоматчиками на броне, а фланги обеспечивают два других танковых батальона.

К вечеру скрытно выдвигаемся к деревне. Танки Чиркова и автоматчики Старостина открыли огонь по отдельным домам. Начали пристрелку по деревне танки из тяжелого армейского полка.

Немцы, судя по всему, не намерены оставить занимаемые позиции. Фашисты даже перешли в контратаку. Батальоны коммунистов Чиркова и Старостина оказались в тяжелом положении: на занимаемые ими позиции двигались с двух сторон танки, поддерживаемые огнем минометчиков.

Старостин во весь голос кричал:

— Приготовить противотанковые гранаты!

— Бронебойщикам бить по уязвимым местам!

— Пулеметчикам и автоматчикам отсекать пехоту!

— Коммунистам и комсомольцам, отразив контратаку, первыми ворваться в деревню.

Последние слова комбата потонули в грохоте боя. Старостин подполз к пулеметчику коммунисту Пяткину:

— Вот так их, Алексей Иванович, чтоб знали, кто такие челябинцы!

Из кустов появилась «пантера». Жерло пушки перемещается справа налево. Фашист метит выстрелить в «тридцатьчетверку». Возле рядового Пяткина лежат две противотанковые гранаты. Комбат схватил одну из них — и в смотровые щели. Фашисты ослеплены.

— Хорошо! На тебе в придачу! — и Старостин бросает под гусеницы еще противотанковую гранату.

«Пантера» завертелась на месте.

В полный рост идут эсэсовцы. Цепь все ближе и ближе. Старостин встречается взглядом со своим комсоргом Доломаном, который ползет к соседнему пулеметному расчету.

— Евмен Михайлович, подымай свою комсомолию, а мы с Белоусовым — коммунистов.

— Есть, товарищ майор!

— Вперед, за Родину! — крикнул комсорг и первым поднялся в атаку. За ним — комсомольцы роты коммуниста старшего лейтенанта Ермакова. Фашисты дрогнули, их цепь изогнулась, левофланговые солдаты попятились назад. Гитлеровцы залегли.

Контратака противника была отбита, но вперед мы не продвинулись.

— Жаль, в деревню не смогли прорваться, — сокрушался Старостин. — Но завтра обязательно ее захватим, товарищ комбриг.

На рассвете 31 января повторная атака. Танки бригады, обходя отдельные узлы сопротивления, начали теснить гитлеровцев.

— Наш танк уже прорвался в центр деревни, — с радостью доложил мне командир первого батальона старший лейтенант Егоров.

— Кто же этот смельчак?

— Комсомолец Иван Романченко, командир экипажа «Комсомолец».

Я хорошо знал этого рослого танкиста. К нам он прибыл осенью 1943 года. Родом он из Полтавщины. 17-летним пареньком поехал работать в Кривой Рог, а затем вместе с заводом эвакуировался в Магнитогорск. Потом попал в бригаду, начинал службу заряжающим. Иван Ефимович не раз отличался в боях, был награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу». Экипаж Романченко шел в голове колонны, в числе первых форсировал реки Чарна Нида, Пилицу, Варту.

Теперь Иван Ефимович со своими комсомольцами первым прорвался в центр деревни. На пути его танк уничтожил бронетранспортер, расстрелял несколько автомашин с боеприпасами.

Потом завязалась дуэль с «фердинандом». Иван Романченко со второго выстрела подбил самоходное орудие. Из-за угла ударил фаустник. «Тридцатьчетверка» загорелась.

— Усольцев и Агапов, за мной! — крикнул он механику-водителю и радисту-пулеметчику, — Надо сбить пламя!

Схватили брезент. Из укрытий выскочили фашистские автоматчики и бросились к танкистам. Романченко в их сторону метнул «лимонку». Несколько гитлеровцев замертво упали на землю.

Со всех сторон к танку приближались немецкие автоматчики. Иван Ефимович бросился в танк. Прильнул к прицелу. Очередь, вторая, третья. Уцелевшие фашисты попятились назад.

Вот еще группа. Снова заговорил пулемет. Еще несколько эсэсовцев остались на снегу. Гитлеровцы вроде бы приутихли. А танк пылает. Пламя лизнуло руки, дохнуло в лицо.

Иван Ефимович кричит товарищам: «Гасите! Сбейте брезентом пламя!» В ответ — молчание. Только сейчас он понял, что остался один. Схватил брезент, быстро сбил пламя.

Командир танка Герой Советского Союза гвардии старший сержант И. Е. Романченко.

Из-за угла показалась новая группа фашистов. Комсомолец-гвардеец, будучи раненым, до последней минуты отбивался, пока не подоспела помощь.

Санитары уложили его на носилки. Заметив меня, с досадой сказал:

— Ребят жалко, погибли. И меня не вовремя.

— Ты герой, Иван, много гитлеровцев уложил!

К обеду танки вышли к восточной окраине. Последовали одна за другой ожесточенные контратаки. Наткнувшись в центре на сильный огонь, немецкие автоматчики начали наседать на правый фланг, пытаясь отсечь нашу пехоту от танков.

К вечеру натиск ослаб, деревня Лампенсдорф оказалась в наших руках. Так мы завершили окружение города Штейнау и находящейся там группировки.

В тот день мы испытали двойную радость: узнали, что нашей бригаде присвоено наименование «Петраковской».

Из разведданных, полученных из штаба корпуса, выяснили, что противник срочно подтягивает крупные силы и намерен прорваться к городу Штейнау. Мы заняли оборону. Автоматчики зарылись в землю. Выгодные огневые позиции заняли танкисты. Противотанковые орудия расположили на танкоопасных направлениях.

К вечеру со стороны противника показались танки. Рота старшего лейтенанта Каширского первой приняла неравный бой. Противник пытался обойти танкистов с фланга и попал под огонь

подчиненных офицера Крюкова.

В течение нескольких дней бригада стойко оборонялась, сдерживая бешеные атаки фашистов. Помнится, рота автоматчиков офицера К. Салихова оказалась в очень трудном положении: на нее двигалось до десяти танков.

— Надо выстоять! — обратился коммунист к солдатам.

И выстояли! А тем временем другие части добили группировку немцев в Штейнау.

Бои постепенно откатываются на запад. Фашисты не сдаются. За спиной Берлин, и они ожесточенно обороняются.

Впереди деревня Герцогсвальдау. Командир разведдозора комсомолец лейтенант Иван Гончаренко доложил:

— Деревню обороняют танки и до батальона пехоты.

Целый день выковыриваем немцев. Дома кирпичные, даже сараи сложены из кирпича. Что ни дом, то огневая точка. К вечеру овладели деревней. В ней ни души. Потом из леса появляются женщины. Они бегут нам навстречу.

— Наши, родные освободители!

Подбегают к солдатам, целуют, плачут. Лица изможденные, на головах — рваные тряпки, вместо платьев — лохмотья. Наперебой рассказывают о тех страшных муках, которые они испытали в немецкой неволе.

— Ой, дивчата, даже не верю, что побачу свою ридну Украину, — радостно говорит одна из женщин.

— Да, скоро вас отвезут на Родину, — говорит политработник Лурье.

Прошло еще несколько дней, и части нашего корпуса продвинулись значительно на запад. Наша бригада идет в передовом отряде корпуса. Немцам приказано до последней возможности оборонять город Любин, и они доставляют нам немало неприятностей.

Бригада повернула на северо-восток и, описывая крутую дугу, перерезала последние дороги отхода на запад вражеским войскам. Крупный гарнизон оказался в кольце наших танков.

С утра 11 февраля возобновилось наступление. Кругом густые леса, движемся по проселочным дорогам. Слева от нас обширное поле. Невдалеке от дороги обгорелые «тридцатьчетверки», опрокинутые, с ржавыми колесами 122-миллиметровые гаубицы, приземистые самоходки «СУ-76».

Откуда здесь советская техника? Подъезжаем к «тридцатьчетверке». Башня опрокинута, на броне вмятины — следы артиллерийских снарядов. Порваны гусеницы, рядком валяются два катка. Мы с начальником штаба заглянули во внутрь танка. На днище лежали два обгорелых трупа.

— Варвары, упражнялись по живым мишеням.

Мы оказались на испытательном полигоне. А потом мы увидели бараки, обтянутые несколькими рядами колючей проволоки. Перед нами концентрационный лагерь.

Солдаты открыли ворота. На улицу высыпали пленники, обступили челябинцев. Обнимали их и целовали. Люди от счастья плакали. Мы с Барановым вошли в барак. На нарах умирали изможденные люди. Я распорядился выдать продукты узникам и оказать медицинскую помощь.

Но то, что мы увидели в другом бараке, поразило воображение. Кучи детской одежды, обуви, мешки, набитые волосами. А рядом печи-крематории, в которых были живыми сожжены дети.

Мной овладело необычайное чувство мести. Я вышел на улицу и думал, на что способны варвары XX века. Меня окликнул Баранов.

— Любивец ворвался в Шпроттау, захватил аэродром и более десяти исправных самолетов.

Рота Любивца шла в головной походной заставе. Обходя узлы сопротивления, отважный офицер смело ворвался в город. Мы поспешили ему на помощь. Зеленый красивый город, раскинувшийся по обе стороны притока реки Бобер, неприветливо встретил нас. Немцы превратили его в опорный пункт. Кирпичные дома фашисты приспособили для кругового обстрела.

Вырвавшись за реку, мы поспешили к городу Заган — к узловому центру железнодорожных и шоссейных дорог. В Загане находился крупный вражеский гарнизон. Мы прошли за один час 18 километров и обошли город с севера.

— Прикрывай левый фланг корпуса, — приказал мне генерал Е. Е. Белов.

Вдоль шоссе, ведущего на Зорау, куда устремились танки Свердловской и Пермской бригад, мы заняли оборону. Со стороны города Заган на шоссе вскоре появились немецкие танки. От первых залпов загорелись два головных «тигра». Потом вспыхнуло и самоходное орудие. Гитлеровцы скрылись в лесу, а через полчаса начали яростно нас атаковать. Батальон Г. И. Старостина отбил одну за другой две атаки.

Фашисты начали атаку в третий раз. Майор Старостин, перебегая от взвода к взводу, охрипшим голосом подавал команды, личным примером увлекал подчиненных.

Немцы начали обтекать правый фланг, но наткнулись на болото и попятились назад. Командиры взводов старшие лейтенанты Крюков и Черноморов, находившиеся на правом фланге, подбили по одному «тигру».

Передовые части корпуса с ходу овладели Зорау и Тейплиц, ушли далеко вперед и вскоре оказались отрезанными от главных сил армии. Свердловская и Пермская бригады были зажаты в клещи и оказались в тяжелом положении. Врученная мне телеграмма от комкора гласила:

«Ожидаем помощи. Постарайтесь прорваться к нам».

Со мной на командном пункте находился командир 68-й отдельной армейской танковой бригады полковник Приходько.

— Будем прорываться, — решили мы.

В сторону Зорау идет узенькая шоссейная дорога, к которой вплотную подступают вековые сосны. Батальон Егорова будет наступать вдоль шоссе. Это — отважный офицер, и ему, поручая важное задание, на прощание сказал:

— Правее вас будет наступать третий батальон. Поддерживайте с нами непрерывную связь. Ясно?

— Так точно, — бойко ответил комбат и захлопнул люк. Я что-то еще ему крикнул, но мой голос потонул в шуме работающих танковых двигателей.

Штаб бригады снялся с места и двигался за танковым батальоном. Короткий зимний день был на исходе. Где-то впереди зачастили выстрелы.

— Рота Любивца завязала бой с передовыми подразделениями противника, — радировал мне Егоров.

Вперед мы выдвинули артполк. Пушки били прямой наводкой по подходящим фашистским резервам. Мы начали теснить немцев.

Спешу в первый батальон. Навстречу попадаются санитары.

— Кого несете?

— Капитана Любивца.

— Иван, что же ты так неосторожно?

Любивец немного смущен, что я его назвал по имени.

— Кажется, отвоевался, — простонал Любивец. — Левая нога перебита.

— Выздоравливай, да побыстрее.

Я вскочил на танк, оглянулся. Санитары понесли носилки к машине. Я очень сожалел, что Любивец не дошел до Берлина. Мы с ним вместе пришли в бригаду. Все меньше и меньше остается тех, кто начинал путь под Орлом.

В самый разгар боя радист Колчин принял короткую радиограмму: «Егоров убит». Подозвал к себе заместителя подполковника Алаева.

— Выдвигайтесь в первый батальон. Егоров убит.

На рассвете еще одна радиограмма. Я видел, как Колчин ее

принял, и по его лицу понял: что-то снова случилось.

— Алаев погиб, — едва вымолвил Виктор. — Бросился в атаку, и пуля оборвала ему жизнь.

Первый батальон немцы обошли с двух сторон. Создалась довольно сложная обстановка. С батальоном прекратилась связь. Это очень меня обеспокоило.

Пробиваемся по шоссе. Второй батальон Чиркова расчищает нам путь, сдерживая натиск немцев на левом фланге. Вперед вырвались танки третьего батальона.

К обеду штаб достиг окраины Зорау. На небольшой полянке замерла «тридцатьчетверка». Возле машины на хвое лежит тяжело раненный лейтенант Горбунов — командир танка. Он часто любил повторять:

— Скоро будем в Берлине, а там и по домам.

Ему не удалось дойти до фашистского логова. Тяжелый снаряд подбил танк. Лейтенант едва шевелит иссохшими губами. Кто-то из офицеров штаба расстегнул ворот его обгоревшего комбинезона, подал флягу с водой.

К нам подходит механик-водитель танка старший сержант Василий Кружалов. Сквозь бинты сочится кровь.

— До последнего держались, и шагу назад не ступили, — сказал Горбунов. — «Тигр» из-за насыпи выполз и нас по борту.

Подошли санитары. Кружалов ни в какую не хочет идти в госпиталь.

— Товарищ комбриг, заступитесь, — он обратился ко мне. Из-за пустяковой царапины отправляют в госпиталь. Не могу я сейчас идти. За друзей буду мстить.

Что с тобой делать, дорогой товарищ? Василий отбивается от санитаров.

— Заварю пробоину в броне и на Берлин, — доказывает он командиру медсанвзвода капитану Кириллову.

— Ладно, оставьте его, — попросил я.

Позже стало известно, с каким упорством сражались члены этого экипажа. Кружалов, маневрируя среди деревьев, смело вел машину на врагов. Горбунов подбил «пантеру», затем «тигра», бронетранспортер. Кружалов гусеницами давил контратакующих пехотинцев.

Спешим в первый батальон. Шофер Толя Космачев крикнул:

— Самолеты!

После бомбежки мне сообщили печальную весть: убит полковник Приходько, командир 68-й отдельной армейской танковой бригады.

К вечеру мы прорвались к главным силам корпуса.

— Подоспели вовремя, — сказал генерал Белов. —

Продержались бы еще час-два. У нас худо с боеприпасами, а горючего вовсе нет.

Генерал выглядел устало. Глаза воспалены. Потрескавшиеся губы кровоточили. Таким комкора я еще не видел. И в этих трудных условиях, когда мы шли по глубоким немецким тылам, он оставался верен себе: руководство войсками осуществлял непосредственно на передовой.

Не успели мы обменяться и несколькими фразами, как комкора вызвал к рации командарм.

— Получили новую задачу, — выйдя из автобуса, сказал Белов. — Пойдем строго на юг, чтобы завершить окружение гитлеровской группировки в Верхней Силезии.

Движемся по дорогам, по которым 132 года тому назад шли русские солдаты во главе с Кутузовым.

Бунцлау. Город пылает, весь в дыму. Вокруг следы ожесточенных боев. В восьми километрах от города справа высится памятник. На мраморном постаменте простой и строгий обелиск. Здесь похоронено сердце Кутузова.

Несколько дней мы вели бои по уничтожению окруженных разрозненных группировок в Верхней Силезии.

…С 23 марта по 16 апреля 1945 года бригада готовилась к Берлинской операции.

В небольшом блиндаже на опушке сосновой рощи расположился наблюдательный пункт бригады. Перед нами — река Нейсе. Берега крутые, обрывистые. За рекой — противник. В бинокль хорошо видны позиции немцев.

Последняя ночь перед наступлением. Из штабных офицеров никто не спит. Да разве уснешь? Последний рывок — и мы в Берлине.

Наступило 17 апреля. Всходило солнце. Его яркие лучи выглянули из-за островерхих сосен. И вдруг началась мощная артиллерийская подготовка. Противоположный берег заволокло дымом. Появились штурмовики. Они поставили дымовую завесу.

— Даешь Берлин! — закричали танкисты.

Машины устремились к Нейсе. По наведенному мосту спешим вперед. Теперь уже идем к Шпрее. Местность лесисто-болотистая.

К исходу дня 17 апреля передовые части корпуса подошли к Шпрее, а ночью свердловчане успешно форсировали ее.

18 апреля челябинцы, составляя передовой отряд корпуса, начали преследование отходящего противника в направлении Калау, Луккенвальде. Мы надеялись наступать в сторону Бранденбурга, и вдруг приказ: корпус поворачивает на север. Это значит — на Берлин.

Я взглянул на карту. На пути к Берлину оставался Луккенвальде — последний крупный город. На перекрестках замелькали указки: «До Берлина — 140 км». На дороге мелом начерчена стрела: указывающая на запад, и надпись: «Скорее на Берлин!»

Перед Луккенвальде — короткая остановка. Пополняем боеприпасы, горючее. Через день-два мы пойдем к Берлину. Люди горят желанием скорее ворваться в логово фашистского зверя.

Ко мне подходит начальник политотдела. Он провел много бессонных дней. На бледном лице — следы усталости, но глаза горят весело.

— Михаил Георгиевич, через десять минут митинг.

На огромной поляне, окаймленной вековыми соснами, впереди замаскированных танков выстроились добровольцы. Люди — в торжественно приподнятом настроении.

Короткую речь произносит начальник политотдела.

— Об этих днях мы давно мечтали, — говорил Михаил Александрович. — И вот уже до Берлина рукой подать. Враг накануне разгрома, но еще жесток и коварен. Нам выпало счастье участвовать в штурме фашистского логова. Удвоим удары по врагу!

Выступает замполит первого батальона капитан Устинов. Взволнованно звучат голоса комсорга 2-го танкового батальона старшины Николая Павлова, механика-водителя коммуниста Кружалова.

Мы знали, что немцы превратили Берлин в сильнейший укрепленный район. Город опоясывали три рубежа: внешний, внутренний и городской. Фашисты будут драться за каждый дом, каждый квартал, до последнего солдата. Впереди нас ждали жаркие схватки. Об этом я и сказал на митинге.

По рядам прокатилось громкое солдатское «ура». Челябинцы были готовы к уличным боям. Опыта у них достаточно.

Неожиданно в бригаду приехал генерал Е. Е. Белов. Он возбужден, лицо его, как никогда, сияет.

— Готовы, челябинцы, штурмовать Берлин?

— Так точно, товарищ генерал, — с необычным задором отвечают танкисты.

— Посмотрим. В какой батальон поведешь, Фомичев?

— К автоматчикам. Они только что овладели деревней Еникендорф.

— Ну, добро, начнем со Старостина.

Идем к автоматчикам. Вдруг раздался выстрел. Пуля едва не задела генерала. Белов выхватил пистолет и выстрелил в притаившегося гитлеровца. Но мимо. Тем временем фашист еще

раз пытался выстрелить. Стремительно вынимаю трофейный парабеллум, но в это мгновение фашист падает: сзади нас прозвучал выстрел. Мы оглянулись и увидели Толю Якишева, нашего «сына бригады». Толя, сияя от радости, подбегает к нам.

— Спасибо, сынок, ты спас жизнь нашему неосторожному комкору, — сказал генерал Д. Д. Лелюшенко, который в этот момент подъехал на машине и тепло пожал Якишеву руку.

Генерал Лелюшенко тут же к гимнастерке Якишева рядом с орденом Красной Звезды прикрепил медаль «За отвагу».

Побывав у автоматчиков, направились в танковые батальоны.

— Старший лейтенант Коротеев, — представляется командир первого батальона.

— Знаю такого, — улыбнулся генерал. — Войско готово штурмовать Берлин?

— Хоть сию минуту.

Были мы во втором батальоне, которым уже командовал коммунист Пупков. И в третьем, который возглавлял старший лейтенант Акиншин.

— Растут твои орлы, — на прощание сказал генерал.

Да, Пупков, Коротеев и Акиншин в бригаду прибыли командирами танков. А сейчас — комбаты.

— В Берлине они еще себя покажут, товарищ генерал.

Жители Берлина в гостях у танкистов.

Танки вытягиваются вдоль автострады. Наступаем на Берлин с юга. Впереди — батальон старшего лейтенанта Акиншина. На пути — небольшая деревушка из пяти-семи домов, в которых засели гитлеровцы. На огородах, вдоль шоссе — огневые позиции. Со стороны деревни ударила артиллерия. Танки Акиншина открыли ответный огонь. Сбивая заслоны, бригада стремительно продвигалась вперед. Моросил мелкий надоедливый дождик. Сырой холодный ветер пробирал до костей. На перекрестках мелькали сохранившиеся указатели: «Berlin».

К вечеру 23 апреля подразделения бригады ворвались в Штансдорф, пригород Берлина. Закопченные щербатые стены уцелевших домов и костелов вздымались над пепелищами горевшего города.

Перед нами — канал Тельтов. Нам предстоит его форсировать. На противоположном берегу противник. Из проемов домов торчат стволы орудий, на этажах расположились автоматчики и снайперы. Берег утыкан, огневыми точками, закованными в бетон.

В штабе собрались командиры батальонов и рот. Нам предстояло наступать на небольшом участке, и тем не менее надо было тщательно подготовиться к атаке. Подполковник Баранов высказал очень ценную мысль. После артиллерийской подготовки, которая намечалась по плану вышестоящего штаба, танкисты возьмут под обстрел вражеских артиллеристов, а автоматчики тем временем будут форсировать канал.

— А теперь давайте подумаем, как будем вести уличные бои в городе, — обратился я к присутствующим.

Опыт мы уже имели, но понимали, что в такой обстановке, где каждый дом превращен в крепость, не так-то легко воевать. Особенно нам, танкистам. Мы нуждались в поддержке пехоты. Танк в городе стеснен, ему не хватает пространства для маневра, его на каждом шагу поджидают фаустники, он становится хорошей мишенью для артиллерии противника.

— Надо создать штурмовые группы, способные вести ближний бой в городе, — предложил старший лейтенант И. С. Пупков.

— Ваше мнение совпадает с нашим, — сказал я. — За каждым танком закрепим по 5—7 человек автоматчиков, саперов, разведчиков.

— Неплохо бы атаку прикрыть дымовой завесой, — высказался М. Г. Акиншин.

— Обязательно прикроем переправу не только пехоты, но и танков, и артиллерии, — заверил нас начальник химической службы бригады.

Короткая подготовка к атаке. Люди рвались в бой.

23 апреля в 21.15 грянул батарейный залп «катюш» корпусного дивизиона. Это был сигнал начала штурма канала Тельтов. Вдоль берега поползла дымовая завеса. По засеченным целям ударили танковые орудия. Облюбовав огневую позицию во дворе невысокого дома, огонь открыли минометчики роты офицера Ильченко.

Гвардейцы-автоматчики побежали к мосту. Противник открыл ураганный огонь. Резко ударили орудия, с противоположного берега застрочили пулеметы. Пулеметчик Сажин, устроившись за каркасом моста, открыл огонь. Упал раненный в грудь автоматчик рядовой Сатаров.

Поползли к противоположному берегу с головыми шашками саперы. На добровольцев противник обрушил огонь из тяжелых минометов. Создалось довольно тяжелое положение. Мы вынуждены были прекратить атаку. Пехотинцы отползли на исходные позиции.

Повторная атака перенесена на следующий день. Забрезжил

рассвет. Над каналом клубился легкий туман. Сырое, промозглое утро. Из штаба корпуса прибыл офицер. Он привез карту с нанесенной на ней задачей: к исходу дня форсировать канал и в дальнейшем наступать в направлении Нововес.

У нас еще есть время, и мы готовимся к бою. Штаб расположился на третьем этаже полуразрушенного дома. Подполковник Я. М. Баранов и его подчиненные довели до войск поставленную задачу, позаботились об обеспечении непрерывного взаимодействия.

24 апреля в 15.00 наши артиллеристы и минометчики произвели кратковременный налет на врага. В атаку ринулись автоматчики. Первыми достигли противоположного берега саперы во главе со старшиной Пасынковым.

Несколько часов шел бой за переправу. И лишь ночью 25 апреля нам удалось закрепиться на противоположном берегу, а танки переправить по наведенному мосту правого соседа — армии генерал-полковника И. С. Рыбалко.

Начались уличные бои. Осторожно продвигались вперед танки, вслед за которыми шли автоматчики. Командиры батальонов Коротеев, Пупков и Акиншин очень расчетливо управляли подчиненными в этих тяжелых и изнурительных боях.

Немецкая столица объята пламенем. Улицы заволокло дымом. Сотни самолетов бомбят город, артиллерия непрерывно обстреливает столицу. Крушатся многоэтажные здания, рушатся правительственные учреждения.

Бригада захватила район Бабельсберг. Утомленный многодневными боями, я прилег отдохнуть. Богомолов меня тормошит:

— Вот так новость! — говорит начальник политотдела. — Эррио мы освободили.

Сон словно рукой сняло:

— Бывший глава французского правительства?

— Конечно, он.

Вспомнили судьбу этого отважного человека.

И вот он входит ко мне в комнату. Среднего роста, старый, обрюзгший. Лицо изрезано глубокими морщинами. Эррио тепло жмет мне руку, внимательно смотрит прищуренными глазами.

— Кто меня освободил? — интересуется он.

— Бригада сибиряков-уральцев, — ответил я.

— А ваша фамилия?

— Полковник Красной Армии Фомичев.

— О, о сибиряках я многое слыхал. Отважный народ. Спасибо, что освободили от желтой чумы, — говорит Эррио на немецком языке и на прощание просит меня с ним и супругой

сфотографироваться.

Комбриг гвардии полковник М. Г. Фомичев и Эдуард Эррио с супругой.

А тем временем с юго-востока на Берлин двигались немецкие части.

Бригада по приказу комкора, оставив Берлин, устремилась им наперерез. Несколько дней мы отбивали яростные атаки.

2 мая узнали радостную весть: Берлин пал. Это придало нам силы. Бригада упорно удерживала рубеж, и лишь немногим гитлеровцам удалось вырваться из окруженной котбусской группировки.

ПРАГА ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

Был субботний вечер. После дневных забот я присел возле автобуса. У штабной радиостанции собрались командиры батальонов, рот, взводов. Доносится глуховатый басок старшего лейтенанта Михаила Коротеева. Он рассказывает, как гвардейцы его батальона отбивали яростные атаки немцев, пытавшихся прорваться из окружения.

— Перебили мы фрицев более тысячи, — говорит комбат. — Жаль, не уберегли капитана Сашу Сидельникова.

Да, буквально в последние минуты боя этот отважный офицер, командир роты, был сражен вражеской пулей.

Челябинцы расположились на огромной поляне, окаймленной густым сосняком. Слышатся шутки, смех, кто-то лихо перебирает клавиши баяна, кто-то звонко запел:

Там за Камой, за рекой
Потерял я свой покой…

Саша Соколов кричит радисту Виктору Колчину:

— Поищи-ка что-нибудь поинтереснее.

— Минуточку, — отвечает Колчин.

Из автобуса на землю спрыгивает старшина Владимир Войкин.

— Что там ждать, давайте лучше сами споем, — и он запел «Из-за острова на стрежень».

Песня начала расти, шириться. Вдруг ко мне подбегает Сергей Кестер:

— Товарищ полковник, Прага говорит, Прага зовет на помощь.

Собравшиеся у автобуса притихли. В наступившей тишине звучал взволнованный голос: «Говорит Прага, говорит Прага! Руда Армада, на помощ! Руда Армада, на помощ!..»

В Праге ждут помощи от Красной Армии, у них нет оружия и боеприпасов, продуктов питания и медикаментов, на улицах города патриоты проливают кровь.

Губы невольно шепчут: «Мы слышим твой голос, Злата Прага, мы поспешим тебе на помощь».

До Праги — не менее четырехсот километров. Далековато до вас, родные братья, но в беде вас не оставим. Мы уже знали, что в первых числах мая в столице Чехословакии вспыхнуло народное восстание. Население братской нам страны, вооружившись

винтовками, пистолетами, охотничьими ружьями, гранатами, захватило важнейшие стратегические пункты: радиостанцию, телеграф, вокзал и ряд других объектов.

Гитлеровский генерал фельдмаршал Шернер решил потопить в крови начавшееся восстание. Завязались тяжелые уличные бои. Силы были неравны. На опорные пункты повстанцев гитлеровские летчики сбрасывали сотни бомб. Улицы превращались в развалины. На фонарных столбах раскачивались трупы чешских патриотов. Используя огромное преимущество в технике и вооружении, немецкие войска подавляли один очаг восстания за другим. Вскоре врагу удалось прорваться к центру. Восстание шло на убыль. И тогда по радио полетели тревожные призывы: «Говорит Прага! Говорит Прага! Помогите, друзья, восставшей Праге!»

Связываюсь по рации с командиром корпуса генералом Е. Е. Беловым. Докладываю об услышанном.

— Мы об этом уже знаем. Сейчас выезжаю к Лелюшенко, видимо, пойдем на Прагу. Так что готовься, — сказал мне генерал.

Всю ночь мы дозаправляли горючим танки, автомашины, пополняли боеприпасы. А на рассвете 6 мая 1945 года меня вызвали в штаб корпуса. Генерала Е. Е. Белова я застал возле карты-склейки, развешанной во всю стену. Красная стрела была нацелена на юго-восток — на Прагу.

— Бригада снова пойдет в передовом отряде, Фомичев. Задача не из легких. Корпусу предстоит преодолеть солидное расстояние, а времени в обрез. К тому же, на пути горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев.

Я взглянул на карту. Горный рельеф, резко пересеченная местность. А вот это — Рудные горы. Прикинул их ширину — не менее 50 километров.

— Пойдешь по маршруту Носсен, Фрейберг, Лоцин, Билина, Лоуни, Слани, — и генерал провел по карте карандашом. — Нам еще, Михаил Георгиевич, повезло. Рудные горы с севера на юг в направлении нашего удара пересечены шоссейными дорогами. Но учти: тебя ожидает не одна гитлеровская засада. Будь начеку!

Я вернулся в бригаду, а на бронебашнях машин вместо надписей «На Берлин!» уже появились слова: «На Прагу!..» Я даже удивился:

— Кто вам сказал, что мы идем на Прагу!

— Сердце подсказывает, — ответил командир батальона автоматчиков майор Г. И. Старостин. — Мы слышали по радио, что в Праге восстание, и чехи просят помощи. А кто же быстрее

может оказать ее?

Весть о наступлении на Прагу взволновала всех воинов бригады. Танкисты и автоматчики снова рвутся в бой. Настроение у всех на редкость боевое. Я знал: бойцы устали. Позади остались два года непрерывных боев. Курская дуга, Каменец-Подольский, Львов, братская Польша, штурм Берлина. Однако сейчас не до отдыха.

Сыро, не по-майски холодно. В первом танковом батальоне идет комсомольское собрание. Старший лейтенант М. Ф. Коротеев говорит:

— Положение в Праге очень тяжелое. Спасение города и жителей во многом зависит и от нас, от темпа марша и наступления. Приказ командующего 1-м Украинским фронтом гласит: нашей танковой армии с армией Рыбалко разгромить северные армии группировки Шернера, войти в Чехословакию и освободить ее столицу. Наш батальон с сегодняшнего дня идет первым. Командование бригады на нас надеется.

— Немецко-фашистские захватчики хотят погубить Прагу, залить ее улицы и площади кровью славян, — сказал комсорг батальона Валентин Чернов. — Мы не можем этого допустить. Не можем! Не подкачаем, ребята!

Накануне многие добровольцы подали заявления с просьбой принять их в члены ВЛКСМ. Я знал, что в политотделе выделили лишь пятнадцать значков и сказали: «Вручить лучшим комсомольцам».

— Товарищ полковник, полчаса ломали голову над тем, как из сотни отличных ребят отобрать этих пятнадцать «лучших». Все они лучшие. Воюют что надо. Как быть? — спросил расстроенный и взволнованный Чернов.

Рад был бы помочь комсоргу, но не могу. В самом деле, все солдаты воевали на славу. Но пока нет значков.

— Решайте сами!

И вот вижу сейчас, какой радостью светятся глаза у тех, кому вручали комсомольские значки.

Комсомольские и партийные собрания прошли во всех батальонах.

Объявляем тревогу. Под гусеницами уральских машин загудела немецкая автострада. Гул танковых двигателей взорвал тишину.

Движемся на юг. Спешим к Праге. Впереди — первый батальон Михаила Коротеева. Где-то в двух-трех километрах в головной походной заставе идет первая рота старшего лейтенанта В. Полегенького. С ним на броне сидят разведчики старшины Александра Соколова и саперы старшины Федора Пасынкова.

На каком-то рубеже завязывается короткий бой. Фашисты зло сопротивляются. Темп движения спал.

— Пойдем по проселочным дорогам, — решили мы в штабе.

— Не застрянем ли? — опасается Баранов.

Движемся медленно. Подчас приходится вытаскивать застрявшие колесные машины. Дорога выводит нас к какой-то небольшой деревушке. Ищем указки. На их месте лишь торчат деревянные столбы.

На улицах несколько машин и повозок. Полегенький докладывает:

— Впереди — немцы!

И тотчас гремят выстрелы. Возникает перестрелка. Загораются машины, на углу дома вспыхнула «пантера». Немцы разбежались по деревне.

В кюветах — опрокинутые машины, исковерканные бронетранспортеры, штабные автобусы. В упряжках бьются раненые лошади, рвутся боеприпасы. На оставленных позициях — длинноствольные 88-миллиметровые орудия, счетверенные зенитные пулеметы.

За селом в кювете труп фашиста. Сержант Мягков достал из кармана гитлеровца документы. Майор, воюет с 1938 года. Награжден многими орденами и медалями. Расстреливал жителей Варшавы, вешал советских людей в Минске и Смоленске. Был под Сталинградом. А пуля уральцев уложила у самого дома. Бесславный конец головореза.

Ночь. Шумит дождь. Зябко и сыро. Направляющей идет машина командира роты старшего лейтенанта Владимира Полегенького, за ним — Леонида Буракова, а потом — Ивана Гончаренко.

Короткий привал. Левее от нас гремят выстрелы. Западнее — это в тылу — всполохи пожаров. Радисты бригады поймали позывные Москвы. Диктор читал:

> «Советские войска овладели крупным промышленным центром Бреслау».

Танкисты осматривают и дозаправляют машины. Тут как тут старшина батальона Литвинов. За ним неотступно, как всегда, следует каптенармус Бузаверя. Хозяйственники обходят экипажи, предлагают солдатам ужин. Но никто не вынимает котелки. Люди сильно устали.

Возле машин, на сосновых ветках, разметав руки, отдыхали танкисты. Я подошел к командиру первого батальона:

— Пора поднимать людей.

Михаил Коротеев протирает сонные глаза, тянется к

карманному фонарику:

— Уже три, только что уснул.

Капитан спешит к первой танковой роте. Через минуту появляется Полегенький.

— Скоро выступаем, готовы к походу?

— Так точно, товарищ полковник.

Подъехала походная кухня. Старший сержант Иван Шевченко приглашает танкистов к котлу.

— Товарищ полковник, вы бы тоже поснидали. До Праги еще богато километров.

Танки первого батальона уже вытягиваются вдоль деревенской улицы. Первая рота Полегенького снова пойдет впереди.

— Враг коварен и хитер, — напутствуя ротного, сказал я, — так что будьте осторожны. Помните, что нас ждет Прага.

Взвод Леонида Буракова открывает бригаде путь к столице Чехословакии. Первыми идут три машины — лейтенанта Л. Буракова, лейтенанта И. Гончаренко и младшего лейтенанта П. Котова.

Леонид Бураков — молодой командир. В бригаду он пришел на Висле, и за эти полгода показал себя храбрым офицером и умелым танкистом. Его часто комкор Белов путал с младшим лейтенантом Бирюковым.

— Что это ты, Фомичев, — нередко говорил генерал. — Вчера доложил, что в головном дозоре отличился Бураков, а сегодня Бирюков. Как же все-таки фамилия этого офицера.

Приходилось объяснять командиру корпуса, что есть командир взвода Бураков и командир танка Бирюков. Хорошие друзья.

Продвигаемся дальше. Теперь впереди идет танк Котова, за ним лейтенанта Гончаренко. У Гончаренко хорошо подобранный экипаж, который не раз отличался во время боев на Висле, Одере, в Берлине. Особенно мне нравился командир орудия комсомолец сержант Павел Батырев. Он трижды был ранен, но с поля боя не уходил. Во время боев за город Штейнау подбил два «тигра», уничтожил орудие и два миномета. Его грудь украсил орден Красной Звезды.

Механик-водитель Шкловский, заряжающий Ковригин и радист Филиппов также показали себя отважными воинами.

Стремительно продвигаемся вперед. На юге уже засинели горы. Чаще встречаются засады. Рота Полегенького дважды вступала в бой.

К вечеру бригада подошла к населенному пункту Гелегстхайзен, раскинувшемуся в низине. Полегенький

докладывает:

— Из засады бьют танки.

Головная походная застава приняла бой. Танк Котова укрылся за длинным высоким сараем. Немцы засекли машину. Зажигательным снарядом подожгли сарай. Пополз густой черный дым.

Танк пошел в обход «пантер» и с первых выстрелов поджег одну из них. Другую подбили танкисты экипажа Буракова.

С крыш домов густо ударили пулеметы.

— К бою! — скомандовал разведчикам старшина Соколов.

Вперед побежали разведчики Рехин, Ефремов, Лавриков, Рябченко. Дружно ударили автоматные очереди. Разведчиков поддержали танкисты. От прямых попаданий снарядов загорелись хаты, вспыхнули соломенные скирды. Огонь охватил сарай. Фашисты заметались в панике, начали поспешно убегать.

Гелегстхайзен взят. Смельчаки пленили более ста солдат, но мы потеряли лучшего разведчика — рядового Рябченко. Мы отомстим за тебя, дорогой друг!

Спидометры отсчитывают новые километры. На исходе дня разведдозор вступил в деревню Зайда. Теперь до границы братской Чехословакии рукой подать.

Еще рывок — и танки бригады достигли чехословацкой границы. На горизонте неровными зубцами вырисовывались Рудные горы. Они не высоки, но очень отвесны и преграждают нам путь. За ними — Чехословакия. Предстоит преодолеть самый трудный участок пути: крутые подъемы и спуски, узкие дороги, обрывы, горные реки.

— Кого пошлем первым? — спрашиваю я у офицеров штаба.

— Разрешите мне повести бригаду? — просится коммунист Михаил Акиншин, командир третьего танкового батальона.

«Пожалуй, лучшей кандидатуры не подобрать», — подумал я.

— Добре, Михаил Григорьевич, веди бригаду.

На рассвете 8 мая снова зарокотали моторы танков. Машины двинулись по крутым отрогам, по дороге, зажатой горными массивами. Немцы упорно сопротивлялись. На поворотах то и дело встречались зенитные орудия. Автоматчики и пулеметчики батальона, которым командовал майор Старостин, смело взбирались на горные кручи и внезапными ударами сверху выводили из строя расчеты вражеских орудий, заставляя их сдаваться в плен, открывали путь танкистам.

Горная речушка пенится. Сердито бурлит вода. Спуститься к ней невозможно: крутизна не менее 40 градусов. Бьют орудия. Вот так пекло!

О возвращении назад и думать не приходится. Поди найди

обход в этих горах. Кто пойдет первым? Ко мне подходит коммунист старший сержант Василий Иванович Кружалов.

— Разрешите мне?

— А ты видел, что тебя ждет?

Он еще раз поглядел вниз:

— Нам все пути проходимы.

Василий Кружалов вел танк первым через Вислу и Одер. Это он, оставшись один в экипаже, храбро сражался с немцами на подступах к немецкому городу Зорау. Этого отважного бойца мы представили к высшей награде — званию Героя Советского Союза.

Василий попросил членов экипажа выйти из машины, развернул орудие назад. Старший сержант медленно начал опускаться вниз и одолел спуск. За ним танк повел Герой Советского Союза коммунист Федор Сурков. Он благополучно преодолел преграду. И так всегда. Где было трудно — первыми шли коммунисты.

Вдруг новое препятствие: узкую горную дорогу, что вьется над самой пропастью, противник завалил соснами, обмотав их колючей проволокой, и заминировал. Я вызвал старшину Пасынкова и приказал расчистить дорогу. В пропасть полетели деревья, и танки снова устремились вперед.

Крутой подъем. Пройдут ли танки? Навстречу разведчикам вышла группа крестьян. Старший из них мне представляется:

— Мы — чешские партизаны.

Крепкие объятия. Горячо жмем друг другу руки. Партизаны крайне удивлены нашим намерением преодолеть крутой подъем.

— Это невозможно, — сказал один из них. — Тем более сейчас, когда прошли такие ливни.

— Пройдем, — услышав наш разговор, твердо сказал комсомолец Иван Гончаренко.

За рычагами машины Гончаренко — доброволец Шкловский. Комсомолец. Храбрый солдат, беззаветно влюбленный в свою профессию. В одном бою на территории Польши немцы подбили танк — прямым попаданием снаряда был выбит ленивец, порвана гусеница. Члены экипажа заняли круговую оборону, отбивая натиск гитлеровцев. Шкловский тем временем отремонтировал гусеницу. И снова в бой.

Экипаж танка № 123. Справа налево гвардии старший сержант И. Шкловский, гвардии лейтенант И. Гончаренко, гвардии сержант П. Батырев, гвардии сержант Н. Ковригин, гвардии сержант А. Филиппов.

Мы спешим. Ведь Челябинская танковая бригада идет в авангарде корпуса. Мы пробиваем дорогу на Прагу гвардейцам 4-й танковой армии.

9 часов утра. Позади остается чешская граница. Рудные горы доставляют нам много хлопот. Танки с большим трудом одолевают высокогорный хребет. Вот и село. Первое чешское село Бистрица. На окраине остановились. К танкистам бросились группы нарядно одетых крестьян. Они обнимают, целуют добровольцев.

— Наздар, Руда Армада! — кричали молодые и старые.

К Саше Соколову подошла пожилая женщина. Она поклонилась русскому воину и тихо сказала:

— Спасибо, сыночки, что вы нас освободили. Долго мы ждали этого дня. — Соколов обнял старушку и трижды по-русски поцеловал.

Задерживаться некогда. Только вперед. До Праги — 100 километров. Головной батальон Михаила Коротеева, сбивая заслоны противника, рвется к чешской столице.

Благоухает весна. Все в цвету. Улыбки на лицах ликующих чехов. Люди от радости плачут и смеются. Наиболее ловкие

вскакивают на броню машин, обнимают автоматчиков, дарят цветы.

После полудня бригада вошла в Лоуни. Море красных знамен. На домах — трехцветные флаги Чехословацкой Республики. Через всю центральную улицу полотнище: «Ать жие Руда Армада! Да здравствует Красная Армия!»

К лейтенанту Гончаренко, на минуту выскочившему из танка, подбежала старушка. Она целовала его замасленную руку, приглашала зайти в дом.

Мальчишки с наполненными водой ведрами бегали от танка к танку. Никогда холодная колодезная вода не казалась нам такой вкусной.

А сигналы из Праги становятся все тревожнее: «…На помощ, на помощ!.. Руда Армада!.. Прага… Зовет чешская Прага!»

Неужели опоздаем? На предельной мощности работают моторы. Люди измотались тяжелыми переходами и боями, но никакие силы и трудности не могли остановить стремительного броска.

После Лоуни в бригаду приехал командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Он взял мою рабочую карту, прочертил красную стрелу на Прагу, обвел окраину города пунктирной линией и надписал:

«3.00 9.5.1945 г.».

Мы поняли свою задачу. Штаб тут же ее довел до командиров, отдал распоряжение по боевому обеспечению.

Начался стремительный марш. Перед заходом солнца Полегенький доложил:

— Колонна немецких танков. Атакуем!

Но пробиться вперед первый батальон не смог. Выдвигаю на помощь второй батальон старшего лейтенанта Пупкова. С фланга гитлеровцев атакуют танки Акиншина. Дружная атака. Спустя час от колонны остались груды искореженного металла, сотни трупов. Многие гитлеровцы были взяты в плен.

Ночь. Город Слони. Фашисты облили бензином дома, узкие мостовые. Языки пламени лизали асфальт. Из-за укрытий огонь ведут фашистские артиллеристы. Короткий встречный бой. Немцы, прижатые огнем наших танков и орудий, отошли вправо. Но уйти на запад, к американцам, удалось лишь немногим. Делаем остановку. На площади толпы чехов. Играет оркестр волынщиков. Громко бьют барабаны. На броню танков летят букеты сирени.

Ко мне подходит радист штабной машины старшина Владимир Войкин.

— Только что передали по радио: в Берлине подписан акт о капитуляции.

Когда танки вышли из города Слани, над горизонтом показалось зарево пожара.

— Прага горит! — сказал Зденек, молодой чех, ехавший с нами до самой границы в качестве проводника. В его глазах появились слезы.

Брендысек. Небольшой населенный пункт. До Праги — пять-семь километров. Вызываю старшин Соколова и Пасынкова.

— Пожалуй, это для вас последняя разведка, — сказал я. — Нужно узнать, что происходит в городе. Только прошу: будьте особенно осторожны. Война уже кончилась: в Берлине подписан акт о капитуляции Германии.

Разведчики и саперы поудобнее устраиваются на броне танков Ивана Гончаренко и Леонида Буракова.

Разведгруппа ушла в темную ночь. Идем вперед и мы. Я волнуюсь. Не может скрыть волнение и начальник политотдела подполковник М. А. Богомолов. Покусывая кончик цветного карандаша, в топокарту уткнулся начальник штаба подполковник Я. М. Баранов. Ждем разведданные. Переживаем за людей. Как они там?

Соколов позже рассказывал:

— Танки медленно идут по дороге. Разведчики глазят во все стороны. Временами останавливаемся. Прислушиваемся. Тишина. Впереди зарево пожаров, иногда оттуда доносится стрельба, Это повстанцы ведут бой с фашистами.

В километре от города слезли с танков, разбились на две группы и идем по обе стороны дороги. Вдруг на мою группу кто-то напал. Это было так неожиданно, что я вначале не понял, в чем дело, крикнул:

— Ребята, к бою!

Услышав русскую речь, напавшие в следующее мгновение уже обнимали и целовали наших разведчиков и саперов, Это были повстанцы.

И вот передо мной стоят чехи. Их привез на танке лейтенант Бураков. Они неплохо объясняются на русском языке.

— Прага вас ждет. Спешите.

Уже светало. Радостно забилось сердце, когда мы увидели на рассвете зубцы церквей и башен древнего города. Спустя полчаса передовые подразделения бригады достигли северо-западной окраины Праги. Шоссе перегорожено баррикадой, сооруженной из брусчатки разобранных мостовых. Восставшие не ждали нас с этой стороны. Они предполагали, что мы придем с востока. Каково же было удивление чехов, когда перед их

оборонительными сооружениями появились советские танки.

Тепло детских рук. Гвардии старший лейтенант Услугин и чехословацкий мальчик. Прага, 9 мая 1945 г.

Из-за баррикады вышел чешский офицер, руководивший отрядом восставших. Мы крепко обнялись и расцеловались. И тотчас, размахивая винтовками и фуражками, с радостными возгласами «Наздар!», «Наздар!» побежали навстречу советским танкистам чешские повстанцы.

Навстречу нам устремились тысячи мирных жителей. Танк Гончаренко, шедший впереди, встретила группа людей с развернутыми красными знаменами. На полотнищах вышиты серп

и молот. Чешская патриотка подошла к сидящим на броне разведчикам и передала им знамя.

Люди пели, плакали от радости, дарили нам цветы, протягивали своих детей, которые доверчиво обнимали нас. И не было для нас, советских воинов, лучшей награды, чем эта сердечная благодарность народа.

Сопровождаемые ликующими жителями, танкисты настойчиво теснят немцев. Бой не затихает ни на минуту. Оставаться на улицах опасно. Но чехи не хотели расходиться по домам. Они указывали танкистам расположение вражеских пушек и пулеметов, предупреждали об опасностях, находили наиболее удобные пути движения. Невдалеке от площади Витязей ко мне подошел пожилой чех и на ломаном русском языке сказал:

— Простите, пожалуйста, господин офицер, что я вас задерживаю. Но я должен вас предупредить: в скверике, который вы видите, фашисты установили пушки.

Продвигаться вперед становится все труднее и труднее. Особенно разгорелся сильный бой на подступах к Пражскому Кремлю. Но теперь уже ничто не могло остановить наших танкистов. Первым к Пражскому Кремлю вышел танк лейтенанта Гончаренко.

Стояла солнечная теплая погода. Во всей красе встала перед нами Прага. Радиостанции, установленные на танках, приняли радостную весть, которую советские люди ждали четыре военных года: Великая Отечественная война завершилась полной нашей победой.

А 63-я гвардейская танковая бригада, другие части и соединения добивают эсэсовцев, засевших на чердаках высоких пражских домов.

Впереди — река Влтава. Фашисты захватили мост, подступы к нему заранее были пристреляны.

Лейтенант Гончаренко докладывает:

— Веду бой за Карлов мост.

Прошло полчаса. Гончаренко вновь радирует:

— Танк встречен огнем самоходных орудий, прорываемся к мосту.

Танкисты завязали бой. Слева горит дом. Дым стелется по асфальту. Гончаренко дает целеуказания, и комсомолец Павел Батырев посылает по врагу снаряд за снарядом. Три «пантеры» остались подбитыми на мосту.

Танк Гончаренко с ходу влетел на мост. Последняя река на нашем боевом пути. Над водой курился легкий туман. За рекой стреляли. К мосту устремились толпы радостных жителей. Иван Гончаренко, высунувшись из люка, отвечал им на приветствия. И

тут враг ударил фаустпатроном.

На площадь входили танки нашей бригады, бежали автоматчики.

Вот она, Влтава! На холме купается в золоте солнечных лучей Пражский Кремль с шпилями храма святого Витта. Подъезжаю к мосту и вижу подбитый танк, а возле него, обнажив головы, стоят пражане. На брезенте лежит безжизненное тело Ивана Григорьевича Гончаренко, рядом — тяжело раненные механик Шкловский и радист Филиппов. Подбежали санитары.

Танки первого батальона прорвались за Влтаву. Туда поспешил и я.

Вечером Москва салютовала нам из тысячи орудий. Мы с ликованием слушали голос Москвы. Вдруг звонок из штаба корпуса. Южнее Праги оставшиеся войска Шернера упорно сопротивляются. Бригада снялась с места. Мы направились добивать остатки шернеровской группировки.

ДРУЗЬЯ МОИ, ОДНОПОЛЧАНЕ

Стюардесса объявила:

— Подлетаем к Челябинску. Идем на посадку.

Учащенно забилось сердце. Меня, а также ветеранов 63-й Челябинской танковой бригады пригласили на «Неделю боевой славы». Со многими добровольцами я лишь вел переписку, после войны не встречался. Прошло с тех пор более двадцати лет.

Самолет подруливает к аэровокзалу. Обмениваемся крепкими рукопожатиями с представителями обкома партии и обкома комсомола, с бывшим начальником политотдела М. А. Богомоловым.

Ко мне подходит рослый человек в штатском костюме.

— Узнаете, товарищ генерал?

— Не Иван ли Любивец?

— Так точно!

А спустя час я был в окружении добровольцев-челябинцев. При всех орденах майор запаса А. А. Аликин. Крепко жму руку бывшему начальнику связи бригады. Аликин знакомит меня с женой, рассказывает о себе. Живет он в городе Первоуральске Свердловской области, возглавляет группу снабжения на хромпиковом заводе.

Ордена и медали на груди у парторга батальона В. В. Белоусова, ныне мастера производственного обучения ГПТУ города Златоуста. Красуются Золотые Звезды Героев на лацканах пиджаков Дмитрия Мефодьевича Потапова и Федора Павловича Суркова.

Подходит майор запаса Б. Н. Ерофеев, он был начальником штаба второго батальона. Спрашивает:

— Что знаете о Иване Сергеевиче Пупкове.

— Теперь он генерал.

— А где Михаил Коротеев?

— Тоже генерал. Продолжает служить в Армии. Недавно избран Почетным гражданином Праги.

А вот и Аня Пашенцева. Наша бесстрашная телефонистка. Рядом с ней командир медсанотделения Анна Алексеевна Шуховцева. Время посеребрило ее волосы, а в глазах по-прежнему живой огонек. Анна Алексеевна с теплотой вспоминает совместные бои и походы. В беседу включаются другие добровольцы.

Да, нам есть что вспомнить, есть о чем поговорить. Боевое крещение бригада получила в битве под Орлом в 1943 году. В этом году за отличные боевые действия добровольцы трижды

удостоились благодарности Верховного Главнокомандующего, а бригада — звания гвардейской.

Челябинцы участвовали в беспримерном весеннем наступлении Красной Армии по освобождению Правобережной Украины. Ломая яростное, отчаянное сопротивление врага, преодолевая бездорожье и весеннюю распутицу, гвардейцы стремительно вклинились в оборону немцев, совершили рейд по тылам и первыми ворвались в областной город Каменец-Подольский.

Гвардейцы-добровольцы освобождали город Львов, громили ненавистных немецко-фашистских захватчиков на территории братской Польши, успешно форсировали девять крупных рек — среди них Варту и Одер, Нейсе и Шпрее. Мы были в числе войск, водрузивших Знамя Победы над Берлином.

Нас с цветами встречали чехи и словаки, с развернутыми знаменами мы вошли в город Прагу. Знамя бригады мы пронесли по трем странам Европы — Польше, Германии и Чехословакии.

За 22 месяца Челябинская бригада прошла путь в 3800 километров, в том числе 2000 километров с боями. Ей было присвоено наименование «Петраковской», а боевое знамя бригады украсилось орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова. Более двух тысяч солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями, а семь человек удостоились звания Героя Советского Союза. Это — Дмитрий Мефодьевич Потапов, Федор Павлович Сурков, Петр Иванович Цыганов, Иван Ефимович Романченко, Василий Иванович Кружалов и Павел Павлович Кулешов. Этого высокого звания я был удостоен дважды.

…Подходит Михаил Акиншин.

— Здравствуйте, товарищ генерал.

Мы крепко обнялись, расцеловались. С Михаилом Григорьевичем мы часто переписываемся. Из его писем я знал о том, как сложилась судьба многих добровольцев. Он мне писал о А. В. Худякове, В. В. Василевском, С. В. Кестере…

На встречу однополчан приехал бывший замполит батальона А. А. Денисов, фельдшер роты управления М. Д. Мостовов, ныне директор школы.

Саша Соколов. Сейчас он Александр Александрович, инженер-испытатель Челябинского тракторного завода, а Валентин Чернов стал журналистом.

— Что-то не вижу Петра Андреевича Левшунова. Обещал приехать.

— Приболел, — сказал кто-то.

— А вам что-нибудь известно о его судьбе? — спросил Богомолов.

— Мы с ним переписываемся. Живет в Омске, на пенсии.

Гончаров предлагает сфотографироваться на память. В это время подходит пожилая женщина. Никак, Наталия Ивановна Черемных-Червякова. В составе бригады воевали ее муж и сын. Оба погибли за Родину.

Едем в «Волге». Сергей Викторович Кестер увлеченно рассказывает о Челябинске. Последний раз я был в этом городе в 1958 году. Челябинск до неузнаваемости изменился. Похорошел. Разросся.

…«ТУ-104» берет разбег. До свидания, друзья. Под крылом самолета в ярких огнях Челябинск, город, в котором осталась частица моего сердца, остались люди, с которыми мне довелось прошагать за два года тысячи километров по фронтовым дорогам, пройти незабываемые огненные версты.

notes

Примечания

1

ПАРМ — походная армейская ремонтная мастерская.